
Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 1

Выходит 5 раз в год

2013

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik-mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 1

Issued 5 times a year

2013

Series «History and Political Sciences»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.фил.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.фил.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф.м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коничев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Пасечник В.В. – д.п.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф.м.н., проф. МГТУ им. М.Л. Шолохова
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozеров – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolyubov – member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitzevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukan University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences»

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.;
Фукс А.Н. – д.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к. полит. н., доц.; **Дж. Гонзалес**, доктор наук, университет Воллонгонг (Австралия);
Могильницкий Б.Г. – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск); **Протасов Л.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов); **Наталици М.** – доктор наук (университет Сиена, Италия); **Воронин С.А.** – д.и.н., проф. (РУДН, Москва)

Editor-in-chief :
N.I. Smolensky, Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev, Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova**, Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev**, Doctor of History, Professor;
V.N. Zakharov, Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks**, Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov**, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González**, Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky**, Doctor of History, Professor (Tomsk State University; Tomsk); **L.G. Protasov**, Doctor of History, Professor (Tambov State University; Tambov); **M. Natalici**, Doctor of Science (University of Siena, Italy); **S. Voronin** – Doctor of History, Professor (People's Friendship University of Russia).

ISSN 2072-8360

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2013. – № 1. – М.: Изд-во МГОУ. – 90 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» 36765

ISSN 2072-8360

Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences». – 2013. – № 1. – М.: MSRU Publishing house. – 90 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-26139

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog 36765

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Лукьянов К.А.</i> Изменение методов борьбы за власть в Норвегии XII-XIII вв.	5
<i>Шелудченко Н.П.</i> Новая «восточная политика» ФРГ в 1990-е — 2005 гг.	10

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Чекалин А.Е.</i> Формирование рода князей Черкасских в России XVI в.	17
<i>Белов А.В.</i> Суконная промышленность казенных крестьян на территории Москвы и Московской губернии в 80-е — 90-е гг. XVIII в.	24
<i>Федорова Е.Ю.</i> Славянский вопрос в русской общественной мысли эпохи Николая I	30
<i>Черник М.В.</i> О некоторых проблемах реализации Судебных уставов 1864 г. в Калмыкии....	35
<i>Предигер Б.И.</i> Сравнительный анализ деятельности средних учебных заведений на материалах Казанского и Московского учебного округа начала XX в.	38

РАЗДЕЛ III. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Багдасарян С.Д.</i> «День урожая» в советской деревне 1920-х гг.: мотивы создания и порядок празднования (на материалах Дона, Кубани, Ставрополя)	44
<i>Горлов В.Н.</i> Ведомственное жильё в СССР	51

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Шахновский А.Л.</i> Политическая реклама как составная часть политических технологий: терминологический аспект	57
<i>Мосоликов С.А.</i> Прокремлевские молодежные объединения: структуры власти или институты гражданского общества?	63
<i>Козьякова Н.С.</i> Политическая деятельность Ватикана в странах СНГ (на примере Украины)	70
<i>Малоземов С.И.</i> Влияние электорального поведения крестьянства на деятельность политических партий постсоветской России	74
<i>Тищенко И.В.</i> Теоретические основы влияния сырьевой зависимости государства на состояние его политических институтов	80
<i>Рудакова Е.Н.</i> Сущность образовательной политики российского государства в условиях глобализации	84
НАШИ АВТОРЫ	88

CONTENTS

SECTION I. GENERAL HISTORY

<i>K. Lukianov</i> Change of methods in struggle for power in Norway of the XII-XIII TH centuries	5
<i>N. Sheludchenko</i> New «east policy» of FRG in 1990-2005.....	10

SECTION II. HISTORY THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

<i>A. Chekalin</i> Formation of the Cherkassk princes clan in the XVI TH century Russia	17
<i>A. Belov</i> Cloth industry of state peasants on the territory of Moscow and Moscow province in the 80s-90s of the XVIII TH century.....	24
<i>E. Fedorova</i> The slavic question in Russian social thought of Nicolas I epoch.....	30
<i>M. Chernik</i> About some problems of realization of judicial statutes of 1864 in Kalmykia	35
<i>B. Prediger</i> The comparative analysis of secondary educational institutions activities examined on the materials of Kazan and Moscow educational districts at the beginning of the XX TH century	38

SECTION III. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

<i>S. Bagdasarian</i> “Harvest day” in the soviet countryside of 1920-s.: motives of creation and the order of celebrating (on the materials of the Don, Kuban, Stavropol).....	44
<i>V. Gorlov</i> Departmental housing in USSR.....	51

SECTION IV. POLITOLOGY

<i>A. Shakhnovsky</i> Political advertising as a component of political technologies: terminological aspect.....	57
<i>S. Mosolikhov</i> Pro-kremlin youth groups: structures of state power or civil society institutions?	63
<i>N. Kozyakova</i> The Vatican political activities in the CIS (Ukraine as an example).....	70
<i>S. Malozemov</i> The influence of peasants’ electoral behavior on political parties activities in the post-soviet Russia.....	74
<i>I. Tischenko</i> Theoretical basis of the influence of state raw materials dependence on its political institutions.....	80
<i>E. Rudakova</i> Essence of educational policy of the russian state in conditions of globalization	84
OUR AUTHORS.....	88

РАЗДЕЛ I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(481)“12/13”

Лукьянов К.А.

Московский городской педагогический университет

ИЗМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В НОРВЕГИИ XII-XIII вв.

K. Lukianov

Moscow City Pedagogical University

CHANGE OF METHODS IN STRUGGLE FOR POWER IN NORWAY OF THE XII-XIIITH CENTURIES

Аннотация. В статье раскрывается специфика тактических приемов борьбы за власть и влияние. Автор детально разбирает весь набор средств, использованных норвежскими элитами в борьбе за социально-политическое господство в стране. Методы противостояния детально систематизированы и классифицированы. Анализируется их эффективность, объем затраченных сил и ресурсов, а так же устанавливается связь между приемами, ведущими к усилению власти, и этапами формирования раннефеодальной государственности в Норвегии.

Ключевые слова: эпоха Гражданских войн; конунг; хёвдинг; эпоха Викингов; тинг; лагман.

Abstract. The article examines the specificity of tactical methods of struggle for power and influence. The author gives a detailed description of the whole set of means used by Norwegian elites in their struggle for sociopolitical domination in the country. Methods of opposition are systematized and classified in details. Their efficiency, volume of the forces and resources spent are analyzed in the article. Besides, the author defines the connection between the methods of struggle leading to the amplification of authority and the stages of early feudal of statehood formation in Norway.

Key words: Civil wars Age; konung; haupting; Viking Age; ting; lagman.

Время острого социально-политического кризиса, получившего у современников название «Эпохи Гражданских войн», уже длительное время исследуется историками. Их стараниями вопросы экономики, права, изменения общественных отношений начали получать свое рассмотрение [1; 2; 3; 6; 7]. При этом сама политическая борьба долгое время остается в стороне от интересов большинства авторов, довольствующихся в лучшем случае кратким описанием хода действий и подведением итогов [5; 8; 9]. Стоит отметить, что при таком подходе мы лишаемся возможности многое прояснить. Дело в том, что специфика ведения борьбы, методы и тактика, используемые воюющими сторонами, нередко позволяют пролить свет на многие реалии того времени, ускользающие из сухих текстов правовых документов, обогатить наши знания. При таком подходе число работ совсем невелико [4; 15], и ощущается их острая нехватка.

© Лукьянов К.А., 2013.

Противостояние между воюющими сторонами в междоусобных конфликтах XII-XIII вв. принимало различные формы. Наименьшие изменения претерпели прямые методы воздействия на окружающих, производимые вождями с целью установления своего господства. Открытые боевые столкновения, продолжавшие оставаться одним из центральных моментов выяснения взаимоотношений между лидерами различных сторон, были хотя и масштабным событием, но редким. Военачальники того времени старательно избегали таких моментов, стремясь атаковать только в случаях ожидаемого успеха. Любое очевидное превосходство противника в большинстве случаев приводило к отступлению уступающей в чем-либо стороны, а то и к повальному бегству. [13, с. 470, 475, 502, 549; 11, с. 73, 156-157]. Личный героизм многих персонажей саг постоянно контрастировал с массовым дезертирством и обязательным бегством в случае, если войско начинало проигрывать. Более того, конунги Магнус Голоногий, Эйстейн Харальдсон, Хакон Широкоплечий, Эйстейн Девчужка и многие другие, менее могущественные вожди XII в., погибли именно потому, что их войско бежало и они не сумели его удержать. Поэтому мудрые лидеры, способные продумывать последствия своих действий, старались просто избегать таких ситуаций. «Не будем сражаться с превосходящим нас войском Магнуса конунга», — настоятельно посоветовал Сверриру его сподручный, Хавард Ярлов Сын, чьим мнением поинтересовался конунг, — «потому что если нам придется уйти с наших кораблей, то иметь дело с местными жителями будет хуже, чем с язычниками. Никто из нас не сможет надеяться остаться в живых, если он попадает в руки плащевигов или жителей Вика» [11: с. 54]. И наоборот, такой фактор превосходства, как внезапность, часто служил отличным сигналом к атаке. Перед морским боем при Флорувагаре Сверрир, получив данные разведки, убедил берестеников решиться на сражение с островитянами, именно апеллируя возможностью неожиданного для врага удара. «Я думаю, что лучше на-

пасть на них, пока они еще не приготовились к встрече с нами», — обратился к своему войску конунг, — «чем позволить им стрелять в нас первыми» [11, с. 119]. Данная мысль четко отражает реалии внутренних конфликтов той эпохи, когда стремительные набеги на силы противника или на сочувствующее ему население превалировали над баталиями, где обе стороны были в курсе расположения друг друга [13, с. 518, 533-535, 547, 560, 572; 11, с. 46-47; 73, 75, 77-78, 136, 137-139, 145, 160; 12, с. 280, 284]. Стремление сохранить боевые коллективы стало доминировать над старыми принципами доблести и героизма, еще недавно свойственными большинству воюющих. Судя по ослаблению, а затем и пресечению подобной риторики в источниках XII-XIII в., она активно вытеснялась другой, христианской формой сознания.

Стоит отметить, что такая форма совсем не мешала хёвдингам различными способами подавлять уступивших их силе противников, и даже в отдельных частях страны — целые социальные группы [11, с. 83-84, 173-174, 175]. Репрессии не только возросли в своем объеме, но и начали приобретать системные черты. Стать жертвой разбоя или вымогательства, потерять все свое имущество в огне или получить телесные повреждения могли люди, не только совершившие что-то против власти, но и просто принадлежавшие к какой-либо социальной группе. Хотя в начале XII в. подавление неудобных властителем ограничивалось лишь теми, «кто был изобличен в измене» [13, с. 471], по мере развития смуты подобные методы часто начали затрагивать всех, кто не стремился выразить свою лояльность текущему правителю. Если поначалу свое имущество и жизни теряли люди [13, с. 503, 519-520, 539, 547, 554, 564, 568], завязанные на каком-либо из вождей, или, чуть позже — члены каких-либо движений [11, с. 71, с. 133-134], то к XIII в. под удар стали попадать целые города [11, с. 147-148]. Топка внутренних конфликтов требовала все больше и больше топлива, и разбой, будучи побочной частью борьбы, к середине XII в. стал не только отдельной формой подавле-

ния противника, но и средством для существования значительной части актива социальных движений. Лишенные законных прав на кормление и выплаты, они, пользуясь силой, нередко устанавливали свои порядки [13, с. 470, 539, 564; 11, с. 17]. Так, мы знаем, что во время борьбы с ярлом Эрлингом «Сигурд ярл прошел с отборным войском по Вику, и многие подчинились ему, уступая силе, а многие откупились деньгами» [13, с. 560]. Другие, как Сигурд Слембидьякон, действовали еще решительнее. Он и его люди, придя к Эйнару, сыну Лососьего Паля, «забрали все добро, которое нашли у него, боевой корабль с двадцатью пятью скамьями для гребцов, принадлежавший Эйнару, и его четырехлетнего сына, который находился у одного из его работников» [13, с. 520]. Хотя ребенка и удалось быстро вернуть без уплаты выкупа, нет сомнений, что по хозяйству соратника Харальда Гилли был нанесен мощный удар. Вообще необходимо добавить, что борьба вождей против соратников своих врагов стала особенно популярна в это время. Часто обладая малыми силами, предводители стремились выбить, таким образом, почву из-под ног своих соперников, грабя и убивая их сторонников, в расчете на оскудение их экономической базы и, вследствие этого — ослабления одной из сторон в конфликте.

Вглядываясь в перипетии этой вражды, становится очевидным, как прямые методы противостояния все больше вытесняются косвенными. Умение владеть оружием и эффективно управлять войсками, ценимое современниками в вожде само по себе, в ситуации военных конфликтов, пусть и становилось жизненно важным, но не было достаточным способом ни для приобретения, ни для удержания власти. Для достижения успеха во власти необходимо было комбинировать военные победы с разнообразными косвенными методами подчинения своему влиянию окружающих. Установление контроля над ресурсами; формирование группы сторонников, занимавшихся управлением населения и осуществлявших контроль над ним; создание аппарата принуждения; за-

крепление условий, позволявших обеспечивать добровольно-принудительное подчинение населения власти и ее агентам; развитие оправдывающей данные процессы идеологии давали правящей части общества не менее потрясающие результаты.

Рассмотрим по порядку. Установление контроля над ресурсами позволяло хёвдингу наращивать собственную материальную базу, что в свою очередь привлекало желавших служить ему [14, с. 345]. Однако число желающих осуществить подобный контроль было куда большим, чем весь суммарный объем сборов, которые могли бы относительно без проблем быть взяты с населения. Выходом из сложившегося затруднения стал передел уже имеющейся собственности и сфер влияния на территориях, где происходило отчуждение материальных благ у народных масс. Но собирать блага было мало. Нужно было еще и отстоять их от оппонентов, желавших не только поправить свои дела, но и ослабить конкурентов [13, с. 520, 545]. Т. е. в надежде подорвать чужую экономическую базу, дабы ослабить обороноспособность, сжигали целые области и города, надолго прерывая там любую производственную деятельность [11, с. 83-84; 103-109, с. 133-134, 140, 147-148, 173-174, 175; 12, с. 295-296].

Впрочем, причинение такого вреда развитию страны мало волновало воюющие стороны, — в пылу борьбы они думали только о собственном усилении и ослаблении врага. Иначе и быть не могло, ведь все существование этих людей в условиях «Эпохи Гражданских войн» зависело от успехов их социальных движений. Задачей вождей была выживаемость, разумеется, любой ценой. Именно для этого они формировали группы поддержки и опоры, стремясь придать им институциональный характер. Для собственного спасения они не жалели средств, особенно чужих. Их труды не прошли даром: в отличие от «Эпохи Викингов», в «Эпоху Гражданских войн» воевали уже не только личности и их союзники, а целые группы населения, с общим, корпоративным интересом [11, с. 40]. Ни гибель Магнуса Эрлингсона в бою, ни

смерть Сверрира от болезни не привели к распаду возглавляемых ими социальных движений. Более того, их соратники еще больше сплотились вокруг конунговых родичей, к концу XII в. образовав объединения, крайне близкие к политическим партиям. Без приобретения контроля над ресурсами превращение группы сторонников в социальный слой служилых людей было бы сильно затруднено. А ведь именно из них формировались кадры для обслуживания уже зародившегося аппарата управления и принуждения, куда более эффективных, чем слуги конунгов и их дружинники. Поэтому, для упрочнения своего влияния вожди должны были идти на любые меры, не останавливаясь перед буквой закона, не страшась силы обычая.

Помогали в деле создания круга сподручных и традиционные методы. Первоочередным был поиск союзников, которые часто находились среди недовольных или врагов противника [13, с. 553; 11, с. 18]. Немало пользы приносили и правильно спланированные браки. Например, Сверрир, благодаря своей женитьбе на Маргрет, представительнице шведского королевского дома, не только упрочил свое положение как легитимного правителя, но и укрепил отношение со своими восточными союзниками. И наоборот, Магнус Слепой, разведясь с Кристин, представительницей королевского дома Дании, не только потерял союзника в лице Эйрика II, но и толкнул того в объятия своего врага — Хальмрада Гилли [13, с. 501; 10, с. 320-339]. Вклад датских вождей в дело свержения Магнаса демонстрирует нам еще один метод борьбы, ведущий свои истоки со времен «Эпохи Викингов» — помощь соседних правителей. Лидер хёвдингов юга Норвегии, ярл Эрлинг был вассалом Вальдемара I. Сверрир, имевший власть над северо-востоком страны, получал поддержку от шведских вождей. Повстанцев юга Норвегии, от плащевиков до посошников, поддерживали датские элиты [13, с. 554; 11, с. 51], берестеников — шведские [13, с. 573; 11, с. 27, с. 29-30]. Впрочем, все эти косвенные методы были частью «ручного управления», сильно зависевшего от личности лидера и тех

внешних обстоятельств, в которых он существовал. Системный характер управления был куда более прочным политическим механизмом. Так, одно из его проявлений — налоги, ставшие реальностью для норвежцев к XII в., были более стабильным источником доходов для престола, чем грабеж непокорной части населения, часто проводившийся с риском для жизней предводителей и их соратников из числа элит. Другим проявлением стала активная работа по формированию контроля над социально значимыми действиями населения и регулирование поведения масс с помощью законов. Последнее не отменяло традиционных форм давления, таких, как переманивание людей противника, например, подкупив их [13, с. 536] или взяв (угрожая взять) [11, с. 26; с. 133-134] их родичей в заложники [13, с. 527; 11, с. 47; 14, с. 114]. Однако куда удобнее для вождей была ситуация, когда народные массы подчинялись безропотнее, просто в виду сложившихся (не без усилий трона) условий. Именно для их конструирования и были брошены все силы Инглингов, а позднее и Сверрирсонов. Давление на тинги и возглавлявших их законодателей — лагманов, сотрудничество с церковью привели законодательство и общественное сознание в нужную власти форму, где вожди твердо встали над социумом. «Ландслов» Магнаса Исправителя Законов стал одним из воплощений данного процесса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. — М.: РОССПЭН, 2005. — 421 с.
2. Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье / Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. — М.: Традиция, 2009. — С. 151-368.
3. Гуревич А.Я. О некоторых особенностях норвежского феодализма / Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. — М.: Традиция, 2009. — С. 371-384.
4. Гуревич А.Я. Сверрир в саге и истории / Сага о Сверрире. Издание подготовили: М.И. Стеблин-Каменский и др. — М.: Наука, 1988. — С. 187-225.
5. Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии / Гуревич А.Я. Избранные труды.

- Крестьянство средневековой Норвегии. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. — С. 127-340.
6. Закс В.А. Правовые обычаи и представления в Северо-Западной Норвегии XII-XIII вв. / Скандинавский сборник XX. — Таллин: Ээсти Раамат, 1975. — С. 37-46.
 7. Закс В.А. «Эдда» Снорри Стурлусона и социальная действительность раннесредневековой Скандинавии / Скандинавский сборник XXV. — Таллин: «Ээсти Раамат», 1980. — С. 7-18.
 8. История Норвегии. От викингов до наших дней / Р. Даниельсен, С. Дюрвик, Т. Гренли и др. Пер. на русс. яз. — М.: Весь Мир, 2003. — 528 с.
 9. Кузнецов А.Е. История Норвегии. — М.: Андреева Т.М., 2006. — 535 с.
 10. Роскильская хроника. Пер. с лат., пред. и прим. В. В. Рыбакова // Древнейшие государства Восточной Европы — 2001 год.: Историческая память и формы ее воплощения. / Отв. Ред. Е. А. Мельникова. — Вост. лит., 2003. — С. 320-339.
 11. Сага о Сверрире / Издание подготовили: М.И. Стеблин-Каменский и др. — М.: Наука, 1988. — 277 с.
 12. Сага о Посошниках. Исландские саги / Пер. прозаич. текста с древнеисл. и общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга; Стихи в пер. Ф.Б. Успенского, А.В. Циммерлинга. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 273-305.
 13. Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. — М.: Ладомир: Наука, 1995 — 685 с.
 14. Тордарсон Стурла. Сага об Исландцах / пер. с древнеисл. языка, общ., вступ. ст. и коммент. А.В. Циммерлинга; науч. ред. В.В. Рыбаков; указатели В.В. Рыбакова и А.В. Циммерлинга. — СПб.: Алетейя, 2007. — 512 с.
 15. Успенский Ф.Б. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 144 с.

УДК 94 (430) "20/21"

Шелудченко Н.П.

Московский государственный областной университет

НОВАЯ «ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ФРГ В 1990-е — 2005 гг.

N. Sheludchenko

Moscow State Regional University

NEW «EAST POLICY» OF FRG IN 1990-2005

Аннотация. Статья посвящена новой «восточной политике ФРГ», которую она проводила с начала 1990-х годов в отношении стран Восточной Европы. В указанное время произошел процесс объединения Германий, значительно усиливший ФРГ во многих отношениях. Объединенная Германия ставит перед собой вполне реальную, но амбивалентную задачу: усилить свое влияние в европейской политике. В статье вскрываются причины, обусловившие появление новой «восточной политики», раскрывается ее сущность, направления, приоритеты. Показывается, как ФРГ с учетом изменившихся условий, используя новые методы, тактику и стратегию, сумела реализовать поставленные цели.

Ключевые слова: «восточная политика», интеграция, «нормальность», экспансия, европеизация, трансформация, «мягкий гегемон».

Abstract. The article is devoted to a new "east policy of FRG" pursued since the beginning of the 90th years in relations with the countries of Eastern Europe. At the time mentioned the process of unification of two Germanys considerably strengthened FRG in many ways. The unified Germany sets itself quite a real but ambivalent task: to strengthen its influence on the European policy. The article describes the reasons which caused the development of a new «east policy», discloses its essence, directions, and priorities. The article describes the way Germany have managed to realize its goals, taking into account the changed conditions, and using the new methods, tactics and strategy.

Key words: "east policy", integration, "normality", expansion, Europeanization, transformation, "soft hegemon".

Радикальные перемены, произошедшие в Европе и в мире в целом в конце 80-х и начале 90-х гг. XX века: народные революции в странах ЦВЮЕ (ЦВЮЕ — страны Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы), развал мировой системы социализма и распад СССР, сделали возможными объединение Германии и усиление ее роли на международной арене. Объединение Германии стало событием мирового масштаба [15, с. 12]. Все это потребовало от ФРГ адекватного пересмотра своей внешнеполитической концепции. Тем более, что «экономический монстр», каким Западная Германия была еще до 90-х гг., стал постепенно превращаться в «политического великана», последовательно усиливая свои позиции в различных областях. В силу этих обстоятельств объединенная Германия ставит перед собой вполне реальную, сложную и довольно амбициозную задачу: усилить свое влияние в европейской и мировой экономике и политике. Этим в основном и определялся внешнеполитический курс ФРГ в 1990-е годы.

Нужно добавить, что, прежде всего, сильные экономические позиции Германии составляли прочный фундамент ее внешней политики. К примеру, в 1990-е гг. ФРГ занимала 3-е место в мире по объему промышленного производства и по объему ВВП [4, с. 12]. И еще немаловажный факт: объединенная Германия превратилась в первое по численности населения и 3-е по территории государство Европы.

Были определены три самых важных направления внешней политики: США, Европа и Россия [24, С. 53]. Если раньше, до объединения, внешнеполитический курс ФРГ сводился

в основном к тактическим действиям в рамках общей стратегии Запада, то теперь явно прослеживаются притязания Германии на занятие более значительного места в системе международных отношений и стремление усилить влияние немцев на мировую политику [2, с. 5].

Безусловно, с учетом уже иных масштабов и задач внешнеполитический курс ФРГ стал многовекторным, но одним из главных направлений этого курса было европейское. Действительно, одним из базовых направлений в германской внешней политике являлось расширение ее сотрудничества со странами ЦВЮЕ [20].

В начале 1990-х гг. правительство Г. Коля, находящееся тогда у власти, активизировало усилия, направленные на наращивание своего экономического и политического влияния в указанном регионе. Являясь ведущей страной ЕЭС, ее «локомотивом и интеграционным ядром», Германия своей политикой и действиями всячески способствовала углублению и расширению этого процесса. В силу высказанных моментов одним из приоритетов ее внешней политики было расширение ЕЭС (с 1993 г. — ЕС — Н.Ш.) на Восток [5].

В силу известных причин ФРГ особое внимание уделяло таким соседним странам, как Польша, Чехия, Венгрия, хотя нужно заметить, — у Германии был особый, дифференцированный подход к каждому государству. Изменения внешнеполитического курса ФРГ проходили последовательно, постепенно, но с немецкой основательностью (*mit deutschen Gründlichkeit*). Чтобы делать их более доходчивыми, убедительными и эффективными, осуществлялось не менее эффективное информационно-пропагандистское прикрытие.

Тем более, что ФРГ была традиционным и ведущим торгово-экономическим партнером стран Центральной и Восточной Европы. Надо все же в определенной степени признать, что и до крушения стран социалистического лагеря они рассматривались ФРГ как естественное поле немецких интересов [27]. После ухода СССР из этого региона в начале 1990-х гг., образно говоря, «немцам предсто-

яло определиться с бесхозным имуществом, оставшимся после ухода» [8, с. 19].

И действительно, как только был преодолен раскол Германии и начался распад социалистических стран Европы, правительство Г. Коля все взоры устремило на восточноевропейские страны с целью их приобщения к общеевропейскому процессу, используя все дозволенные и недозволенные варианты и методы. Характерно в этой связи, что пропагандисты «принципиально новой» восточной политики объединенной Германии с самого начал позаботились о том, чтобы обосновать право ФРГ на вмешательство, включая силовое, во внутренние дела государств к востоку от нее.

Примечательно, что такой подход практичные немцы сразу же продемонстрировали после объединения, как только возникло для них благоприятная ситуация. Например, вполне резонным в этом плане был смелый дипломатический демарш Германии в 1991 г., когда немецкое правительство, самое первое из всех стран, неожиданно признало суверенитет двух первых республик, отделившихся от Югославии: Словении и Хорватии. Этот дипломатический ловкий ход был направлен явно на усиление влияния ФРГ в Юго-Восточной Европе, в частности, на Балканах — важном стратегическом регионе. Кстати, надо добавить, что в связи с этим событием на политическом руководстве ФРГ также лежит ответственность за трагедию народов Югославии [8, с. 21]. Как верно отмечает российский автор Погорельская С., признание Хорватии и Словении, спровоцировавшее Боснийский кризис, продемонстрировало четкое стремление ФРГ к усилению своего политического веса, в которое последующие годы последовательно развивалось в немецкой «европейской политике» [16, с. 92].

Внимание Германии к странам ЦВЮЕ было вызвано рядом причин, и прежде всего политических: ФРГ опасалось катастрофических вариантов развития в этих странах и их негативного влияния на Германию. ФРГ обеспечение своей безопасности связывала с целым комплексом задач, одной из которых

было заполнение вакуума, который возник на востоке Европы в результате развала мировой социалистической системы [14, с. 367].

В связи с этим Германия стремилась, прежде всего, усилить свое экономическое и политическое влияние в этом регионе. Сразу все страны региона нельзя было охватить, и в первую очередь речь шла о непосредственных странах-соседах ФРГ: Польше, Чехии, Словакии, Венгрии. Прежде всего, по известной причине, ФРГ нужно было установить соответствующие отношения с Польшей. Груз ответственности, вины за развязывание страшной войны против Польши в 1939 г. тяготел над Германией. Правда, ещё в период «холодной войны» в декабре 1970 г. между ФРГ и социалистической Польшей был подписан соответствующий договор, который нормализовал отношения между странами. Символично, что тогда в Варшаве канцлер ФРГ В. Брандт, который начал кардинально пересматривать тогдашнюю реакционную «восточную политику» Западной Германии сделал соответствующий примиряющий жест. Он преклонил колени на могиле Неизвестного польского солдата в Варшаве, тем самым повинился перед поляками за развязывание немцами Второй мировой войны, начало которой пришлось на Польшу [19, с. 84].

Обоюдное стремление было реализовано 17 июня 1991 г., когда между Польшей и ФРГ был заключен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [14, с. 368]. Этот договор отражал взаимные интересы обеих сторон, положил начало расширенному сотрудничеству, хотя всех взаимных обид и различных проблем он не решил.

Аналогичный договор был подписан между ФРГ и Чехией в феврале 1992 г., но так называемый «Судетский вопрос» осложнял реализацию этого договора. И только в январе 1997 г. между двумя странами была подписана Совместная декларация, регулирующая сложные взаимоотношения.

Во второй половине 1990-х гг. цели и направления внешней политики объединённой Германии были изложены в ряде соответству-

ющих изданий [28, S. 41]. ФРГ с учётом своих внешнеполитических целей и установок проявляла внешнеполитическую инициативу. Эта инициатива была связана с трансформацией ЕЭС в ЕС, и она завершилась подписанием Маастрихтского договора (в Голландии) в 1992-1993 гг. При подписании этого важного договора объединённая Германия сыграла весьма значительную роль, явно с определённым прицелом на лидерство в преобразованном союзе. И, как показала практика первых лет существования этого союза (ЕС), претендующего на роль одного из мировых экономических и финансовых центров ФРГ везде и всюду, по мере возможностей, проявляла инициативу с определёнными амбициозными целями.

Уже тогда притязания Германии на лидерство в ЕС отражали не только честолюбивые замыслы элиты страны, но и складывающиеся новые политические реалии. Этого нельзя не признать, и руководство обновлённой державы, понимая создавшуюся международную ситуацию, стремилось адекватно реагировать на это, проводя соответствующий внешнеполитический курс, учитывая и «восточное» направление.

Страны Восточной Европы представляли для ФРГ большой интерес, и она об этом открыто заявляла. Правда, делали они это весьма оригинально, — прикрывая собственные интересы интересами ЕС [29, S. 35]. Что касается новой «восточной политики» ФРГ, то надо учитывать факторы, которые способствовали сближению Германии со странами Восточной Европы. Определённой платформой для этого являлась культурно-историческая и цивилизационная связь немцев с народами, прежде всего, Центральной и Восточной Европы. Исторические судьбы немецких соседей и самих немцев были тесно переплетены, связаны. Достаточно ещё вспомнить, какое огромное количество немцев, несколько миллионов, жили в указанных соседних странах до войны.

В 1990-е годы, в силу сложившейся ситуации, встал вопрос о расширении ЕС и за счёт восточноевропейских кандидатов. Для них

ЕС в столь сложной ситуации стал полюсом притяжения. ФРГ имела собственное мнение на эту проблему. Например, позиции Германии в поддержку приёма ряда стран Восточной Европы определялись, в первую очередь, сильным экономическим интересом [2, с. 164].

В то же время нельзя недооценивать, что и страны ЦВЮЕ для ЕС и для ФРГ в частности были, прежде всего, важны как рынок и место размещения соответствующего производства. Нельзя не учитывать их близкое, удобное территориальное положение, людской и промышленный потенциал. Да и эти страны сами тянулись к ФРГ, как к сильной державе, и большинство стран ЦВЮЕ прямо-таки мечтало о том, чтобы попасть в сферу германского влияния, связывая с этим надежды на своё будущее богатство и благополучие [8, с. 66].

С учётом вышеизложенного между странами ЦВЮЕ и ФРГ стали устанавливаться различного рода связи и прежде всего экономические. И эти связи становились такими обширными и многовекторными, что было задействовано для их реализации не только внешнеполитическое ведомство ФРГ, но и сложная система различных федеральных министерств [25]. Вот такую новую «восточную политику» начала в 1990-е гг. проводить объединённая Германия. И некоторые исследователи считали такое направление внешней политики ФРГ очень важным и выгодным.

Новая «восточная политика» Германии, по большому счёту, была направлена на создание опорных пунктов влияния в указанном регионе, который оставался «естественной сферой германских интересов» [8, с. 25-26]. И на начальном этапе немцы проводили упомянутый курс очень осторожно и сдержанно, не форсируя этот процесс. Подобная осторожность была вызвана следующими моментами: сложностью взаимоотношений с соседними странами, преодолением определённых трудностей во внутренней и внешней политике и преодолением некоторых антигерманских настроений и взглядов, сохранившихся у части населения ряда стран. Руководство ФРГ всё это учитывало, проводя новую «восточную

политику», подводя под неё соответствующую «теоретическую базу» и делая довольно эффективные практические шаги в этом направлении.

Одной из составных частей этой «теоретической базы» внешнеполитического курса ФРГ была её «нормальность». После объединения двух Германий внешняя политика последней определялась стремлением властей показать всему миру её «нормальность». Под «нормальностью» подразумевалось, прежде всего, естественное состояние полностью уже независимого и суверенного государства и соблюдение норм международного права. Также под «нормальностью» подразумевался и отказ ФРГ от ряда самоограничений, обусловленных особенностями исторического развития страны [16, с. 64-65]. Одним из таких «самоограничений» до объединения Германии был отказ страны, а точнее, её армии (бундесвера) не участвовать в военных операциях НАТО.

Но изменившийся после объединения статус Германии отразился на её внешнеполитическом курсе: он стал более амбициозным и более экспансивным. Это получило соответствующее отражение в некоторых решениях ФРГ. На это ещё повлияла и изменяющаяся внешнеполитическая обстановка в некоторых странах Восточной Европы, в частности, в Югославии, точнее, в её болевой части, Боснии.

Как уже было замечено ранее, Балканы с момента кризисной ситуации (1991 г.) стали объектом пристального внимания со стороны немцев. И когда ситуация вновь обострилась, немцы реагировали соответствующим образом. Под влиянием этих событий Конституционный суд ФРГ 12 июля 1994 г. одобрил участие немецкой армии в военных операциях НАТО в Боснии [16, с. 73].

Вот такую «нормальную» политику на внешнеполитической арене проводило правительство Г. Коля, и этот же курс активно продолжала «красно-зелёная» коалиция, одержавшая блестящую победу на выборах в парламент 27 сентября 1998 г. [11]. «Красно-зелёная» коалиция — это политический союз

двух партий ФРГ: СДПГ и партии «Зелёные».

Так что к концу 1990-х гг. все ведущие партии ФРГ выступали за более агрессивную внешнюю политику, да и общественное мнение в стране склонялось к этому. И это убедительно проявилось в период Косовского кризиса в Югославии в 1999 г., когда войска НАТО развернули там масштабные боевые действия, в которых активное участие принимали части бундесвера [26]. Событие подобного рода явилось важным моментом во внешней политике страны: она явно становилась экспансионистской, более агрессивной.

Примечательна в этой связи и личная позиция канцлера ФРГ Г. Шрёдера, который был в то время председателем Европейского союза и обладал большими полномочиями. Российская представительная делегация во главе с тогдашним премьер-министром Е. Примаковым пыталась урегулировать начавшийся косовский конфликт и склонила президента Югославии С. Милошевича к переговорам. Делегация довела эти сведения до Г. Шрёдера, но он, сославшись на президента США Б. Клинтона, сказал, что решения Милошевича недостаточно для прекращения бомбардировок [18, с. 4].

Сразу возникает вопрос: а смог ли в этой связи что-нибудь сделать Г. Шрёдер в плане решения конфликта. Ведь это очень важное дело касалось непосредственно Европы, а председателем её наиболее организованной и влиятельной части ЕС он тогда был. Думается, навряд ли, но может быть, он и сам не хотел (вопрос, конечно, довольно спорный).

А вот предшественник Г. Шрёдера, бывший канцлер ФРГ, Г. Коль заявил, что если бы он в то время был канцлером, никогда бы не допустил бомбардировок и ракетных ударов по Югославии. Он назвал эти действия «величайшей исторической ошибкой» [18, с. 4].

Безусловно, политическое руководство ФРГ понимало всю сложность Косовского кризиса и далеко не однозначную свою роль в нем. Оно пыталось выглядеть более-менее достойно в создавшейся ситуации, не забывая о своих интересах. И как писали сами немцы: «Война в Косово (1999 г.) привела ещё

до своего завершения к понимаю того, что в будущем Европа (читай немцы — Н. Ш.) не может больше довольствоваться ролью «регулирующего кризисов» на Балканах. Поэтому Германия в период своего председательства в ЕС выдвинула в виде согласованного 10 июля 1999 г. «Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы» — широкую стратегию помощи странам этого региона с тем, чтобы теснее приобщить их к Европейскому союзу с перспективой полной интеграции в его структуры» [22, №4].

Этим не ограничилась роль ФРГ в Косово: после решения военного конфликта немцы с 1999 г. стали оказывать Косово финансовую помощь [10, с. 87] в рамках миссии ООН с далеко идущими целями. Участие Германии в данной военной операции стало важным, поворотным моментом в её внешней политике.

Неплохо шли дела и по другим направлениям внешней политики Германии. Подводя итог после двух лет успешной работы своего правительства, Г. Шрёдер заявил по поводу внешнеполитического курса страны, что «внешняя политика Германии находится на правильном пути» [17, №4].

Как раз в это время шёл процесс активного втягивания стран Восточной Европы в ЕС. ФРГ торопилась с приёмом стран ЦВЕ в ЕС. Расширение ЕС на Восток приносило ФРГ существенные выгоды: в политическом плане Германия приобретала ещё больший международный вес, а в экономическом плане ФРГ увеличивала свой экономический потенциал [5, с. 72].

Германия предпринимала немало усилий в этом направлении. Например, в декабре 2000 г. в г. Ницце состоялся довольно продолжительный саммит членов ЕС, где решались важные вопросы. Саммит стал крупным успехом канцлера Г. Шрёдера — принятые решения устранили главные препятствия на пути предстоящего расширения ЕС на Восток [23, №1]. Более того, на этой важной встрече произошло усиление влияния ФРГ в ЕС, так как благодаря новой системе голосования все ведущие страны ЕС утрачивали своё влияние, за исключением Германии. Газета «Фолксскрант»

(Нидерланды) писала: «Саммит в Ницце стал ареной почти неприкрытой борьбы за власть между нациями» [23, № 1]. Тем не менее публично, на словах немцы старались держаться пока скромно, стараясь не проявлять своей великодержавности [1, с. 41].

11 сентября 2001 г. происходит трагическое событие мирового значения: авиаудары представителями радикального исламского международного терроризма по торговому центру в Нью-Йорке. После этого глобальное поле сил сместилось и первостепенные зоны опасности стали располагаться в иных частях Земного шара, а восточноевропейские страны выходят из политической изоляции. Их уже рассматривают в международной политике безопасности как потенциальных партнёров. Такое развитие иницирует процесс сближения [7, с. 33].

В этом же году министр иностранных дел ФРГ И. Фишер уже выступил с радикальным планом объединения Европы. Сами немцы так оценивали позицию восточноевропейских стран: «Стремление стран к востоку от Германии принадлежать к ЕС можно истолковать просто как стремление слиться с Западом, чтобы реализовать свои давние надежды — получить долю в его богатстве» [12, №1]. Таким был несколько прямолинейный, но прагматичный немецкий взгляд. И немцы констатировали, что «после перехода в XXI век германская внешняя политика нормализовалась. Она больше, нежели продолжающаяся европеизация и неуклонная воля к самоутверждению. Через 10 лет после единства ФРГ начинает понимать своё место в истории» [21, №5]. Наиболее явно новое понимание роли Германии проявилось и в формулировке о так называемом немецком пути, которую канцлер использовал в избирательной кампании в бундестаг в августе 2002 г. Она должна была внушить мысль о потребности появления в политике ФРГ тенденции к большей самостоятельности на международной арене [9, с. 63].

Успехи во внешней политике, в частности «восточной», как и во внутренней, за истёкшие 4 года способствовали победе «красно-

зелёной» коалиции и на выборах в бундестаг в сентябре 2002 г. Вновь коалиционное правительство ФРГ возглавил Г. Шрёдер. Он, подводя итог деятельности своего 1-го кабинета, верно подметил: «Ни одному правительству не пришлось принимать за столь короткое время таких далеко идущих решений» [3, №4].

Германия продолжала проводить активную «восточную политику», в частности, это выражалось в предоставлении некоторым странам указанного региона прямых инвестиций, в первую очередь, Польше, Венгрии и Чехии. Помимо уже указанных причин, здесь уже был благоприятный инвестиционный климат и успехи в создании рыночной экономики. Как отмечали российские исследователи, «ФРГ в последние десятилетия неизменно входит в пятёрку лидеров по накопленным прямым капиталовложениям за рубежом» [6, №10]. Активны были как немецкие банки, так и фирмы, причём последние в странах ЦВЮЕ захватили лидирующие позиции.

Всё вышесказанное убедительно свидетельствует о том, что проводимая ФРГ новая «восточная политика» является мощным инструментом, с помощью которого Германия усиливает свои позиции в Европе и мире. Нельзя не согласиться, что ФРГ уже давно считается «мягким гегемоном» Европы [13, с. 66]. Именно учитывая национальные интересы страны, канцлер Г. Шрёдер поддержал стратегические планы расширения европейских структур на страны Восточной и Юго-Восточной Европы [13, с. 66].

Таким образом, мы можем констатировать, что после объединения в течение 15 лет Германия проводила эффективную восточную политику, которая способствовала ее экономическому и политическому лидерству. Произошла трансформация старой «восточной политики», в ходе которой первостепенное внимание стало уделяться именно тем странам Восточной Европы, где роль и влияние ФРГ были наибольшими и которые больше подходили как потенциальные кандидаты в ЕС. Используя после объединения своё новое качественное состояние, ФРГ активно

и целенаправленно стремилась к усилению своего экономического и политического веса в Европе и мире. И как свидетельствует даже небольшой анализ внешнеполитической деятельности Германии, ей это удалось.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бар Э. «Нормализация» германской внешней политики. Полноправное партнерство с совершеннолетней страной удобного опекуна // Internationale Politik. — 1999. — № 1. — С. 49-51.
2. Воробьева Л.М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. — М., 2000.
3. Внешняя политика правительства. // Deutschland. — 2002. — № 4.
4. Германская экономика в эпоху глобализации // Deutschland. — 1998. — № 6.
5. Иорданская Э. Расширение ЕС на Восток: позиция Германии // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — №2.
6. Кузнецов А. Германский капитал за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — № 10.
7. Майер Ю., Хельштадт С. После расширения: ЕС и его новые соседи // Европа. — 2003. — Т. 3. — № 2.
8. Максимычев И.Ф. «Восточная политика» единой Германии. — М., 2001.
9. Малиновски К. Евроатлантические дилеммы правительства Г. Шредера // Европа. — 2003. — Т. 4. — №4.
10. Никитин А.К. Стратегия современной Германии на международной арене и интересы России. — М., 2006.
11. Новое германское правительство // Deutschland. — 1998. — № 6.
12. Нольте Х-Х. Евросоюз и его место в современной мировой системе // Европа. — 2002. — Т. 2 — № 1.
13. Павлов Н.В. Внешняя политика Берлинской республики: новый «германский путь» // Мировая экономика и международные отношения. — 2005 — № 2.
14. Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. — М., 2005.
15. Плато А. Объединение Германии — борьба за Европу. — М., 2007.
16. Погорельская С. Внутривнешнеполитические аспекты новой германской внешней политики // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 7.
17. Положительный итог // Deutschland. — 2000. — № 4.
18. Примаков Е. Балканы и современный мир // Независимая газета. — 2011. — 24 октября.
19. Родин В.М. Вертикаль личности. На крутых поворотах российско-германских отношений в 1933-2011 годах. — М., 2012.
20. Романов С. Германия в балтийском регионе // Международная жизнь. — 1991. — №1.
21. Тео Зоммер. Новые задачи // Deutschland. — 2001. — № 5.
22. Федеральный канцлер Герхард Шредер. Успешные итоги и шаг в будущее // Deutschland. — 1999. — № 4.
23. Яннинг Й. Будущее Европы // Deutschland. — 2001. — № 1.
24. Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 1. Grundlagen. — München. 1994/
25. Die Zeit. — 1998. — 9 Juli.
26. Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1999. — 10 September.
27. Internationale Politik. — 2000. — № 8.
28. Kaiser K. Krause J. (Hrsg.) Deutschlands neue Aussenpolitik. — München, 1998.
29. Kaiser K. Krause J. (Hrsg.) Deutschlands neue Aussenpolitik / Band 3. Interessen und Strategien. — München, 1996.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(470) "1150/15"

Чекалин А.Е.

Московский государственный областной университет

ФОРМИРОВАНИЕ РОДА КНЯЗЕЙ ЧЕРКАССКИХ В РОССИИ XVI в.

A. Chekalin

Moscow State Regional University

FORMATION OF THE CHERKASSK PRINCES CLAN IN THE XVITH CENTURY RUSSIA

Аннотация. В статье рассматривается формирование из выехавших на службу к московским царям правителей Кабарды в середине — второй половине XVI в. самостоятельного рода князей Черкасских. Подробно перечисляются службы представителей рода на видных государственных и военных должностях. Особое внимание уделяется брачным связям, в том числе с правящей династией. Оценивается материальное положение рода. Дается представление о структуре рода, прослеживаются судьбы каждой из его ветвей. Князья Черкасские занимали исключительно высокое социогенеалогическое положение в служилом сословии России. Как самостоятельный род они сформировались в России к началу XVII в.

Ключевые слова: генеалогия, род, князья Черкасские, служилые люди, Иван Грозный.

Abstract: The article considers the formation of an independent clan of the Cherkassk Princes, the sovereigns of Kabarda, who left for Moscow to serve the tsars of Moscovia in the middle and the second half of the XVI century. The author enumerates in detail the services of the clan representatives who took outstanding state and military positions. Special attention is given to the matrimonial ties, including those with the ruling dynasty. Financial position of this clan is estimated. The article presents the clan structure and the destinies of each of its branches. The Cherkassk Princes occupied exclusively high social and genealogical position among the service class people of Russia. As an independent clan they were created in Russia by the beginning of the XVII century.

Key words: genealogy, generation, the Cherkassk princes, service class people, Ivan the Terrible.

Род князей Черкасских сложился в России из выезжавших на московскую службу правителей Кабарды. Начиная с XVI в., адыгские (черкесские или «черкасские») владельцы переходили на российскую службу. Они принимали православие, сливались с московской аристократией и именовались князьями Черкасскими, что постепенно становилось их фамилией. Под этим общим фамильным прозвищем подразумевались западно-адыгские князья Ахамашуковы, Егуповы и собственно кабардинские Черкасские. Выезды черкасских князей несомненны с исторической точки зрения, подтверждаются источниками, и сведения об их происхождении

© Чекалин А.Е., 2013.

не вызывают ни малейших сомнений.

В России известны четыре родственные ветви князей Черкасских, ведущие происхождение от старшего князя Кабарды, жившего в середине — второй половине XVI в. Темрюка и его родных братьев Камбулата, Желегота и Ельбузду. Отсюда бытующее в историографии название этих ветвей — Темрюковичи, Камбулатовичи и Желеготовичи [24]. Все трое были сыновьями Идара-мурзы, которого родословная легенда называла правнуком основателя рода Инала [5, с. 36].

Формирование рода князей Черкасских стало следствием активной политики, проводимой Иваном Грозным в восточном направлении, присоединением к России сначала Казанского, а затем Астраханского ханств [9]. Процесс этот имел несомненный политический подтекст, был хаотичным и в хронологическом отношении довольно длительным, растянувшись с 1550-х гг. до начала XVII в. Этот период и следует считать временем формирования самостоятельного рода князей Черкасских в России.

Именно в это время определялось их положение в структуре русского служилого сословия, устанавливались матримониальные связи с московской аристократией, формировались места территориальной локализации недвижимой собственности и другие атрибуты самостоятельного рода. В конце XVI — начале XVII вв. произошла окончательная стратификация рода князей Черкасских, разделение его на самостоятельные ветви, что является важнейшим показателем завершения процесса формирования рода.

Появление в России князей Черкасских совпало по времени с важными социальными реформами в русском служилом сословии и в организации его службы. Они стали этапом в формировании правящей элиты централизованного государства, когда большое внимание уделялось «вопросам упорядочения взаимоотношений между государем и правящей элитой и взаимоотношениям внутри самой элиты, организации ее состава и структуры» [15, с. 205]. Это, конечно, благоприятно сказалось на определении места князей Черкас-

ских в структуре служилого сословия. В условиях мобильности возможность занять более высокое место была большей.

В Тысячной книге 1550 г. князей Черкасских нет, поскольку, видимо, выезд их еще не произошел, но Дворовая тетрадь, составленная немногим позже, около 1551/1552 г., и представлявшая собой список чинов государственного двора, уже содержит упоминание о некоем князе Александре Васильевиче Черкасском и определяет его место как «дворовый служилый князь» [23, с. 118], наряду с представителями знатнейших титулованных боярских родов. Это означало серьезную заявку на место в социальной структуре государства. Связь этого князя с изучаемым родом не установлена, так что в данном случае речь идет, скорее, о некоем общем прецеденте.

Основатель первой ветви рода князей Черкасских в России Темрюк Айдарович (Идарович) (умер в 1571 г.) — старший князь всей Кабарды — был выдающимся политическим деятелем своего времени, он стремился объединить раздробленные кабардинские земли и организовать борьбу с турецко-крымской агрессией. Россия постоянно помогала черкасским князьям, стремясь решить собственные внешнеполитические задачи и обезопаситься от крымских набегов.

Осенью 1565 г. сын Темрюка князь Мاستрюк получил от Ивана Грозного большой военный отряд, другой сын правителя — Салнук (в крещении Михаил) — прибыл в Москву с просьбой о военной помощи. Вместе с другими кабардинскими князьями в июне 1567 г. он принял русское подданство. Женитьба царя Ивана IV Васильевича Грозного на дочери Темрюка укрепила положение его среди кабардинских князей. В 1567 г., по его просьбе, был построен Терский городок, ставший опорным пунктом распространения русского влияния на Кавказе [12, с. 27].

У князя Темрюка было семь детей: Домануко-мурза, умерший в 1600/1601 г., Мамстрюк, Андрей (Булгайрук-мурза), Михаил (Салтанкул, Салтанул, Солтан), Мария (Кученей, Гошаней), Малхуруд и Алтынчач, которые оставили заметный след в истории XVI в.

Князь Мамстрюк Темрюкович Черкасский (умер в 1600/1601 г.) — крупный военный деятель, участник войн с Турцией и Крымом и строительства русской крепости Терек. Он посещал Москву с посольствами еще в 1565 и 1588 гг. В сентябре 1565 г. князь М.Т. Черкасский отправился на помощь к Темрюку против восставших кабардинских князей, сторонников крымского хана. После смерти отца продолжил его политику по укреплению отношений с Россией. По одной из версий, князь Мамстрюк был убит князем Казыем [12, 35-36].

Про князя Андрея Темрюковича известно мало. В октябре 1558 г. он привез в Москву младшего брата Салтанкула и остался здесь на службе [10].

Князь Михаил Темрюкович также был крупным военным и государственным деятелем. Д.М. Володихин называл его «очень значительным деятелем грозненской эпохи» [4, с. 122]. Выехал вместе с братом, Булгайруком-мурзой в Россию в октябре 1558 г., крестился и остался служить при русском царе, завел в Москве собственный двор, сгоревший в апреле 1564 г., и получил в 1568 г. в удел Гороховец [6, с. 363].

В 1559 г. князь М.Т. Черкасский отличился на войне с крымцами, был рындой в Полоцком походе с «большим государевым саадаком» в 1562/1563 г. [2, с. 150], и после взятия города ездил в Москву с известием о победе. Это привело к взлету его карьеры, он получил от царя ответственное задание — известить его родственников и митрополита Макария о победе русских войск. В этом не без основания современные исследователи видят «знак большого доверия» к М.Т. Черкасскому [4, с. 162]. Он достиг боярского чина [7, с. 92].

Пиком служебной карьеры князя стала опричнина. Д.М. Володихин объясняет этот факт не только ближайшим родством с царем и влиятельными московскими деятелями, но и тем, что именно он вместе с другими мог стать инициатором самого учреждения данного института [4, с. 162]. С сентября 1567 г. князь Михаил Темрюкович упоминался в опричных разрядах, был первым дворовым

воеводой в сентябрьском походе на Литву, а в весеннем походе 1568 г. под Вязьму он отмечен как первый воевода большого полка, на той же должности находился весной 1570 г. в походе под Тарусу [17, с. 68, 225, 229], состоял при особе государя, являлся главнокомандующим в походе на крымского хана Девлет-Гирея в сентябре 1570 г. В том же году князь Михаил Темрюкович принимал участие в решении вопроса о проведении половецкого рубежа, а летом 1571 г. командовал опричными войсками при отражении набега Девлет-Гирея на Москву [12, с. 29-32]. Князь фактически возглавлял все русское войско, но, по мнению современных исследователей [4, с. 163], у него не было достаточного командного опыта и такой значительный пост стал только следствием личного доверия царя и, фактически, родства.

После женитьбы Ивана IV на его сестре князь М.Т. Черкасский занял особое положение, нигде не упоминался в числе бояр, но всегда написан перед остальными боярами. После смерти сестры не менее года он сохранял высокий статус в структуре служилого сословия, но затем его постигла опала, причины которой неясны. Сначала, по приказу царя, были казнены его супруга, рожденная Захарьина-Юрьева, и шестимесячный сын. В.Б. Кобрин и Р.Г. Скрынников полагали, что эти события стали следствием новгородского «изменного дела», вследствие которого попали в опалу Плещеевы-Басмановы, с которыми Захарьины-Юрьевы были связаны. Затем М.Т. Черкасский был смещен с высшего поста в опричной военной иерархии на должность первого воеводы передового полка и в ней отправился отражать набег крымского хана Девлет-Гирея [20, с. 74]. Д.М. Володихин справедливо считает это свидетельством очевидной государственной немилости к князю [4, с. 163].

М.Т. Черкасский был убит или казнен в мае — июне 1571 г., что подтверждается указаниями синодиков [13, с. 224]. Примечателен тот факт, что московское правительство официально отрицало факт его казни, предлагая взамен версию о гибели в военном по-

ходе. С.Б. Веселовский считал, что она связана с изменой его отца союзу с Москвой [3, с. 358]. Д.Н. Альшиц полагал причиной опалы М.Т. Черкасского дело его родственника князя А.С. Черкасского 1572/1573 г., сбежавшего к «немцам», но В.Б. Кобрин подверг это мнение аргументированной критике, указав, что казнь князя М.Т. Черкасского состоялась раньше, чем «отъехал» князь А.С. Черкасский [1, с. 150; 7, с. 288]. Е.Н. Кушева, а вслед за ней В.Б. Кобрин [8, с. 284, 285; 7, с. 93-94] объясняли опалу внезапной смертью царицы Марии Темрюковны, после которой служилые черкесы могли покинуть Москву, и с опалой на Захарьиных-Юрьевых (он был женат на дочери боярина Василия Михайловича Захарьина-Юрьева) [7, с. 94]. Новую, оригинальную версию причин опалы князя М.Т. Черкасского предложил Д.М. Володихин, считавший, что они «проще и прозаичнее» [4, с. 163]. Он объясняет расправу с упущениями по службе, в частности — с отсутствием разведки и с недостатками в сторожевой службе, что привело к прорыву хана Девлет-Гирея к Москве в мае 1571 г. Ученый предполагает, что тогда группа военачальников была подвергнута опале, а некоторые, в том числе и князь М.Т. Черкасский, казнены, фактически — «за командирскую некомпетентность».

Дочь князя Темрюка Кученей (Гошаней) родилась около 1545/1546 г. Она стала второй женой Ивана Грозного. Первая жена царя Анастасия Романовна скончалась 7 августа 1560 г., и уже в конце этого месяца Иван разослал посольства в Польшу, Швецию и Кабарду — сватать невесту. На Западе таковых не оказалось, а из Кабарды в июне 1561 г. прибыла в Москву дочь князя Темрюка княжна Кученей. При крещении в Успенском соборе Кремля княжна Кученей была наречена Марией, и 21 августа того же года царь Иван Васильевич женился на ней. В марте 1563 г. у Марии родился сын Василий, который вскоре заболел и умер, а через шесть лет и сама Мария скончалась 1 сентября 1569 г.

Существуют разные версии ее смерти. То ли она простудилась во время поездки с царем в северные земли, то ли ее отравили, то

ли это произошло «в результате какого-то бесчестия или опалы со стороны царя» [4, с. 163]. Погребли ее в Вознесенском девичьем монастыре у Фроловских ворот Кремля, где хоронили великих княгинь и цариц.

Другая дочь Темрюка Малхуруд была замужем за сыном князя Большой Ногайской орды Исмаила Тинехматом, также поддерживавшим союзнические отношения с Россией [12, с. 70].

Третья дочь Темрюка — Алтынчач была замужем за астраханским царевичем Бекбулатом, сторонником Москвы. Их сын Симеон Бекбулатович, умерший в 1616 г., касимовский хан, известен как номинальный правитель России, «Великий Князь Всея Руси», в 1576 г. получивший в удел Тверь.

Следующее поколение рода князей Черкасских, осевшее в Московском государстве, также показало себя крупными государственными и военными деятелями.

Вторая ветвь рода князей Черкасских, обосновавшихся в России, Камбулатовичи, происходит от брата Темрюка князя Камбулата-мурзы Идарова. В 1578 г. он просил Ивана Грозного взять «на свою на государеву службу» сына Хорошая-мурзу, в крещении нареченного Борисом.

Князь Борис Камбулатович Черкасский [21, с. 217-218] сразу занял видное положение при царском дворе. В 1583 г. он был первым воеводой большого полка в Новгороде, в 1585 г. — в Серпухове, где нес «береговую» службу на засечной черте [20, с. 120, 134, 154], в 1588/1589 г., по данным боярского списка, вновь находился в Новгороде [22, с. 212]. В 1591 г., уже при царе Федоре Ивановиче, князь Б.К. Черкасский был послан в Тулу воеводой Большого полка, успешно оберегал Москву от набега хана Казы-Гирея, был первым воеводой сторожевого полка у Данилова монастыря под Москвой [22, с. 166, 181]. В 1592 г. стал боярином [15, с. 239].

У него был брат князь Гавриил (Хотяг-мурза), в 1564 г. бывший воеводой в русских войсках [21, с. 37], он попал в плен во время Ливонской войны к полякам, пробыл там более 20 лет и освобожден только в 1586 г. [5, с. 202].

Кроме того, известно еще четыре их брата — князья Кордануко-мурза, Куденет-мурза (умер в 1624 г.), Нимшажа-мурза и Яшган-мурза.

Представители этой ветви рода заключили удачные браки с русской аристократией. Сын князя Бориса Камбулатовича — князь Иван Борисович Черкасский — был женат на Евдокии Васильевне Морозовой, дочери боярина Василия Морозова [5, с. 202]. У него было две сестры — княжна Ирина Борисовна (умерла 1 марта 1616 г.), бывшая замужем за известным государственным и политическим деятелем боярином Федором Ивановичем Шереметевым, и княжна Ксения Борисовна, которая вышла замуж за боярина Ивана Дмитриевича Колычева. Таким образом, род князей Черкасских породнился с потомством Андрея Кобылы. Эта родственная связь значительно увеличила политическое значение рода князей Черкасских.

Третья ветвь рода князей Черкасских пошла от младшего брата Темрюка — Желегота-мурзы. К его потомству принадлежали князья Семен и Федор Ардасовичи Черкасские.

Князь Семен Ардасович Черкасский, известный военный деятель, воевода в нескольких походах середины XVI в., в Ливонском походе дворянин «в стану у Государя» (сентябрь 1567 г.) и в походе на крымского хана Девлет-Гирея (сентябрь 1570 г.), первый воевода полка левой руки на «береговой» службе в Тарусе (осень 1570 г.), в 1577 г. — воевода в полку левой руки, сопровождал Ивана Грозного в походе из Новгорода в Псков, командовал отрядом из 423 человек, собранных преимущественно из Обонежской пятины, первый воевода передового полка против польского короля Стефана Батория (1581 г.), наместник в Нарве [18, с. 444, 454, 459; 19, с. 22]. Последнее его упоминание относится к сентябрю 1582 г. [7, с. 94].

Его брат князь Федор Ардасович Черкасский также участвовал в Ливонской войне, в частности — в Литовском походе, в 1565 г. — первый воевода большого полка в Брянске, в сентябре 1567 г. — дворянин «в стану у Государя» [17, с. 46, 51].

Из князей Черкасских четвертой ветви наиболее известны: князь Иван Ельбузлуевич Черкасский (Тутарык-мурза), который прибыл в Москву в 1556 г., служил воеводой в русских войсках и имел четверых сыновей, из которых наиболее известны два — князья Иван и Владимир Тутарыковичи (Таатуковичи) Черкасские, оба опричники.

Первый из них упоминается в разрядах дважды. Первый раз — в известном списке полковых воевод, отправленных под Калугу в 1564/1565 г., если точнее, то, видимо, весной-летом 1565 г. [4, с. 120 — 123]. Там он числился воеводой передового полка [16, с. 191]. Второй раз князь И.Т. Черкасский отмечен в 1570/1571 г. первым воеводой полка левой руки в Тарусе в походе на Девлет-Гирея, также в опричном разряде [20, с. 69]. Тот факт, что в записи 1564/1565 г. он поставлен выше своего брата Владимира и занимает более видную должность, в местнических категориях XVI в. могло указывать на то, что он был старшим по рождению.

О князе В.Т. Черкасском известно еще меньше. Его имя встречается в источниках единственный раз — в упомянутом выше калужском разряде 1564/1565 г., где он числился вместе с Дмитрием Борисовичем Салтыковым воеводой сторожевого полка [16, с. 191].

Князья Черкасские, как ближайшие родственники царя, активно участвовали в политических событиях XVI в., в придворной жизни, выполняли ответственные служебные поручения.

В частности, они активно участвовали в опричнине. В.Б. Кобрин писал, что князей Черкасских «было в опричнине целое «гнездо»» [7, с. 92], и называл 5 имен, выделяя особо князя Михаила Темрюковича. Кроме того, отмечены князья Иван и Владимир Тутарыковичи (Таатуковичи), Семен и Федор Ардасовичи Черкасские. Примечательно, что они представляли три из четырех ветвей рода.

Однако возвышение князей Черкасских в период опричнины было кратковременным, оно, безусловно, заложило мощную социогенеалогическую основу расцвета рода в XVII в., но после смерти Марии Темрюковны и казни

ее брата Михаила их родственники исчезли из разрядов на некоторое время. Положение, занимаемое князьями Черкасскими в структуре служилого сословия в конце столетия, четко демонстрирует боярский список 1588/1589 г. В нем князья Черкасские идут после жильцов, в разделе «князи служилые», перед разделом «князи ростовские» [22, с. 216].

С 1588/1589 г. по 1605 г. трое князей Черкасских служило в стряпчих и еще двое — в жильцах — категории, которая ближе стояла к выборным дворянам, чем к аристократической верхушке.

Это свидетельствует о неустойчивости положения рода в 1560-е — 1580-е гг. в рядах русского служилого сословия, о незавершенности его формирования как самостоятельного в пределах России.

Опричный террор способствовал обновлению состава Боярской думы, и в числе иных новых родов в ее составе оказались князья Черкасские, причем они заняли там вполне прочные позиции. После отмены опричнины и до 1604 г. в нее входило трое представителей рода — князья Михаил Темрюкович, Борис Камбулатович и Василий Корданукович Черкасские [15, с. 241]. Важным показателем их социального положения являлось также то, что еще в конце 1580-х гг. они сохраняли статус служилых князей, т. е. должны были пользоваться обширными правами по суду и управлению в своих вотчинах и уделах и даже иметь в своем распоряжении местную военную силу. Однако следует учитывать, что, несмотря на положение «служилых князей», князья Черкасские, как и некоторые другие представители выезжей иноземной знати, особыми суверенными правами не обладали, являясь фактически помещиками и вотчинниками с обычными правами [11].

В XVI в. закладывалось материальное благополучие рода, подкреплявшее служебно-должностное положение. Князь Семен Ардасович Черкасский владел крупным поместьем в Сурожском и Горетовском станах Московского уезда — 2081 четью земли [14, с. 96-98]. Князь Борис Камбулатович Черкасский имел крупные поместья в Московском,

Рязанском и Медынском уездах, а также вотчину в селе Пруды на реке Осетре. Всего же князьям Черкасским в конце XVI в. принадлежали обширные вотчины: в Дмитровском уезде село Гульнево, в Коломенском стане сельцо Олтушево, очень крупная вотчина в Суздальском уезде село Лежнево, в Юрьев-Польском уезде — село Парша и Семикисово, в Муромском уезде — огромная вотчина село Синожаны. Как и у всех думных чинов, у них были владения в Московском уезде — сельцо Осташево, село Никольское, в Лукомском стане старинные залесенные пустоши, в Волоцком стане деревня Софьино [25, с. 53]. К концу столетия князья Черкасские являлись одними из крупнейших вотчинников, что помогало поддерживать высокий уровень служебно-должностных претензий.

Однако не следует переоценивать степень интеграции князей Черкасских в XVI в. в служилое сословие. У них сохранялись крепкие связи с Кабардой, далеко не все члены семьи принимали крещение.

Положение князей Черкасских в первое время после их выезда в Московское государство было беспрецедентным. Это справедливо к первым десятилетиям после их выезда, пока еще к ним сохранялось отношение как к потомкам владетелей и когда оказывало влияние близкое родство с правящим монархом. В последней четверти XVI в. оно несколько пошатнулось, хотя поддерживалось и удачными родственными связями, и заметными служебными назначениями, и материальным благополучием, но исключительность была утрачена. Тем не менее можно признать, что социальная адаптация князей Черкасских прошла вполне удачно. К концу XVI в. род их сформировался в России окончательно и в генеалогическом, и в социальном отношении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Альшиц Д.Н. Разрядная книга московских государей XVI в. // Проблемы источниковедения. Т. 6. — М., 1958. — С. 113-154.
2. Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. — М., 2004. — С. 119-154.

3. Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. 3. — М.; Л., 1940. — С. 245 — 366.
4. Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. — СПб., 2011. — 293 с.
5. Долгоруков П. В., кн. // Российская родословная книга. Ч. 2. — СПб., 1855. — С. 36-42.
6. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. — М., 1964. — 364 с.
7. Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропология: Избранные труды. — М., 2008. — 370 с.
8. Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552 — 1572 гг. // Исторические записки. Т. 34. — М.; Л., 1950. — С. 260-305.
9. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. — Нальчик, 1996. — 352 с.
10. Мальбахов В.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда. — Нальчик, 1994. — 352 с.
11. Мордовина С.П. Служилые князья в конце XVI века // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 28. — М., 1970. — С. 326 — 340.
12. Опрышко О.Л. По тропам истории. — Нальчик, 1990. — 170 с.
13. Памятники истории русского служилого сословия / сост. А.В. Антонов. — М., 2011. — 555 с.
14. Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. — СПб., 1872. — 560 с.
15. Правящая элита Русского государства IX — начало XVIII в.: Очерки истории. — СПб., 2006. — 547 с.
16. Разрядная книга 1475 — 1605 гг. Т. 2. Ч. 1. — М., 1981. 192 с.
17. Разрядная книга 1475 — 1605 гг. Т. 2. Ч. 2. — М., 1981. 244 с.
18. Разрядная книга 1475 — 1605 гг. Т. 2. Ч. 3. — М., 1982. — 262 с.
19. Разрядная книга 1475 — 1605 гг. Т. 3. Ч. 1. — М., 1984. — 220 с.
20. Разрядная книга 1559 — 1605 гг. — М., 1974. — 268 с.
21. Русский биографический словарь. [Т. 9]. — СПб., 1904. — 560 с.
22. Станиславский А.Л. Труды по истории государства двора в России XVI — XVII веков. — М., 2004. — 506 с.
23. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. — М.; Л., 1950. — 456 с.
24. Черкасский Б.М., кн. О роде князей Черкасских // Генеалогия Северного Кавказа. — 2003. — Вып. 7. — С. 46-90.
25. Шватченко О.А. Вотчинное землевладение в России в конце XVI века. — М., 2008. — 191 с.

УДК 94(47)

Белов А.В.

Институт российской истории РАН (г. Москва)

**СУКОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАЗЕННЫХ КРЕСТЬЯН
НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 80-е – 90-е ГГ. XVIII В.**

A. Belov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**CLOTH INDUSTRY OF STATE PEASANTS ON THE TERRITORY OF MOSCOW
AND MOSCOW PROVINCE IN THE 80S-90S OF THE XVIIITH CENTURY**

Аннотация. Работа посвящена неудавшейся попытке правительства привлечь для обслуживания армии частные производства казенных крестьян — владельцев суконных мануфактур. Полученный в ходе исследования материал позволяет проанализировать особенности и уровень развития производства на территории пригородов Москвы и в Московской губернии во второй половине правления Екатерины II, а именно: выявить такое сложное явление в организации городского пространства, каким являлись промышленные пригороды больших городов, проследить распространение хозяйственной специализации в рамках замкнутого региона, отметив отличительные особенности развития промышленности, присущие противоречивому дореформенному периоду.

Ключевые слова: Московская губерния, казенные крестьяне, крестьянские мануфактуры, процесс промышленного производства, сукноткачество.

Abstract. The work is devoted to the unsuccessful attempt of the government to get state peasants' private manufactories involved in servicing the army. The material received during the research enables to make the analysis of the features and level of cloth production development on the territory of the outskirts of Moscow and Moscow province in the second half of Ekaterina II's reign. That is: to describe such complex phenomenon of city space arrangement as industrial outskirts of large cities; to trace the spread of economic specialization in an enclosed region; to mark the peculiar features of industrial development which characterized the contradictory pre-reform period.

Key words: Moscow province, state peasants, peasants' manufactories, process of industrial production, cloth production.

Развитие российской промышленности в период нового времени давно является излюбленной темой историков. Однако работы, выполненные в данном направлении, отмечают в первую очередь общие черты и тенденции, упуская из-за крупномасштабности своих задач вопросы реализации процессов «на местах». Особенно это характерно для дореформенного периода, предшествующего эпохе становления земств и возникновения земской статистики, давшей первые крупные комплексы документов применительно к отдельным регионам. До того ощущается крайняя нехватка источников.

Впрочем, ни малочисленность документальных свидетельств, ни склонная к глобальности историографическая традиция отечественной исторической науки не должны стать причиной отказа от изучения протекания процессов в рамках отдельно взятого края. Именно в рамках специфики конкретного места и времени наиболее хорошо заметны внутренние причины общегосударственных процессов, их характер, содержание и сама возможность реализации на практике.

Состояние одного из центральных видов мануфактурного производства Московской губернии — ткачества (точнее, той его части, которая находилась в руках «казенных» крестьян) обстоятельно описано в записке губернатора Петра Лопухина. Составленная в ноябре 1791 г., она была подготовлена непосредственно для императрицы Екатерины II, являясь ответом на ее личный указ от 3 ноября 1791 г., не сохранившийся в составе Полного собрания законов¹. В нем Екатерина предписывала губернатору выявить численность и производственные возможности «казенных» крестьян Московской губернии, «которые упражняются в сукноткании в жилищах своих в свободное от хлебопашества время»².

Согласно «Высочайшей Монаршей» воле губернатор должен был не только провести (как бы мы сказали сегодня) «мониторинг ситуации», но и обязывался императрицей лично встретиться с крестьянами-хозяевами предприятий и в ходе разговора разъяснить «все выгоды, какие они получить могут»³ от сотрудничества с государством. Главной задачей сановника было убедить предпринимателей продавать произведенное ими сукно в московский комиссариат, «дабы они вырабатываемые сукна чтобы не залежались и для скорейшего оборота в капитал за настоящую цену продавали на наличные деньги... суровая или крашенная, кто такие иметь будет». При этом согласившимся были обещаны льготные условия: полное отсутствие бюрократических проволочек («без малейшей задержки и без всяких приказных обрядов»)⁴ и расчет «на наличные деньги»⁵. Данные гарантии объявлялась фактически от лица самой императрицы, как об ее «Матернему... о пользе всех подданных попечению»⁶.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. — Т. 23. — № 16995-16996.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

Круг опрошенных заводчиков ограничивался «казенными» (то есть не частновладельческими) крестьянами Московской губернии. Подобная (и надо заметить, далеко не традиционная) акция представителей высшей части аппарата империи была вызвана не просто желанием умножить число сукна, находящегося в распоряжении правительства и идущего на обмундирование армии (отсюда и предписание обращаться в комиссариат). Ситуация была много сложнее. Производство сукна, налаженное Петром I, в начале 1760 гг. было оставлено без какой-либо государственной поддержки и в итоге пришлось к упадку. В результате этого возникла острая нехватка материала для обмундирования войск [2, с. 243-244]. Решение данной задачи за счет помещичьего производства по понятным причинам в правление Екатерины II было невозможно. Поэтому государство пришлось искать иные возможности для разрешения возникшей проблемы.

К отчету была приложена «краткая ведомость», содержащая, вопреки своему названию, достаточно основательную характеристику положения дел в рассматриваемой области. Это позволяет дать обстоятельную картину положения дел в рассматриваемой области.

В соответствии с имеющимися в источнике данными суконные мануфактуры «казенных» крестьян локализовались в четырех различных частях Московской губернии. При этом бесспорное господство среди них принадлежало предприятиям московского пригорода. Именно здесь функционировали крупнейшие заведения края, находившиеся в управлении «казенных» крестьян.

Большой и активно развивающийся город неизменно формирует вокруг себя радиус территорий, тесно сопряженных с ним в хозяйственных и иных типах отношений [7, с. 33-34]. Это в полной мере относится и к Москве девятнадцатого столетия [4, с. 132-151], вокруг которой существовал полуофициальный радиус сельских «московских пригородов» и «подгородных поселений», признанных и описанных мос-

ковскими статистиками второй половины XIX в. [1, с. 28]

К группе предприятий, базировавшихся в пределах московского пригорода, относились мануфактуры трех поселений: двух сел (Семеновского и Покровского) и одной слободы (Даниловской). Первое из сел находилось непосредственно на линии фискальной границы города Москвы — черте Камер-коллежского вала. О его существовании напоминает сохранившиеся до наших дней улица Семеновский вал и Семеновская площадь.

К северу от села Семеновского и несколько ближе к границам города стояло второе село, упоминаемое в документе — Покровское (если быть более точным — Покровское-Рубцово). Его превращение в промышленный и торгово-ремесленный пригород Москвы пришлось как раз на годы правления Екатерины II [3, с. 101].

Земли Даниловской слободы также располагались вплотную к отрезку Камер-коллежского вала (ныне улица Даниловский вал), проходившего к югу от центра города.

Всего на территории трех подмосковных поселений было зафиксировано семь предприятий, принадлежавших «казенным» крестьянам. Единственная мануфактура, функционировавшая в селе Покровском, принадлежала московскому купцу Ивану Щурову.

В Даниловской слободе работало три предприятия, каждое из которых находилось в собственности одного из трех московских купцов: Василия Киреева, Ивана Иванова и Алексея Веревкина¹.

В селе Семеновском документ также зафиксировал три предприятия. Одно из них было записано за неким Герасимом Никитиным. Отсутствие в данном случае указания на принадлежность предпринимателя к купеческому сословию, по-видимому, означает его крестьянский статус. У других предприятий документ указывает сразу по два владельца: «полковника Василья Шереметьева и крестьянской жены Анны Устиновой», «генерала порутчика Ивана Ивановича Голохвастова и

крестьянской женки Настасьи Бутыриной». В глаза бросается совместное владение мануфактурой дворянами-офицерами (причем в весьма значительном звании) и крестьянами. Участие представителей благородного сословия в создании примышленных предприятий [6, с. 129] вместе с предпринимателями из крестьян и купцов не было редкостью. Интерес вызывает другое — со стороны последних выступают женщины. Данное обстоятельство дает возможность если и не переоценить, то, во всяком случае, несколько уточнить роль женщины-крестьянки в социальной и экономической жизни России конца XVIII в.

Промышленные заведения производили несколько видов сукон, ранжирующихся по качеству: на товары «перваго сорта», «второго сорта», «ниских сортов»; по типу обработки: на «суровое»; и, вероятно, другие, не упомянутые в тексте источника типы.

Также ткани отличались по цвету. Для окрасивания в основном использовались красные, синие и зеленые цвета.

Производственные мощности предприятий заметно разнились. Так, покровская мануфактура московского купца Ивана Щурова имела всего 2 стана и красильню. Семеновская, полковника Шереметева и крестьянки Устиновой — 6 станов. Предприятие Голохвастова и Бутыриной — 7 станов. Три мануфактуры, расположенные в Даниловской слободе, располагали 13, 16 и 16 станов. При этом большинство мануфактур имели собственные красильни².

Объемы производства в год на одном из крупнейших предприятий этой группы (Василия Киреева в Даниловской слободе) составлял до 10000 аршин крашенного сукна шириною в аршин и 14 вершков. У его соседа купца Ивана Иванова, обладавшего теми же производственными мощностями, выход продукции достигал 16000 аршин «в указную ширину»³ — крупнейший показатель среди всех предприятий московского пригорода. При этом четко установленного размера сукна не было. «Образцы» могли быть как «ко-

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45-45об.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45-46об.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

миссариатские», так и собственные купеческие. В ряде случаев размеры тканей даже не оговаривались.

О скорости мануфактурного производства можно судить по заверению московского купца Ивана Иванова (Даниловская слобода), обещавшего за четыре месяца произвести и представить «в готовности крашеного сукна синяго 3000; зеленого 2000; красного 1000, итого 6000 аршин»¹. Таким образом, имея 16 станов и собственную красильню, он был в состоянии в течение одного месяца получить с одного стана 94 аршин сукна, и сразу же его окрасить.

Показательно, что на трех предприятиях из семи отсутствовал готовый к продаже товар². Причем, несмотря на период глубокой осени (а следовательно, присутствие рабочих рук), достаточные технические возможности, наличие (скорее всего) непрерывного в это время процесса производства. Данное обстоятельство указывает на существование постоянного спроса на продукцию суконных мануфактур, которая не залеживалась на складах крестьянских промышленных заведений. Это обстоятельство также косвенно подтверждается откровенно высказанной незаинтересованностью ряда мануфактуристов в сотрудничестве с комиссариатами.

Стоимость ткани, по которой производители готовы были предложить ее государству, разнилась. Цена зависела от качества как сукна, так и его покраски, размера «половинки», а также цвета. К примеру, рулон, произведенный на мануфактуре купца Щурова, стоил от 24 рублей. Суровое сукно мануфактуры Шереметева-Устиновой — 20 рублей. При пересчете цены на аршины самой дорогой «отрез» был соткан и окрашен на мануфактуре московского купца Василия Киреева в Даниловской слободе (1 рубль 20 копеек)³. На мануфактуре Голохвастова-Бутыриной (село Семеновское) были готовы продавать «первого сорта крашеное аршин по 1 рублю и 10 копеек. А белое по 1 рублю. Второго сорта

шириной в один аршин и четыре вершка крашеное по 85 и 80 копеек»⁴.

Процесс производства, и особенно окраски, был крайне тяжел и вреден. Описание работы в мануфактуре сохранилось благодаря усилиям известного литератора и бытописателя конца XIX в. П.Д. Боборыкина. В одном из своих наполовину художественных, на половину документальных романов он так описал атмосферу, царившую во время варки и окраски шерсти: «Они вошли в помещение, где лежали груды грязной шерсти. Воздух был насыщен жирными испарениями. В чанах прела какая-то каша и выходила оттуда в виде чистой желтоватой шерсти... Заглянули и туда, где печи и котлы. Тасе жаль сделалось кочегаров. Запах масла, гари, особый жар, смешанный с парами, обдал ее... У одного кочегара ворот рубашки был расстегнут и ноги босые. «Так легче! — Сострила Любаша. — Добровольная каторга, — прибавила она громко» [5, с. 313-314]. Помимо тяжелой атмосферы, влияющей на легкие, красильщики постоянно страдали от болезней кожи в виде различных экзем⁵.

Кроме трех пригородных поселений, определенное участие «казенных крестьян» в деле «сукноткания» наблюдалась также в трех местах Московской губернии: «Московской округе» — 25 станов, «Серпуховской» — 7 станов и в «Дмитровский» — 32 стана⁶. Несмотря на заметный территориальный разброс, все они обладали одним общим и весьма важным качеством: никто из данной группы крестьянских производителей не был самостоятелен. Абсолютно все напрямую зависели от московских купцов, которые передавали им шерсть для производства. Более того, и сама это обработка осуществлялась на станах, предоставленных московскими заводчиками. В частности эта форма была присуща всем крестьянам-ткачам «Дмитровской округи»⁷.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

⁵ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1255. Л. 12.

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 46-46об.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 46-46об.

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

Крестьяне не могли самостоятельно купить сырье, не имея для этого никакого капитала. По сути, они выступали только как наемные работники рассеянной мануфактуры, получая за свой труд сдельную оплату: «от половинки по 7 ру[блей] 50 ко[пеек] и по 8 ми ру[блей] смотря, по доброте сукон» в «Московской» и «Серпуховской округах»¹; и «по 3 ру[блей] 50 ко[пеек] и по 4 ру[блей] с половинки» в «Дмитровской»².

Зависимость и безденежье были столь заметным явлением среди крестьян-суконщиков, проживавших за пределами московских пригородов, что делали самостоятельное производство здесь попросту невозможным, превращая его в продолжение «пригородной» промышленной зоны Москвы. Показательно, что главным условием сотрудничества с комиссариатом, высказанным крестьянами, проживающими на более-менее значительном удалении от границ Москвы, было получение от государства или субсидий на покупку материалов или уже готового сырья³.

Таким образом — все текстильное производство «казенных крестьян» в рамках Московской губернии было жестко завязано на Москву и ее купечество, представляя собой продолжение московских городских и пригородных суконных мануфактур.

Выполнив порученное ему задание, губернатор подробно описал императрице, с каким безмерным чувством благодарности выслушали крестьяне-мануфактуристы августейшие просьбы и пожелания. Согласно тексту отчета (и в соответствии с правилами составления подобных бумаг) присутствовавшие на встрече крестьяне «по выслушании Сего, изъяснив чистейшия чувствования всеподданнейшей благодарности, все единогласно объявили, что они к размножению сукноткательных станов приложат возможное старание и вырабатываемые сукна в казну преимущественно пред прочими продавать желают».

На деле реальность не была столь уж бла-

гостной и верноподданнической. Целый ряд мануфактуристов заявили категорическое нежелание сотрудничать с комиссариатом («впредь ставить отрекается за обязательством комиссариатом»), т. к. «почитали» это «для себя отяготительным»⁴.

Причина отказа крестьян-мануфактуристов кроется, по-видимому, в экономически устойчивом положении налаженного ими производства. Как видно из материалов дела, «сукноткачество» экономических крестьян Московской губернии было построено на рыночных началах и пользовалось спросом. Даже зависимые и безденежные крестьяне-ткачи из окрестностей Дмитрова отказывались поставлять сукно армии, т. е. фактически государству по личному (!) предложению самой императрицы («в комиссариат ставить не желают»⁵).

Несмотря на наличие нескольких регионов производства сукна силами казенных крестьян, особую роль в этом процессе играли предприятия, расположенные в пределах формирующегося московского пригорода, наличие которого станет одной из важных черт в жизни и структуре «первопрестольной» столицы уже в конце XIX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Левицкий В.А. История пригородов Москвы, их санитарное состояние, заразная заболеваемость и население // Экономическо-статистический сборник. Вып. I. — М., 1911. — С. 18-46.
2. Певзнер И.В. Суконная промышленность России на рубеже XVIII — XIX вв. и экономическая политика правительства // Исторические записки. Т. 102. — М., 1978. — С. 223-254.

Литература:

3. Аверьянов К.А. История московских районов: энциклопедия. — М.: «Издательская группа АСТ». — 2005. — 830 с.
4. Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения: интеграция пригородных поселений в урбанистическую структуру Москвы во второй половине XIX — начале XX века. — М.: Папирус ПРО, 2005. — 182 с.

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 46-46об.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 46об.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43. Л. Л. 46-46об.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

⁵ РГАДА. Ф. 16. Д. 580. Л. 43. Л. Л. 46об.

5. Боборыкин П.Д. Китай-город. — М.: Краснодарское книжное издательство, 1956. — 384 с.
6. Корелин А.П. Дворянство и торгово-промышленное предпринимательство в пореформенной России (1861-1904 гг.) // Исторические записки. Т. 102. — М., 1978. — С. 91-173.
7. Репина Л. П. Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза // Город как социокультурное явление исторического процесса. — М.: Наука, 1995. С. 32-38.

УДК 94(470)“19”

Федорова Е.Ю.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ НИКОЛАЯ I

E. Fedorova

Peoples Friendship University of Russia, Moscow

THE SLAVIC QUESTION IN RUSSIAN SOCIAL THOUGHT OF NICOLAS I EPOCH

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды российской интеллигенции на славянский вопрос в 1830 — 1850-е гг., также сравнивается позиция славянофилов и западников по этой проблеме. Особое внимание уделяется основным компонентам славянской идеи, а также причинам ее актуализации в контексте эпохи правления Николая I. Прослеживается эволюция восприятия славянского вопроса в годы Крымской войны 1853 — 1856 гг. В период правления Николая I вторая составляющая славянского вопроса — проблема взаимоотношений России и Польши, как главных соперников в славянском мире — обретала все более конкретные черты. Интеллектуалы николаевского времени, формулируя суть польского вопроса, затрагивали и его взаимосвязь со славянской проблематикой. Национальные чувства, зародившиеся в русском обществе в связи с польской проблемой, послужили интегратором практически всех течений общественной мысли.

Ключевые слова: славянский вопрос, славянофилы, западники, уваровская триада, Крымская война, польский вопрос, интеллектуалы николаевского времени, национальная идея.

Abstract. The article considers the views of the Russian intelligentsia on the Slavic question in the 1830 — 1850s; besides, the position of Slavophil and Westerners on this issue is compared. Special attention is paid to the main components of the Slavic ideas, as well as to the reasons of its mainstreaming in the context of Nicholas I epoch. The article traces the evolution of the Slavonic question in the years of the Crimean war, the 1853 — 1856s. The second component of the Slavonic question during the reign of Nicholas I, the problem of relations between Russia and Poland being the main rivals in the Slavic world, was becoming to shape up. While formulating the essence of the Polish question, the intellectuals of those times mentioned its interrelation with the Slavic problems. National feelings, which aroused in the Russian society due to the Polish problem, served an integrator of almost all trends of social thought.

Key words: the Slavic question, Slavophil, Westerners, the Uvarov's triad, the Crimean war, national idea.

Анализ эволюции славянского вопроса в эпоху Николая I позволит рассмотреть не только содержание его различных интерпретаций, представленных основными течениями общественной мысли России, но и связь его основных элементов с изменениями внешнеполитического курса и международного положения страны.

При этом необходимо отметить, что славянский вопрос вызывал определенный интерес отечественных историков [4; 12; 13; 14]. Однако проблема его дифференцированного восприятия представителями различных направлений общественного движения России, а также воздействия меняющегося исторического контекста на его основные компоненты еще не стала объектом специального исследования.

Активная внешняя политика России на Балканах, результаты разделов Польши привели к тому, что национальную элиту страны стала волновать будущность юго-славянских народов, связанная с обретением независимости и отношениями с Российской империей. Так начинается формироваться славянский вопрос, который в 30-40-х гг. XIX в. актуализируется, вызывая все больший общественный интерес.

© Федорова Е.Ю., 2013.

Теперь, в отличие от предшествующего периода, когда славянская проблема сводилась к указаниям как на религиозные, языковые, бытовые сходства угнетенных юго-славян с православным населением России, так и на необходимость их освобождения от турецкого ига, происходит его осмысление с помощью научных и политических категорий. Теоретической базой славянского вопроса явилась национальная идея, которая развивалась с начала XIX в. как следствие распространения либеральной доктрины на Европейском континенте.

В период идейных споров славянофилов и западников отечественная интеллигенция обращалась к философии истории, изучение которой предоставляло ответ на вопрос о закономерностях исторического развития России, славянства и народов Европейского континента. В кругу интеллектуалов обсуждалась также проблема необходимости создания каждой нацией собственного государства. Особую остроту ей придавала борьба южных славян и поляков за независимость.

Отправным пунктом в спорах западников и славянофилов являлось их различное отношение к Западной Европе. Историк-гегельянец, один из руководителей западнического кружка Т. Н. Грановский, оказавший большое влияние на современников, считал, что «человечество одушевлено одним духом, который обособляется в большие или меньшие круги, и идет правильным путем развития» [9, с. 47]. Таким образом, складывающаяся в это время западническая, а впоследствии — либеральная традиция, признавала единственно прогрессивным, обеспечивающим условия для свободы личности и правового государства лишь западноевропейский путь развития.

В своих размышлениях западники особое внимание уделяли правам нации. Однако согласно их выводам независимость нации была прерогативой только развитых народов, т. е. тех, которые осознали и приняли принципы либерального развития. Так, либерал-западник В.П. Боткин в письме к П.В. Анненкову в 1847 г. утверждал, что «издали эти славянские стремления имеют много привлекатель-

ностей: я это испытал на себе, а как присмотришься и прислушаешься, то видишь, что, в сущности, лежит вопрос о невежестве и цивилизации» [1, с. 263]. Вместе с тем славянские народы, по мнению русских либералов, были способны приобщиться к западной цивилизации. В итоге европеизация и достижение необходимого уровня цивилизованности славянскими народами представлялась западникам-либералам 1840-1850-х гг. более важной исторической задачей, чем их стремление к национальному освобождению.

Славянофилы в отличие от западников отдавали приоритет национальному перед общечеловеческим [11, с. 57]. В духе романтической школы «философии истории» они подчеркивали противоположность Востока и Запада, Европы и России, мира романо-германского и греко-славянского [3; 10]. Славянофилы считали, что России были чужды социальные и политические конфликты, характерные для западноевропейских стран. Россия, стоящая во главе всего «славяно-православного Востока» и обладающая великим нравственным началом, могла и должна была, по их мнению, служить мощным противовесом революционному и «антихристианскому» (католическому и протестантскому) Западу.

Следует отметить, что славянофилы дореформенного периода особое значение придавали религиозной общности со славянскими народами: «Если мы поставили *единоверных* прежде *единоплеменных* и намерены обратить наше особенное внимание на первых, то не потому только, что Россия с ними наименее знакома, но и потому, что прежде и выше всего мы полагаем связь веры...» [2, с. 231]. Славянофилы позиционировали себя хранителями русских традиций и представителями исконно русского архетипа сознания, главной составляющей которого являлась религиозность мировосприятия. Поэтому в размышлениях о славянском вопросе для славянофилов и была так важна связь с верой. Важно отметить, что славянофилы не были чужды либеральным веяниям и противопоставляли Россию Европе в глобальном, духовном смысле.

Особое отношение к славянскому вопросу складывалось в правительственных кругах. Прежде всего, оно определялось неприятием властью славянофильской теории, противоречившей провозглашенному ею курсу охранения от западных идей не только революционного, но и либерального толка. Кроме того, для политики Николая I национализм с оттенком русского превосходства был неприемлем, ибо в понятие «народность» уваровской триады была заложена идея единства самодержавия с народом всей Российской империи, предполагавшая космополитичность власти российского монарха.

Заметим, что в обсуждении славянского вопроса в славянофильских трудах отсутствовал международный аспект. Вероятно, свою роль здесь сыграло как благоприятное, во всяком случае, до середины века, международное положение России, отсутствие реальной угрозы со стороны Европы, так и запрещение правительством Николая I обсуждать вопросы внешней политики. Может быть, поэтому славянофилы 1840 — начала 1850-х гг. «не ставили с такой четкостью идею всеславянского объединения под эгидой России» [14, с. 59]. Отсутствие привычной формы обсуждения славянского вопроса в трудах славянофилов, то есть реальной теории политического союза славян, позволило некоторым исследователям утверждать о сугубо национальной, русской проблематике сочинений А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова и др. [15, с. 175]

В дальнейшем, по мере того, как ухудшалась международная обстановка, славянофилы стали «расширять рамки своей деятельности, а национальный принцип приобрел у них все большее значение, отесняя на задний план религиозное начало» [14, с. 60]. Примечательно, что именно в годы Крымской войны они начали уделять пристальное внимание национальному аспекту в славянском вопросе.

Славянофилы надеялись на победу России, мечтали о развале Турции и самоопределении балканских народов [4, с. 29]. Однако энтузиазм, с которым встретили А.И.

Кошелев, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и др. начало Крымской войны, постепенно пропал. По мнению исследователя В.А. Китаева, «под давлением обстоятельств славянофилы вынуждены были признать не только то, что «унизительная, бессмысленно веденная война хуже унизительного мира», но и то, что поражение «сноснее» и «полезнее» того положения, в котором находилась в последнее время Россия» [7, с. 170].

Западники, в отличие от славянофилов, с самого начала Крымской войны заняли позицию, близкую к пораженческой [17, с. 251]. Во многом она вызывалась ожиданием либеральных реформ, переход к которым был сомнителен в случае победы России в войне. К тому же либералы отдавали предпочтение развитию свободы личности, благосостоянию населения, а не международному статусу страны.

В годы Крымской войны представители двух направлений общественной мысли получили возможность обсуждения славянского вопроса в его связи с международными отношениями, что создавало дополнительные условия для его теоретического осмысления.

В период правления Николая I вторая составляющая славянского вопроса — проблема взаимоотношений России и Польши, как главных соперников в славянском мире — обрела все более конкретные черты. Интеллектуалы николаевского времени, формулируя суть польского вопроса, затрагивали и его взаимосвязь со славянской проблематикой, которая стала более очевидна и обоснованна в пореформенной публицистике.

Польский вопрос и связанная с ним проблема западных губерний своцарением Николая I обострилась. Восстание 1830 г. ускорило административную и правовую унификацию в западных губерниях, также изменилось положение и в самой Польше.

В 1830-х гг. историки Н.Г. Устрялов и М.П. Погодин начали пропагандировать идеи об «исконно русском» происхождении русинского населения присоединенных к империи по разделам восточных областей бывшей Речи Посполитой. «Эти идеи станут впоследствии

официальной идеологией в определении отношения имперских властей и русского национализма как к польским претензиям на западные окраины российской империи, так и к сформировавшемуся вскоре модерному украинскому национализму» [6, с. 111].

П.Я. Чаадаев в статье под названием «Несколько слов о польском вопросе» (1831 г.) отмечал благородство российского правительства по отношению к Польше: «На всем протяжении нашей обширной империи русские и поляки пользуются одинаковыми правами. Поляк вступил через это соединение в среду того обширного союза славянских народов, который составляет империю, и этим самым стал пользоваться многими преимуществами, которые естественно вытекают из принадлежности к сильному государству» [16, с. 183]. Несмотря на апологетическое отношение к Западной Европе, которое доминировало в его статьях 1830-х гг., философ, так же как и консервативные мыслители, считал, что польское владычество в Литве, Белоруссии и Малороссии оставило в памяти русского народа, населяющего эти территории, воспоминания о насилиях и ненависти. Своим освобождением население западных окраин отчасти обязано русскому правительству [16, с. 183]. Мыслитель представлял дальнейшее процветание Польши только в окружении славянских народов.

Зародившееся еще в 1843 г. и активно действовавшее на Украине в 1846 — 1847 гг. Кирилло-Мефодиевское общество <...> сделало идею славянской взаимности одним из краеугольных камней своей программы и деятельности [5]. Члены этого общества, в том числе знаменитый историк и публицист Н.И. Костомаров, стали одними из первых представителей украинского национализма.

Важнейшей задачей освободительной борьбы в проекте устава объявлялось создание в будущем политического объединения славянских народов [5, с. 149-156]. При этом делалась оговорка, что «каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность... Каждое племя должно иметь правление народное и соблюдать совершенное

равенство сограждан по их рождению, христианским вероисповеданиям и состоянию» [5, с. 85]. Члены общества, указывая на культурную самобытность украинского народа, все же ратовали за союз с Россией на федеративной основе, что предполагало определенную политическую независимость Украины. Для правительства и общественных деятелей того времени украинский национализм был неприемлем. Однако в отличие от польского национализма украинский не представлял для властей реальной угрозы. Украинские интеллектуалы отстаивали в первую очередь культурное своеобразие своей родины, в то время как поляки в 1830 г. выступили с лозунгами восстановления суверенитета и территории Речи Посполитой.

Национальные чувства, зародившиеся в русском обществе в связи с польской проблемой, послужили интегратором практически всех течений общественной мысли. В славянофильской, консервативной и западнической печати можно проследить осуждение польского сепаратизма [7; 8]. Польская проблема способствовала необходимому сплочению общества перед началом Великих реформ.

В общественной мысли России польский и украинский (украинцы не признавались за отдельную нацию) народы стали восприниматься как неотъемлемая часть Российской империи. В российской публицистике вопрос об их независимости и вхождении на равных в федеративный союз с Россией в теориях славянского единства не рассматривался.

Философско-теоретическая база национальной идеи, разработанная в трудах славянофилов и западников, а также обоснование польской проблемы в трудах интеллектуалов николаевского времени стала главным фактором дальнейшего развития славянского вопроса, как в общественной мысли, так и в публицистике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боткин В.П. Литературная критика, публицистика, письма. — М.: Наука, 1984. — 320 с.
2. Валуев Д.А. Предисловие к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и

- народах ей единоверных и единоплеменных» (Ч. 1. М. 1845.) // Славянофильство: pro et contra. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. -1056 с.
3. Деникин А.В. Консерватизм и либерализм в социально-философской мысли России XIX века: становление методологии. — М.: Народный учитель, 2000. — 192 с.
 4. Дьяков В.А. Славянский вопрос в жизни дореволюционной России. — М.: Наука, 1993. — 205 с.
 5. Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846 — 1847). — М.: Изд. Моск. Университета, 1959. — 172 с.
 6. Западные окраины Российской империи. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 608 с.
 7. Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2008. — 355 с.
 8. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860 — 1880 гг.). — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. — 377 с.
 9. Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. — М.: АН СССР, 1961. — 211 с.
 10. Малинова О.Ю. Традиционалистская и прогрессистская модели национальной идентичности в общественно-политических дискуссиях 1830 — 1840-х гг. в России // Консерватизм в России и мире. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. — 221 с.
 11. Поломошнов А.Ф. Россия в культурно-историческом пространстве (Н. Данилевский и В. Соловьев). — Ростов н/Д. :Изд-во Южного федерального ун-та, 2007. — 286 с.
 12. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли XIX в. — М., — 2007. — 132 с.
 13. Пыпин А. Панславизм в прошлом и настоящем. — М: Граница, 2002. — 195 с.
 14. Славянский вопрос: Вехи истории. — М: ИСБ, 1997 — 209 с.
 15. Цимбаев Н. Историософия на развалинах империи. — М.: Международный ун-т в Москве, 2007. — 614 с.
 16. Чаадаев П.Я. Сборник. — М., — 1998. — 763 с.
 17. Чичерин Б.Н. Воспоминания. — М. 2010. — 496 с.

УДК 93 (470.47):340

Черник М.В.

Астраханский государственный университет

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ 1864 Г. В КАЛМЫКИИ

M. Chernik

Astrakhan State University

ABOUT SOME PROBLEMS OF REALIZATION OF JUDICIAL STATUTES OF 1864 IN KALMYKIA

Аннотация. В статье рассматривается региональный аспект реализации судебной реформы 1864 г. Автор выделяет совокупность факторов, влиявших на введение судебных уставов 1864 г. в Калмыцкой степи. В основе исследования лежит анализ основных законопроектов, разработанных как в центре (Министерство юстиции, Министерство земледелия и государственных имуществ и Министерство внутренних дел), так и на местах (астраханский губернатор, Управление калмыцким народом) по реформированию судостроительства в Калмыкии. Проведя сравнительный анализ, автор пришел к заключению, что преобразование местной судебной системы в Калмыцкой степи носило частичный характер, в связи с незавершенностью реформирования административно-территориального управления.

Ключевые слова: суд, реформа, проект, Судебные уставы, зарго.

Abstract. The article describes the regional aspect of realization of judicial reform of 1864. The author states there was a set of factors influencing the introduction of judicial statutes of 1864 in the Kalmyk steppe. The basis of the research is the analysis of the main bills on reforming the judicial system in Kalmykia. The bills investigated were developed both in the center (at the Ministry of Justice, the Ministry of Agriculture and State Property and the Ministry of Internal Affairs), and locally (Astrakhan governor, state governing bodies of the Kalmyk people). Having carried out the comparative analysis, the author came to conclusion that the transformation of local judicial system in the Kalmyk steppe had incomplete character, due to the incompleteness of administrative-territorial management reforming.

Key words: court, reform, project, judicial statutes, Zargo.

Судебная реформа 1864 г. явилась одной из важнейших в череде реформ 60-70-х гг. XIX в. Среди всех буржуазных реформ, она была самой демократичной. Это и стало одной из причин того, что ее проведение растянулось не на одно десятилетие. За это время многие из принципов, на которых базировалась реформа, были адаптированы к региональным особенностям страны. Реформа превратила суд в независимую инстанцию и изменила правовое сознание населения.

Продолжающаяся уже более десяти лет судебная реформа в Российской Федерации, отдельные проблемы судостроительства и судопроизводства, возникающие в ходе ее реализации, вынуждают нас возвращаться к богатому историческому опыту, накопленному Российским государством в течение прошедших столетий. Несомненный интерес вызывает исторический опыт реализации судебной реформы 1864 г. в региональном аспекте.

В статье проведен анализ основных проблем в сфере реализации судебной реформы в Калмыкии. Для достижения цели исследования потребовалось решить следующие задачи: проанализировать причины и выявить совокупность факторов, влиявших на введение судебных уставов 1864 г. в Калмыцкой степи.

Изменение в системе судопроизводства Калмыкии происходили постепенно [7, с.192-194]. Одним из направлений правительственного курса, нацеленного на административное под-

чинение национальных окраин, было сохранение национального, местного суда (улусного зарго). В каждом улусе зарго состояло из председателя (нойона или крупного землевладельца), двух членов, старшего и младшего и двух заседателей из калмыков (зайсанга, или владельца). Улусные зарго представляли собой первую инстанцию суда для разбора всех дел по тяжбам, проступкам и уголовным преступлениям калмыков, а также для дел по опекам. Дела, подлежащие ревизии, улусные зарго представляли в Астраханскую палату уголовного и гражданского суда [1, с. 349]. Имущественные тяжбы разбирались и решались улусным зарго согласно древним калмыцким постановлениям, а дела по спорам с посторонними лицами, а также дела о проступках — по правилам, установленным для судебных мест первой инстанции. Улусным зарго в окончательном решении имущественных тяжб присваивались те же права и власть, что общим судебным местам.

Подготовка к проведению судебной реформы в Калмыкии продолжалась на протяжении нескольких десятилетий. Первые предложения о введении судебных уставов были озвучены еще в 1860-70-х гг. в проектах Б.В. Струве [4, с. 164], К.И. Костенкова¹ и других чиновников Министерств юстиции и государственных имуществ [3, с. 120-122]. В этот же период был создан специальный проект по преобразованию судебной части Калмыкии. В основе его лежали идеи подчинения судопроизводства калмыков Астраханскому окружному суду, а также введение мирового суда. Но прежде чем проводить судебную реформу, необходимо было освободить от владельческой зависимости калмыков-постолудинов.

Реформа управления была осуществлена лишь в 1892 г. [6, с. 37-46]. К этому времени при Министерстве юстиции была создана особая Комиссия. В ее работе принимали участие чиновники Министерства внутренних дел, Министерства финансов и Министерства государственных имуществ. Цель ее

была в определении возможности введения мирового суда у калмыков, без проведения земской реформы. В этом случае улусные зарго превратились бы в суды второй инстанции, а наряду с деятельностью мировых судей существовали бы народные (аймачные) суды.

Данный проект был направлен на согласование астраханскому губернатору М.А. Газенкампу в 1900 г. По мнению местной власти, в лице губернатора, основным недостатком данного проекта являлось то, что он не учитывал ряд факторов, среди которых — низкая грамотность и платежеспособность калмыцкого населения². Последнее могло привести к тому, что содержание суда полностью производилось бы за счет дополнительных налоговых сборов с астраханцев [5, с. 365].

В ответ Министерство юстиции в 1901 г. подготовило новый проект. В нем отказались от идеи создания народных судов, решив ограничиться введением мирового суда, в компетенцию которого входили бы все незначительные, мелкие дела и разбирательства, за исключением земельных. Кроме того, мировой судья исполнял бы функции следователя. Но реализацию этого проекта задержал Астраханский окружной суд, потребовавший усиления личного состава и прокурорского надзора. В Управление калмыцким народом был направлен запрос о статистических данных по преступлениям, совершаемых в Калмыцкой степи. Переписка между этими ведомствами продолжалась до 1907 г., когда было решено приостановить подготовку к судебной реформе из-за проведения реформы административной.

Ранее, в 1903 г. для сбора сведений о реальном положении дел в отношении судопроизводства у калмыков, в Астраханскую губернию был отправлен чиновник Министерства внутренних дел И.И. Крафт³. За полгода им был собран обширный материал, на основании которого был разработан проект, представленный министром внутренних дел в

¹ Государственный архив Астраханской области (далее ГААО). Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 35-39.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1131. Л. 12.

³ Национальный архив республики Калмыкии. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 9 — 12.

Государственный совет. Ссылаясь на пример существования у калмыков Ставропольской губернии сословного суда (по типу волостного, установленного законом 12 июля 1889 г.), планировалось введение на территории Калмыкии закона о земских начальниках [2, с. 508]. Но так как «инородцы», по мнению многих чиновников, еще не были готовы к пониманию реформы, местная власть, согласно проекту, подверглась бы жесткой централизации. Огромные полномочия получили бы уездные начальники, вплоть до права отмены судебных решений¹. Правительство возбудило ходатайство перед Государственным советом о преобразовании этого управления в Калмыцкой степи с 1 января 1905 г. согласно положениям внесенного законопроекта. Но возникшие в конце 1904 г. политические осложнения на Дальнем Востоке, а затем и внутренние события в стране отодвинули решение вопроса на неопределенное время.

Вернулись к этому вопросу лишь в 1913 г., когда Министерство внутренних дел представило на рассмотрение Государственной думы законопроект о преобразовании административного, судебного и земского устройства в Калмыцкой степи. Его основой стал проект, одобренный Государственным советом в 1904 г. По законопроекту предполагалось ввести институт мировых судей с назначением их от правительства, но без съезда, возложив функции его на окружной суд и расширив пределы компетенции мирового судьи. Все дела общей подсудности подчинить ведению Астраханского окружного суда, так как учреждение института присяжных заседателей признавалось невозможным, ввиду того, что калмыки не умели говорить и читать по-русски, и не обладали земельным цензом [8, с. 60]. Дела, подлежащие пересмотру высшей инстанции, подчинялись ведению Саратовской судебной палаты (как апелляционной инстанции) и Уголовному и гражданскому кассационному департаменту Правительствующего сената (как кассационному органу).

Но полновесному рассмотрению и обсуждению помешала Первая мировая война.

¹ ГААО. Ф. 229. Оп. 1 Д. 56 Л. 13.

Таким образом, преобразование местной судебной системы не было проведено, что было обусловлено незавершенностью реформы административно-территориального устройства. Судебная часть осталась по-прежнему в ведении зарго, а судебные уставы 1864 г. так и не были введены, даже в измененном виде.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. - Т. XXII. — СПб., 1848. - 950 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. - Т. IX. — СПб., 1890. - 728 с.

Литература:

3. Бурчинова Л.С. К историографическому изучению истории подготовки и проведения буржуазных реформ в Калмыкии // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии: сборник трудов; под ред: Л.С. Бурчинова.- Элиста: КНИИИФЭ, 1988. — 189 с.
4. Деев С.Ю. Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии (1860 — 1882 гг.) // Вестник КИГИ РАН. — 2003.- № 1.- С. 164-173.
5. История Астраханского края: Монография / В.М. Викторин и др.; отв. ред. Н.М. Ушаков.- Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000.-1122 с.
6. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т.-Т. 2.-Элиста: Издательский дом «Герел», 2009.-840 с.
7. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. — М.: Наука, 2002.- 524 с.
8. Плюнов Ф.И. Правительственные законопроекты о реформах административно-общественного устройства калмыков и суда // Ойратские известия.-1922.-№ 3. — С.59-65.

УДК 94 (47) 37.01 371

Предигер Б.И.

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОГО И МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА НАЧАЛА XX ВВ.

B. Prediger

*Moscow State Humanitarian University
named after M.A. Sholokhov*

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS ACTIVITIES EXAMINED ON THE MATERIALS OF KAZAN AND MOSCOW EDUCATIONAL DISTRICTS AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Аннотация. Данное исследование посвящено выявлению общего и особенного в определении негативных сторон, оказавших влияние на деятельность средних учебных заведений двух учебных округов. Автором дана оценка тем условиям, в которых функционировали средние учебные заведения в начале XX вв. Произведен анализ работы педагогических советов по учебно-воспитательной и политической части в сопряжении с департаментом полиции особого отдела. Отображены неблагоприятные моменты в деятельности учебных заведений, повлиявшие на успеваемость учащихся. Освещены особенности состава учителей и их правовой статус, который в той или иной мере оказал воздействие на работу учебных заведений. В статье использованы архивные документы Центрального исторического архива города Москвы и Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: учебные заведения, педагогический совет, школа и общественность, деятельность надзорных органов.

Abstract. The given research is devoted to the revealing of general and specific negative features which influenced the activities of the two regions' secondary educational institutions. The author evaluates the conditions of functioning of the secondary educational institutions at the beginning of the XXth century. The article presents the analysis of the activities of teachers' councils in educational and political spheres fulfilled together with the police department of special department. The article presents some negative aspects of their activities which influenced the pupils' progress in studies. Distinctive features of the teaching staff's structure are described, as well as their legal status which might have affected the educational institutions' work. The article is based on the archival materials of the Central Historical Archive of Moscow and the State Archive of the Russian Federation.

Key words: educational institutions, teachers' council, school and the community, activities of supervising bodies.

Необходимость изучения деятельности средних учебных заведений определяется положениями Федерального закона «Об образовании» о формировании основных принципов правового регулирования отношений в сфере образования, которые невозможно построить без учета исторического опыта. Анализ деятельности средних учебных заведений Казанского и Московского учебного округа показывает бесправие учителей и учеников.

Наиболее значимыми для сравнительного анализа по теме нашего исследования являются документы средних учебных заведений Московского Петропавловского мужского училища при евангелическо-лютеранской церкви гимназического отделения, женской гимназии римско-католической церкви попечителя Московского учебного округа (МУО) и средних учебных заведений Камышина и Саратова Казанского учебного округа (КУО) с превалированием детей лютеран по отношению к православным учащимся. При изучении документов основным фактором, негативно отразившимся на установлении правовых норм в сфере образования, оказался политический

© Предигер Б.И., 2013.

аспект учебно-воспитательной стороны учебных заведений, связанный с деятельностью надзорной службы департамента.

Анализ деятельности средних учебных заведений Казанского и Московского учебных округов ведомства Министерства народного просвещения (МНП) позволяет выявить, как общественное бесправие учителей и учеников отражалось на показателях эффективности деятельности учебных заведений. Основными составляющими, негативно отразившимися на качестве деятельности учебных заведений, оказались политические условия в аспекте практики применения правовых норм в сфере образования и учебно-воспитательная работа, взятые в сопряжении со службами департамента полиции МВД по надзору за учащимися.

Политической детерминантой являлась деятельность надзорной службы департамента полиции МВД во взаимодействии с МНП, попечителями учебных округов и директорами училищ. Деятельность надзорной службы определялась перечнем циркуляров и уведомлений по контролю за стабильностью в среде учащихся и учителей. Один из циркуляров МНП от 13 января 1909 г. за № 741 указывает на обязанность начальников средних учебных заведений доносить министерству обо всех наиболее заметных происшествиях с учащимися вверенных им заведений, независимо от донесений своему ближайшему начальству. Далее МНП уведомляло, что неоднократно было предложено следовать указаниям по этому вопросу, т. к. сведения о демократических взглядах и выступлениях учащихся продолжают поступать в министерство из других ведомств [1, с. 65].

Наиболее показательным документом по пресечению проступка подозреваемого ученика представляется уведомление (1906), в котором попечитель КУО доводит до сведения директора Камышинского реального училища о применении к ученику 6 класса, признанного причастным к Камышинской социал-демократической организации, высшей меры наказания. Негодование попечителя КУО, получившего сведения об этом происшествии

из департамента полиции, выразилось в требовании от директора училища информации о том, какое суждение об ученике было вынесено педагогическим советом, какое решение было принято и «почему о вышеизложенном не поступило донесения в учебно-окружное управление»¹. Содержание документа дает основания утверждать, что функция контроля в системе средних учебных заведений, с точки зрения вышестоящего начальства, не исполнялась в должной мере. Принимая во внимание сложившуюся практику замалчивания отдельных эпизодов в отношении политически настроенных учеников, жандармское управление канцелярии Саратовского губернатора осуществляло непосредственный контроль за поведением учащихся и принимало меры к их исключению с уведомлением об этом попечителя и директоров училищ.

Не случайно уже после Первой российской революции членом трудовой группы 4-ой Государственной думы, депутатом Н.О. Янушкевичем (1913) было обращено внимание на жестокость «применения карательных мер с точки зрения русского правительства к детям как ко взрослым». Депутат заявлял: «Если в школьной среде возникает нежелательное течение, то применяются педагогические меры, а не силовые» [2, с. 1,2].

Контроль за общественным движением учащихся осуществлялся в форме отчетно-уведомительных документов и прошений, задействовавших несколько звеньев структуры управления образованием. В одном из таких документов начальник жандармского управления просит директора Камышинского реального училища сообщить, числился ли в 1905 г. в качестве ученика 7 класса Иван Миллер, в другом документе он доводит до сведения директора список учеников, исключенных без права поступления в какие-либо учебные заведения².

¹ Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Государственный архив Волгоградской области» (далее ГКУ ВО «ГАВО»). Ф. И-291. Оп. 1. Д. 84. МНП. КУО. Камышинское реальное училище. 1906 г. Л. 22.

² ГКУ ВО «ГАВО». Ф. И-291. Оп. 1. Д. 97. МВД. Канцелярия Саратовского губернатора. 1906 г. Л. 37. Там же. Л. 17, 21, 30, 31, 35.

Содержание и схему движения прошений можно проследить по документам скрытой переписки между директорами училищ и попечителем по выяснению одного и того же вопроса. Так, директор частного учебного заведения г. Саратова Давид Гесс уведомляет директора Саратовской 1-ой мужской гимназии о том, что он принял выбывших из вверенной тому гимназии учеников 6-8 класса. Далее сообщает, что один из учеников, Кунц Эдмунд, выбыл по прошению отца и на основании §34 Устава гимназии. С одной стороны, Д. Гесс просил для представления отчета попечителю КУО сообщить, по каким причинам ученики выбыли, с другой — попечитель запрашивал сведения от директора о том, стоял ли вопрос об обратном приеме в гимназию учеников Березова Николая и Пффафенрот Теодора¹. Итогом служебной переписки послужило разрешение ученикам посещать занятия в частном учебном заведении Д. Гесс.

Известный педагог Чарнолуский В., подводя итоги развития общественной мысли в области образования, однозначно отрицательно высказывался по вопросу надзора в школе: «Средняя школа строилась как средство охранения молодого поколения от охвативших общество чаяний, а затем использовалась как орудие для борьбы с ним. Жизнь учеников скована мелочными правилами и требованиями карательного воздействия. Система учебных заведений определила регламент жизни ученика в школе и на улице, вторглась в семью, возложив обязанности на преподавателя по надзору за учениками» [4, с. 6, 9]. Контроль по надзору, дает оценку автор, негативно отражался на учебно-воспитательной работе в связи с массовым увольнением учеников и учителей за участие в политических митингах и выступлениях.

Много сведений можно почерпнуть из протоколов заседаний педагогических сове-

тов. Они отражали основные направления учебно-воспитательной работы: организацию учебного процесса, обсуждение программного обеспечения, сроки проведения обязательных репетиций и экзаменов, данные об успеваемости, содержание отчетов классных наставников об успехах и поведении учеников. Внутриучилищный и внешний надзор за учащимися являлся дополнительной обязанностью администрации школ и классных наставников. В обязанность педагогическим советам вменялось рассмотрение и обсуждение поведения учащихся, а принятие решений производилось по согласованию с директором учебного заведения. Политическая и учебно-воспитательная часть представлялась единым звеном в деятельности средних учебных заведений. Рассмотрение одного из эпизодов деятельности педагогического совета высветило схему взаимодействия совета и политически настроенных учащихся и их родителей. Это проявилось в обсуждении проблемы на педагогическом совете с рассмотрением возможных условий, при которых тот или иной ученик мог остаться в училище. Принятые решения имели согласование с директором училища и определялись подотчетной формой перед попечителем с последующим донесением в департамент полиции особого отдела (ДПОО).

В некоторых случаях на решение администрации об увольнении ученика могло повлиять активное участие родителей в судьбе сына, поддержка со стороны родителей принятых им обязательств. В этом отношении наиболее примечательными в архивных документах являются личные заявления ученика 4 класса Петропавловского мужского училища Аронсберга и его матери. Вот первое из них: «Сим заявляю, что пока я буду находиться в Петропавловском училище, обязуюсь подчиняться ея уставу, не принадлежать ни к какой ученической организации, не принимать участия ни в каких ученических митингах, требованиях и обструкциях и не вовлекать моих товарищей ни во что, что могло бы повредить училищу, нарушением устава». Второе заявление было от его матери: «Сим заявляю,

¹ Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области». ОГУ «ГАСО». Ф. 248. Оп. 1. Д. 666. Саратовская 1-ая мужская гимназия. Скрытая переписка об учениках, подозреваемых в участии в противоправительственном направлении. 1907-1908 гг. Л. 10-11.

что я согласна с предыдущим обязательством моего сына и обязуюсь в случае нарушения моим сыном такового, немедленно взять его из училища»¹.

В нередких ситуациях по инициативе родителей ученики пытались покинуть училище, опережая действия органов надзора при поступлении в другое училище. Иногда педагогический совет выносил бескомпромиссное решение об исключении ученика или запрете на посещение училища на определенный промежуток времени ввиду того, что «родители строптивых учеников не являлись в школу для решения вопроса»². Прерогатива в контроле по обеспечению благонадежности учителей и учащихся учебных заведений КУО отдавалась службе канцелярии Саратовского губернатора. В конечном итоге, карательные меры со стороны органов МВД являлись решающими по восстановлению стабильности в работе учебного заведения.

Сотрудничество губернатора с органами управления образованием КУО проявлялось в рассмотрении личных прошений о выдаче документов о благонадежности немецких учителей и допуске их к экзаменам на получение звания домашнего учителя или учителя немецкого языка для работы в немецких школах.

Демократические настроения все более охватывали учителей и общественность, что побудило Саратовского губернатора П.А. Столыпина направить донесение в департамент полиции МВД о желательном запрещении проводить общие собрания учителей до наступления спокойного времени.

Этому донесению способствовала организация собрания общества взаимного вспомоществования учителей народных и городских училищ Саратовской губернии. В донесении было представлено содержание петиции, выработанной собранием, об улучшении государственного строя. Основные требования в

петиции касались всеобщего обязательного образования за государственный счет и за счет общественных организаций, академической свободы образования и абсолютно-го невмешательства правительственной и бюрократическо-полицейской власти в дела школы. Реакцией со стороны МНП в отношении прогрессивно настроенного общества учителей послужило письмо за подписью товарища министра народного просвещения И. Ренар для производства расследования к попечителю КУО³.

В силу нарастания революционного подъема и участия в нем учителей и учеников условия для эффективной деятельности средних учебных заведений не имели перспективы для улучшения. Действия надзорных органов нарушали систему стабильности в посещении школ учащимися, влекли исключение числа учеников, переход учащихся в другие учебные заведения во время учебного года, насаждение функции надзора за поведением учащихся и возложение ответственности за воспитание на классного наставника (в соответствии с уставами гимназии 1871 г. и реальных училищ 1872 г.). Не ослабевал надзор за учащимися и на протяжении всего периода от окончания Первой российской революции до начала Первой мировой войны. В учебных заведениях КУО и МУО в отношении неблагонадежности учеников педагогический совет выносил решения на основании нарушения ст.19. §11 Правил учеников средних учебных заведений, утвержденных МНП от 4 апреля 1874 г.⁴. Основанием для принятия того или иного решения были сведения о причастности к противоправным действиям со стороны ученика и определение степени его участия.

Меры, направленные на охрану правопорядка в средних учебных заведениях, распространялись даже на любые формы протеста в учебном процессе. Так, в донесении Саратовского губернатора в департамент поли-

¹ Центральный исторический архив города Москвы (далее ЦИАМ). Ф.149. Оп.1. Д. 36. Протоколы заседания педагогического совета Московского Петропавловского мужского училища при евангелическо-лютеранской церкви.1906 г. Л.11.

² Там же. Л.10-11.

³ ГА РФ. Ф. ДП ОО. Оп. 1905. Д. 1255 Ч. 21. Донесение губернатора. Саратов.1905 г. Л.1-6.

⁴ ГКУ ВО «ГАВО». Ф. 305. Оп. 1. Д. 2. Книга протоколов заседания педагогического совета Камышинской мужской гимназии 1914-1915; 1915-1916 учебные годы. Л. 23-24.

ции сообщается о прекращении занятий учащимися 7 класса Камышинского реального училища по причине непредусмотренного расписанием замены урока. Занятия возобновились после того, как главные виновники создавшегося положения были уволены из училища¹. Наказание за проступки учеников могли нести и классные наставники. Во исполнение школьного надзора директор Саратовской 1-ой мужской гимназии вынес выговор классной наставнице ученика 2-го класса Григория Высоцкого, сына дворянина православного исповедания, за то, что тот был несколько раз встречен на улице Немецкой в дневное и вечернее время².

Показательно, что один из депутатов Государственной думы от Саратовской губернии жестко прокомментировал статью в газете г. Аткарска (1910) о том, что директора реального училища и женской гимназии огласили указание, чтобы все ученики и ученицы в 6 часов вечера были дома, если не имеют соответствующего билета от директора.

Если ученица с матерью после 6-ти часов вечера будет замечена за 50 сажень от своего дома или окажется одна, спешащая за лекарствами для больных родителей, то ей по доносу грозит исключение из гимназии или снижение балла за поведение. Кроме того, директор принимал меры против любых вечеринок, в том числе и частных. А попечитель Казанского учебного округа во избежание жалоб родителей распространил циркуляр от учебного округа о том, что родители не имеют права обращаться к попечителю с жалобой без согласия директора учебного заведения. Обозначенная депутатом проблема взаимоотношения школы и семьи благодаря его инициативе была принята Государственной думой (1910) для применения в разработке законопроекта о целесообразном развитии

деятельности родительских комитетов как лучшего средства сближения семьи и школы [3, с.151-153, 155].

Усиление требований надзора отразилось на количестве времени, затраченном классными наставниками на сбор сведений и составление донесений об учениках, представлением их на заседания педагогических советов в виде отчетов. Время классных наставников как преподавателей и ответственных за воспитание учащихся расходовалось в ущерб работе со слабыми учениками, индивидуальным занятиям и подготовки учащихся к репетициям и экзаменам. Эти обстоятельства могли являться одной из причин слабой успеваемости по всем общеобразовательным школьным предметам.

Наиболее ярким показателем успеваемости является результат переводных испытаний в Петропавловском мужском училище (1904-1905 гг.), который определился средним баллом — 3/2. По общему состоянию учебного процесса в некоторых классах: во 2 классе из 37 учащихся на второй год были оставлены 8 учеников, без троек окончил курс один ученик; из 26 учеников 6 класса без троек окончил курс один ученик. На примере Петропавловской женской гимназии римско-католической церкви по итогам переводных и выпускных испытаний среди 1-7 классов за 1910-1911 учебный год из числа 388 учениц оказались оставленными на второй год 60, на экзамен в августе определены 84, переведенными оказались лишь 254 ученицы.

В то же время выбывших из гимназии оказалось на 18 учениц больше, чем вновь поступивших в течение учебного года, не считая основной поток поступающих в сентябре³. Примерно такое же положение с успеваемостью наблюдаются в мужских и женских гимназиях Камышина и Саратова, что подтверждается изучением классных журналов⁴.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 102. Оп. 1912 г. Д. 62. Ч. 5. Дело департамента полиции по Саратовской губернии. Д-4. Движение в учебных заведениях. 1912 г. Л.11-12.

² Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области» ОГУ «ГАСО». Ф. 248. Оп. 1. Д. 703. Саратовская 1-ая мужская гимназия за 1910-1911 учебный год. Л. 32-33.

³ ЦИАМ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 21. МНП. Петропавловская женская гимназия римско-католической церкви. 1910-1911 учебный год. Л. 5.

⁴ ГУ «ГАВО». Ф.304. Оп. 1. Ед хр. 10. КУО. Камышинская Алексеевская женская гимназия. 1906 г. С. 1-90; ОГУ «ГАСО». Ф. 248. Оп.1. Д. 703. Л. 1-21. Саратовская 1-ая мужская гимназия за 1910-1911 учебный год. Л. 33. Там же. Д. 84. Л. 22.

Если рассматривать круг обязанностей педагогических советов учебных заведений МУО, то обнаруживается ряд номинаций по дополнительной работе, в которую входили следующие направления работы: организация и проведение совместных заседаний комиссий женской гимназии и мужского училища, заседаний с родителями учеников и родительских сходок, проведение школьных конференций. Таким образом, перегруженность преподавателей обязанностями по учебно-воспитательной части де-стабилизировали работу учебных заведений. В заключение можно сделать вывод, что в целом педагогическая деятельность средних учебных заведений определялась централизованным управлением со стороны ведомств МНП и МВД. Особенное в деятельности учебных заведений КУО характеризовалось повышенным контролем за учителями немецкой национальности, что позволяет утверждать о разном правовом и социальном статусе немецких учителей КУО и МУО. Учителя Саратовской губернии, будучи этническими немцами, имели статус поселян, бывших колонистов и контролировались МВД через губернатора. Учителя МУО, пребывавшие в статусе иностранцев или имевшие вид на жительство, относились по их делам в России к ведомству МИД. Работа попечителя КУО во взаимодействии с губернатором, включая дирекцию на-

родных училищ и средних учебных заведений, проявилась в большом объеме документов переписки с правоохранительными органами о благонадежности немецких учителей и допуске их к преподаванию и экзаменам.

Педагогические советы рассматриваемых учебных заведений МУО ограничивались работой по школьным вопросам, принятием циркуляров от попечителя и рассмотрением участия учеников в противоправительственных организациях. В итоге следует заключить, что условия, в которых функционировали средние учебные заведения, не могли являться благоприятными для их работы в силу рассмотренных негативных сторон. Общее и особенное в деятельности средних учебных заведений высветили те условия, в которых учебные заведения вынуждены были работать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Известия по народному образованию. — СПб., 1909. — № 3.
2. Россия. Государственная дума. Трудовая группа IV-ой сессии. Обзор деятельности. — СПб., 1913.
3. Россия. Государственная дума. Отчет избирателям за 3-ю сессию. Доклад графа А.А. Игнатьева. — Саратов, 1910.
4. Чарнолуский В. Итоги общественной мысли в области образования. Старый школьный режим в общественных заявлениях. — СПб., 1906.

РАЗДЕЛ III. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.6)''1920''

Багдасарян С.Д.
Сочинский государственный университет

**«ДЕНЬ УРОЖАЯ» В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-х гг.:
МОТИВЫ СОЗДАНИЯ И ПОРЯДОК ПРАЗДНОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА, КУБАНИ, СТАВРОПОЛЯ)**

S. Bagdasarian
Sochi State University

**“HARVEST DAY” IN THE SOVIET COUNTRYSIDE OF 1920-S.:
MOTIVES OF CREATION AND THE ORDER OF CELEBRATING
(ON THE MATERIALS OF THE DON, KUBAN, STAVROPOL)**

Аннотация. В статье освещается процесс советизации праздничной культуры в российской доколхозной деревне в период нэпа на примере ключевого праздника — «Дня урожая», имевшего культурно-историческую основу и уходившего своими корнями в языческие времена. Отмечены особенности внедряемых советской властью торжественных ритуалов, подчеркнута политизация таких мероприятий, раскрыта степень признания крестьянами революционных праздников, фиксируется участие городских рабочих в деревенских торжествах. Анализируется целенаправленность тактики большевиков по вовлечению крестьян в орбиту советской власти путем проведения выставок, ярмарок, конкурсов. Однако, по мнению автора, консерватизм деревни существенно затруднял советизацию крестьянских праздников в 1920-х гг.

Ключевые слова: большевики, деревня, крестьянство, культура, праздник, советизация, советская власть.

Abstract. The article highlights the process of Sovietization of festive culture in a Russian village in the times of pre-kolkhoz villages, when the New Economic Policy (NEP) was being implemented. The author used as an example the most important holiday — “The Harvest Day”, which had a profound cultural and historical background and stemmed from pagan times traditions. The article describes the peculiarities of the ceremonial rituals introduced by the Soviet power and emphasizes the politicization of such festive events. The author discloses the revolutionary peasants’ degree of recognition of the holidays and states that urban workers took part of such holidays in villages. The article analyses the purposefulness of Bolshevik’s tactics to involve peasants into the Soviet orbit by organizing exhibitions, fairs and contests. However, the author considers the villagers’ conservative to impede the process of Sovietization of peasant festivals in 1920-s.

Key words: the Bolsheviks, the village, the peasants, culture, holiday, Sovietization, Soviet power.

Одержав победу в Гражданской войне, большевики приступили к проведению широкомасштабных, последовательных и радикальных преобразований, идейно-теоретическим базисом которых выступал марксизм, а конечной целью мыслилось формирование бесклассового

и справедливого коммунистического общества. Коренному переустройству были подвержены не только экономика и социальные отношения в РСФСР (СССР), но также быт, культура и менталитет населения. Помимо прочего, идеологи компартии инициировали советизацию праздничной культуры, что выразилось в постепенной замене характерных для дооктябрьской России церковных праздников гражданскими, призванными напоминать населению о славных вехах мирового коммунистического движения и становления советской власти.

Вместе с тем, учитывая традиционализм населения (в особенности сельского), большевики иной раз готовы были использовать досоветские празднества, наполняя их идеологически и тематически новым содержанием. Чаще всего полем для подобного рода компромиссов становилась советская доколхозная деревня, консерватизм которой существенно затруднял советизацию крестьянских праздников. Об одном из таких советских празднеств в деревне, — «Дне урожая», — и пойдет речь в настоящей публикации, основанной на материалах Дона, Кубани и Ставрополя как традиционно аграрных, крестьянских регионов России.

Уже 2 декабря 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил «Правила о еженедельном отдыхе и праздничных днях», согласно которым праздничными днями признавались: 1 января (Новый год), 22 января (годовщина 9 января 1905 г., печально известного в отечественной истории как «Кровавое воскресенье»), 12 марта (низвержение самодержавия), 18 марта (День Парижской коммуны), 1 мая (День Интернационала), 7 ноября (день Пролетарской революции) [4, с. 123]. Впоследствии к отмеченным революционным праздникам были добавлены еще несколько новых. Так, в «Календаре коммуниста» на 1928 г. среди праздничных, нерабочих дней были указаны, помимо вышеперечисленных, еще день памяти В.И. Ленина (но он приходился на 22 января, то есть совпадал с годовщиной «Кровавого воскресенья») и день СССР, отмечавшийся 1 июля [8, с. 16].

Однако по ряду причин советские праздники приживались в доколхозной деревне с большим трудом. Важнейшими из этих причин следует считать относительную слабость позиций компартии на селе и недостаточно плотный властный контроль над умонастроениями земледельцев в 1920-х гг., что являлось прямым следствием Гражданской войны, в ходе которой российское крестьянство продемонстрировало и «белым», и «красным» свою мощь и заставило большевиков считаться с собой. В эпоху нэпа правившая в СССР партия еще не имела возможности в приказном порядке заменить традиционные сельские празднества новыми, коммунистическими, а большинство крестьян не горело желанием изменять традиции. Поэтому темпы советизации праздничной культуры в доколхозной деревне были заметно скромнее, чем в городе, где концентрировались представители социальной базы большевистского режима, — промышленные рабочие.

Кроме того, упрочению позиций советских праздников в послеоктябрьской деревне самым серьезным образом препятствовала их значительная несхожесть с традиционными торжественными ритуалами, привычными для крестьян. Праздники досоветской деревни базировались на церковном календаре и содержали мощнейший пласт религиозных компонентов; они выступали средством поддержания социальных связей и укрепления единства каждого конкретного сельского «мира», вследствие чего носили локальный характер. Степень политизации торжественного действия в досоветской деревне была практически нулевой, его содержание не откликалось на события внутри страны или, тем более, за ее пределами.

Напротив, внедряемые советской властью праздники отличались ярко выраженной антирелигиозной направленностью, носили отнюдь не локальный, но интернациональный характер и выполняли функции социально-политической мобилизации «своих» (то есть, сельской бедноты, коммунистов, комсомольцев) против «чужих» («кулаков» и зажиточных крестьян). Советским торжественным

ритуалам 1920-х — 1930-х гг. была присуща чрезмерная политизация и «непраздничность», когда веселье, которого крестьяне ждали от того или иного торжества, подменялось и вытеснялось бесконечными митингами, демонстрациями, заседаниями и пр.

Неудивительно, что советские торжества зачастую навевали на сельских жителей уныние и первоначально не пользовались у них высокой популярностью. Великолепное по своей неумышленной выразительности описание крестьянского разочарования советским праздником содержится в одном из номеров журнала «Крестьянка» за 1923 г.: «ходили по площади, пели революционные песни, потом [был] митинг. Говорили приветственные речи. На повестке дня стояло международное положение и о внутренней политике советов. Граждане слушали со вниманием. Когда митинг объявили закрытым, народ все стоял и не уходил, как бы ожидая еще чего-то» [12, с.11].

В итоге даже к исходу 1920-х гг. партийно-советские работники говорили о степени признания крестьянами революционных праздников со сдержанным оптимизмом. Так, в вышедшем осенью 1927 г. номере журнала «Новая деревня» признавалось, что «большинство крестьян еще по привычке празднует многие церковные праздники» (хотя далее с энтузиазмом указывалось: «с каждым годом все большее и большее значение в деревне приобретают новые революционные праздники») [5, с.1].

Вместе с тем в эпоху нэпа существовали гораздо более популярные на селе торжества, которые не были напрямую связаны с традиционной праздничной культурой досоветской деревни, разрабатывались и пропагандировались большевиками, но вместе с тем отличались меньшей политизацией, чем официальные советские праздники. Безусловным лидером среди таких торжественных мероприятий с аграрным уклоном в 1920-х гг. был «День урожая».

Надо подчеркнуть, что праздник урожая не являлся оригинальным изобретением большевистских политтехнологов. Подобные

торжества существовали у самых разных народов мира уже в глубокой древности и проводились обычно в конце лета или осенью, по завершении основного цикла сельскохозяйственных работ. Языческие празднества по случаю успешного завершения полевых работ практиковались и восточными славянами; причем важность этих ритуалов в жизни населения такой аграрной страны, как Россия, была настолько велика, что они сохранились и после принятия христианства, хотя уже под эгидой православной церкви. В частности, в досоветской российской деревне широкой известностью пользовались Дожинки и Осенины. Дожинки совпадали с церковным праздником Успения Богородицы (15 августа по юлианскому календарю и 28 августа — по григорианскому) и представляли собой совокупность ритуалов («дожиночный сноп», «завивание бороды»), чей магический смысл заключался в сохранении плодородия земли и обеспечении хорошего урожая на будущий год. Осенины, праздновавшиеся одновременно с Рождеством Богородицы 8 (21) сентября, представляли собой своего рода выражение крестьянской благодарности Матери Сырой-Земле, персонифицированной в образе Девы Марии, за хороший урожай и, значит, за спокойную и сытую жизнь в предстоящие осень и зиму.

Поскольку крестьянские торжественные ритуалы благодарения природы за ее щедрые дары имели чрезвычайно глубокие корни, уходящие в таинственный мрак языческих времен, большевистские пропагандисты просто не имели возможности создать праздник «Дня урожая» с чистого листа. Советский «День урожая» не являлся полностью чуждым крестьянской традиции уже хотя бы потому, что ему, как и досоветским аграрным ритуалам, был присущ дух спокойствия, умиротворенности и радостного восхищения богатыми дарами Матери-Земли. В помещенной в октябрьском (1926 г.) номере журнала «Новая деревня» статье отмечалось, что в нынешнем году праздник урожая «особенно радостен. Почти повсюду полны хлебом закрома, почти везде заготовлено необходимое количество

кормов для скота, можно спокойно встретить зиму и ждать весны — начала нового трудового года» [1, с. 1]. Эти слова превосходно отражали как исторически неизменные черты крестьянской ментальности, так и духовное родство «Дня урожая» и предшествовавших ему аналогов.

Вместе с тем было бы большой ошибкой объявлять «День урожая» копией с существовавших в дореволюционной России сельских праздников. Имея отчетливо выраженную преемственность с древними сельскими ритуалами, «День урожая» одновременно являл собой продукт советской эпохи и нес в себе, пусть и в несколько ослабленной форме, все родовые черты такого феномена, как революционный (точнее, большевистский) праздник.

Отправной точкой существования «Дня урожая» стал 1923 г. (как поэтически заметил автор статьи, опубликованной в журнале «Новая деревня» в октябре 1926 г., «четвертый год мы празднуем наш осенний праздник» [1, с. 1]). Праздник возник по почину комсомола и, при всей своей связи с традиционными крестьянскими осенними ритуалами, изначально нес сильнейший антирелигиозный заряд. Дело в том, что точной даты празднования «Дня урожая» не существовало, но чаще всего в качестве таковой указывалось 14 октября. Этот выбор был не случаен, поскольку на 14 октября приходился широко отмечавшийся в российской деревне праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в рамках которого проводились и языческие по своей сути народные торжества в связи с окончанием полевых работ.

Таким образом, отчасти (но лишь отчасти) «День урожая» являлся наследником традиционных крестьянских аграрных ритуалов, что должно было облегчить его утверждение и распространение в советской доколхозной деревне. Важнейшей же задачей «Дня урожая» уже с момента его возникновения было неуклонное вытеснение церковного праздника Покрова из праздничной культуры российского крестьянства. По этому поводу в советской прессе недвусмысленно указывалось, что новый праздник урожая в доколхозной

деревне «явился на смену старому празднику покров» [6, с.1]. Как видим, «День урожая» с самого начала задумывался как одно из существенных мероприятий антирелигиозной программы большевиков.

Помимо антирелигиозной направленности, «День урожая» преследовал и выполнение политических задач, общих для коммунистических торжественных ритуалов. Праздник должен был содействовать «смычке» пролетариата и крестьянства, для чего в его рамках в деревню прибывали шефы и велась соответствующая агитация. Агитаторы и пропагандисты доказывали крестьянам, что «праздник урожая не только деревенский праздник — это и праздник города. Разве без помощи машин, которые город дает деревне, можно вести культурное хозяйство, разве агрономическую науку, без которой ни шагу нельзя сделать в улучшении хозяйства, не город дает деревне? Вот почему праздник урожая — праздник смычки города и деревни и рабочие шефские общества должны принять в нем самое горячее участие» [1, с. 1].

Политическая пропаганда и агитация в поддержку советской власти сопровождали празднование «Дня урожая» от начала до конца. Использовались все возможности для повышения эффективности пропагандистских мер. Например, в 1927 г. было решено совместить проведение «Дня урожая» с «празднованием десятилетия Октябрьской революции» [5, с. 2], хотя для этого торжества по случаю успешного окончания полевых работ пришлось бы перенести чуть ли не на месяц, — с 14 октября на 7 ноября. В конечном счете большевики ожидали от «Дня урожая», что он станет одной из мер, которая позволит «еще более сплотить крестьянство вокруг коммунистической партии и советской власти» [7, с. 2].

Все же, при неизбежной политизации, «День урожая» был намного ближе крестьянам, чем подавляющее большинство других советских праздников. Причиной тому была изначальная ориентация этого торжества именно на интересы и предпочтения российских земледельцев. Данное обстоятельство проявлялось уже на стадии подготовки праз-

дника. Согласно инструкциям, в состав комиссий, занимавшихся подготовкой празднования «Дня урожая», должны были входить агроном, представители волостного исполнительного комитета, районного земельного управления, комсомольской организации, «кооперации и прочих организаций, ведущих работу в деревне», а также и «передовые крестьяне» [6, с. 1].

«День урожая», как и любой другой праздник в деревне в рассматриваемый период времени, никак не мог обойтись без различных митингов и конференций. Однако такого рода мероприятия играли в этом празднике довольно скромную роль по сравнению с другими способами хорошо провести время, которые были намного интереснее крестьянам. Поскольку во время празднования Покрова, по традиции, проводились ярмарки, представители власти требовали приурочивать их ко «Дню урожая», чтобы повысить его популярность среди сельского населения [13, с. 2]. Во время праздника устраивались разного рода конкурсы (например, на лучшие продукты полеводства, огородничества, на лучших лошадей, быков и т. д.), организовывались агитсуды, то есть театрализованные действия по осуждению устаревших способов ведения сельского хозяйства и обоснованию эффективности новых, рациональных приемов земледелия и животноводства [2, с. 1].

Центральным же мероприятием «Дня урожая» являлась сельскохозяйственная выставка, на которой были представлены «сельско-хозяйственные достижения передовых крестьян данной округи» и устраивались конкурсы «на лучшую корову, лошадь, свинью, лучшее ведение хозяйства и прочее» [6, с. 2]. Участниками выставок и конкурсов могли быть не только отдельные земледельцы, но и целые крестьянские общества, а также коллективные хозяйства. Победители получали от волостной выставочной комиссии премии (обычно это были либо определенные суммы денег, либо семена элитных сортов пшеницы и других культурных растений, либо чистопородный молодняк) и похвальные листы [2, с. 1].

Выставки привлекали пристальное внимание крестьян, которые глаз не могли оторвать от образцов сельхозпродукции, полученной путем применения современных методов аграрного производства и заметно превосходившей результаты господствовавших в доколхозной деревне примитивных приемов хозяйствования. Полное одобрение выставки получали и со стороны партийно-советских работников, которые справедливо полагали, что «главная задача» праздника урожая заключается в том, чтобы «вовлечь широкие массы крестьянства в дело общего подъема сельского хозяйства, научить незнающих, подтолкнуть отстающих» [1, с. 1]. Сельскохозяйственные выставки служили реализации этой задачи, пропагандируя в массе сельского населения достижения наиболее успешных колхозов и крестьян-передовиков.

Кроме того, устраивавшиеся в «День урожая» аграрные выставки должны были укреплять в сознании крестьянства непрекаемый тезис об успехах хозяйственного строительства в СССР, являвшихся результатом мудрого руководства коммунистической партии. Дабы усилить пропагандистский эффект выставок, в 1927 г., в связи с десятилетием Октября, было решено устроить своего рода сельскохозяйственные отчеты за весь период существования советской власти: «если на прежних выставках подсчитывались хозяйственные и культурные достижения деревни за один истекший год, то теперь выставка должна осветить весь пройденный десятилетний путь» [5, с. 2].

Поскольку аграрные выставки вызывали одобрение не только крестьян, но и представителей власти, их численность стабильно росла с каждым годом. Так, в целом по всему Советскому Союзу, в 1924 г. в «День урожая» было устроено 750 таких выставок, в 1925 г. — более 1 тыс., в 1926 г. — уже около 2 тыс. [5, с. 2]. Собственно, эта динамика свидетельствовала и об укреплении в деревне самого «Дня урожая», непременной частью которого являлись выставки достижений сельского хозяйства.

«Дни урожая» в 1920-х гг. отмечались и земледельцами Дона, Кубани, Ставрополя.

Осенью 1924 г., несмотря на тяжелые последствия прокатившейся по Югу России засухи, представители партийных структур Дона планировали «провести в благополучных районах — мелко-районные выставки урожая» [9, с. 46].

Жители Родионово-Несветаевской слободы (ныне центр одноименного района Ростовской области) так отчитывались о проведении праздника урожая в 1924 г.: «В ночь на 14-е октября была проведена беседа о праздновании дня «Урожая» и культурной работе в деревне, связанная с вопросом кооперации и поднятием сельского хозяйства. В избе-читальне была крестьянская молодежь, слушали внимательно и заявили, чтобы таких бесед было побольше». Той же ночью в избе-читальне началось устройство выставки достижений местных хлеборобов, для чего передовые крестьяне предоставили плоды своих трудов. К утру все приготовления удалось закончить; изба-читальня «была украшена картограммами по сельскому хозяйству (62 картограммы), [здесь же располагались] выставки из книг по сельскому хозяйству до 70 экземпляров, выставка урожая экспонатами до 40 штук» [10, с.1].

Чтобы привлечь крестьян к участию в новом для них празднике, представители местной администрации совместно с агрономом и работником избы-читальни утром выпустили специальный бюллетень, информировавший население о содержании «Дня урожая». Трудно сказать, насколько этот бюллетень оказался полезным, учитывая, что он был выпущен только утром 14 октября и вряд ли получил широкое распространение. Однако, жители Родионово-Несветаевской слободы были заранее извещены о проведении праздника, поэтому первые посетители пришли в избы-читальню уже с утра, а к середине дня туда набилось до 200 крестьян, которые при содействии учителя и агронома знакомились с выставкой.

«К вечеру», — с удовлетворением отмечали организаторы праздника, — «изба-читальня была переполнена и пришлось перенести работу в Нардом, где было открыто торже-

ственное заседание, на котором выступали представители: Партячейки, агроном, одна женщина-батрачка и крестьянин 70-летний старик. После окончания крестьянами был пропет Интернационал». По завершении официальной части начались развлечения: «поставлена была агитпьеса», прошел «концерт с участием хора, революционная декламация, народные русские и украинские песни. В концерт втянуты были крестьянские силы, также участвовали и дети» [10, с.1].

Новый импульс празднование «Дня урожая» получило в донских, кубанских и ставропольских селах и станицах с 1925 г., в связи с проводившейся в данное время политикой «лицом к деревне». Можно сказать, что в этом году настроение у земледельцев Юга России, отмечавших «День урожая», было особенно праздничным: ведь правительство во всеуслышание заявляло о необходимости внимательного и уважительного отношения к крестьянству.

В 1925 г. жители станицы Ольгинской (Черкасский округ Северо-Кавказского края) в «День урожая» устроили обширную сельскохозяйственную выставку, выделив продукты полеводства, огородничества и животноводства в разные отделы экспозиции. В тот же день «был заслушан хлеборобами отчет о работах участкового агронома, о достижениях в области сельского хозяйства и результатах прошедшего с.-х. (сельскохозяйственного — *авт.*) года». Вечером был устроен бесплатный спектакль [3, с. 2]. Сходный сценарий «Дня урожая» реализуется в том же году и в станице Бессергеновской (ныне располагается в границах Октябрьского района Ростовской области). Только, в отличие от Ольгинской, здесь организаторы праздника уделили более пристальное внимание официальной части, так как вечером «открылось торжественное заседание сельсовета, ячейки партии и комсомола, КОВа (крестьянский комитет общественной взаимопомощи — *авт.*) и присутствующих граждан» [11, с.1].

В целом надо сказать, что «День урожая» заметно выделялся на фоне политизированных праздничных мероприятий в РСФСР

(СССР). Будучи менее официозным и более непринужденным, «День урожая», как единодушно отмечали современники, проходил «с большим оживлением» [10, с.1], имел характер «большого народного торжества» [6, с. 1] и «стал любимым крестьянским праздником» [5, с. 1]. Однако в том виде, в каком он существовал в эпоху нэпа, «День урожая» исчез вместе с этой эпохой, будучи существенно преобразован колхозным строительством.

ЛИТЕРАТУРА:

1. А.П. Праздник урожая // Новая деревня. — 1926. — № 19. — С. 1-12.
2. В октябре — День урожая // Молодой ленинец. — 1925. — 22 сентября.
3. В.К. День урожая // Молот. — 1925. — 11 ноября.
4. Декреты Советской власти. Т. 4. — М., 1968. — 264 с.
5. И.Г. День урожая // Новая деревня. — 1927. — № 20. — С. 1-8.
6. И.П. На смену покрова — праздник урожая // Молодой ленинец. — 1925. — 19 сентября.
7. К приближающемуся празднику урожая // Молодой ленинец. — 1925. — 29 сентября.
8. Календарь коммуниста на 1928 год. — 102 с.
9. Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. — Ростов н/Д., 1924. — 248 с.
10. Р.Д. Праздник урожая в Родионово-Несветайской слободе // Новочеркасский молоток. — 1924. — 24 октября.
11. Селькор Вольный Ф. Праздник у нас // Молот. — 1925. — 4 ноября.
12. Ситникова М. Как у нас прошел праздник урожая // Крестьянка. — 1923. — № 22. — С. 11-14.
13. Чернышев. «Праздник урожая» в настоящем году // Молодой ленинец. — 1925. — 29 сентября.

УДК 728(470+571)

Горлов В.Н.

Московский государственный областной университет

ВЕДОМСТВЕННОЕ ЖИЛЬЁ В СССР

V. Gorlov

Moscow State Regional University

DEPARTMENTAL HOUSING IN USSR

Аннотация. В статье рассматриваются роль и место ведомственного жилья в жилищном строительстве в СССР. Также раскрываются влияние ведомственного жилого фонда на проблемы комплексного развития социокультурной сферы, проблемы создания постоянных кадров рабочих, улучшения бытовых условий советских граждан. В статье рассматриваются вопросы распределения жилья на предприятиях, сложившиеся злоупотребления при распределении жилья, расширение прав трудовых коллективов в распределении ведомственного жилого фонда.

Ключевые слова: ведомственный жилой фонд, хозяйственный способ строительства, распределение по трудовому принципу.

Abstract. The paper dwells on the role and place of departmental housing in the USSR's residential construction. It also uncovers the influence of the departmental housing stock on the problems of the sociocultural sphere complex development and the problems of establishing permanent personnel, of improving the Soviet citizens' living conditions. The paper touches upon the problems of housing distribution at state enterprises, discloses the malusage in the sphere of its distribution, and describes the amplification of employees' rights in housing distribution.

Key words: departmental housing, community means, labour principle of distribution.

Основанием для создания ведомственного жилого фонда и его массового строительства послужило решение XIV съезда партии — о превращении нашей страны из аграрной в индустриальную. Основными застройщиками в жилищном строительстве выступали ведомства и министерства. Характерной приметой жилищной ситуации было то, что жильё и прочие коммунальные услуги предоставлялись предприятиями. Размеры жилищного строительства министерств и ведомств значительно превышали размеры жилищного строительства местных Советов.

Жилищное хозяйство промышленных предприятий не покрывало своих расходов собственными средствами. Многие промышленные предприятия, располагающие большим жилым фондом, не уделяли достаточно внимания вопросам жилищного хозяйства. В результате промышленные предприятия вместо того, чтобы навести порядок в деле эксплуатации подведомственного им жилищного хозяйства, имели значительные убытки по этому хозяйству и наносили тем самым большой ущерб государству.

В связи с развитием строительства промышленных предприятий остро встал вопрос об обеспечении рабочих жилищами, что сказывалось на дальнейшем развитии промышленности. Недостаток жилищ был огромный. Перед ведущими отраслями промышленности стояла важная задача создания постоянных кадров рабочих и закрепления их за предприятиями, а также задача ускорения темпов жилищного строительства и, тем самым, улучшения материально-культурного уровня трудящихся. Идеальный дом конца 20-х гг. — дом для рабочих, с коридорной системой, отсутствием индивидуальных кухонь и ванн, общественной прачечной, яслями для детей, красным уголком. Отдельная квартира в 30-е годы становилась награ-

дой за особые заслуги перед государством. Квартирами награждались герои сталинской эпохи — стахановцы. С 1932 г. строились специальные дома для специалистов.

Ведомственное жилье получило в 1930-е гг. широкое распространение. Жилой фонд промышленных предприятий в основном был выстроен за годы Советской власти. В 30-е гг. обычно он имел вид бараков или общежитий. Несмотря на постановление Моссовета 1934 г., запрещавшее дальнейшее строительство бараков в городе, к 5000 уже имевшихся московских бараков в 1938 г. добавились 225 новых¹.

В целях улучшения бытовых условий трудящихся в послевоенные годы стали осуществлять строительство домов с отдельными небольшими квартирами, рассчитанными на одну семью. Давая новые и лучшие квартиры, прежде всего, лучшим производственникам — стахановцам, рационализаторам производства, предприятия осуществляли принцип материальной заинтересованности в результатах труда.

По данным на 1 января 1951 г., в ведении хозяйственных министерств, учреждений, предприятий находилось 50% всего общественного жилого фонда, а в ведении местных Советов — 44% [3, с. 35]. К середине 50-х гг. в каждом городе строительство жилья вели уже многие десятки и нередко даже сотни строительных организаций различных министерств и ведомств, многие из них строили жилье на соседних площадках, но каждая создавала свою производственную базу. До создания Главмосстроя ежегодно в Москву из других городов министерствами завозилось для покрытия разрыва в период «пика» строительных работ значительное количество отделочников, сантехников и электриков, что обходилось государству в десятки миллионов рублей².

Планы капитальных вложений в промышленное и прочее строительство выполнялись, в то время как планы по жилищному строи-

тельству на протяжении ряда лет не выполнялись³. 31 января 1952 г. поступило донесение первого секретаря МГК КПСС Н.С. Хрущёва: «В Президиум Совета Министров СССР. МПС неудачно ведёт жилищное строительство в Москве. Строительные организации МПС, имеющие в Москве около 10 тыс. рабочих, строят жилые дома крайне медленно. В настоящее время 7670 семей железнодорожников находится на учете, как остро нуждающихся в жилплощади. Более 1800 семей проживало в 255 бараках, пришедших в ветхость. Много железнодорожников размещено на кухнях, в кузовах вагонов и др. нежилых помещениях. Прошу Совет Министров СССР обязать МПС принять меры к усилению жилищного строительства в Москве. Н.С. Хрущёв»⁴.

Неотъемлемой чертой жизни в Москве стали «ведомственные городки», где завод не только давал работу, но и контролировал жилищные условия. Крупным преимуществом ведомственного строительства являлось то, что жилые дома возводились обычно вблизи предприятий, что приводило к экономии затрат сил и времени трудящихся, так как последним приходилось тратить меньше того и другого на дорогу на работу и обратно. Строительство жилых домов вблизи предприятий уменьшало также загрузку транспорта.

В свое время многие районы застраивали по принципу привязки к крупным предприятиям. Районы Бирюлево-Восточное и Западное, часть Орехово-Борисово-Северного, Зябликово, Царицыно, Сабурово, Нагорный, Донской — все они тяготели к «районообразующим» заводам и фабрикам. Это ЗИЛ и заводы «Динамо», медеплавильный им. Орджоникидзе, предприятия Мосэнерго, транспортной, строительной и ряда других отраслей. Возводились для рабочих большей частью дома-общежития. Эта «генеалогия» до сих пор накладывает отпечаток на жизнь ряда округов.

Широкое распространение получил почин рабочих горьковского автозавода, начавших

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее: ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 126. Д. 9. Л. 1.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 99. Д. 1. Л. 65.

³ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 126. Д. 9. Л. 3.

⁴ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 144. Д. 2. Л. 11.

строительство жилых домов своими силами и за свой счет. Многие рабочие переквалифицировались на время в строителей. Строили, в основном, кирпичные здания в пять, шесть, семь этажей. На Большой Семеновской улице, например, почти все дома были электролампового завода.

Посредством создания ведомственного жилого фонда осуществлялось закрепление рабочих за предприятиями. Ведомственное жилье выступало порой как орудие давления на неугодного работника. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1953 г. допускал в административном порядке выселение рабочих из ведомственных домов в связи с утратой связи с заводом¹. Часть семейных рабочих была вынуждена уходить с предприятий в связи с рождением ребенка, поскольку предприятия не всегда имели возможность предоставить отдельные квартиры таким семьям. Рабочие выселялись сразу же после прекращения их работы на предприятии, несмотря на то, что это жилье для них в большинстве случаев являлось единственным. Такая зависимость накрепко привязывала многих работников, заставляя их терпеть произвол со стороны администрации.

В послевоенные годы, особенно после смерти И.В. Сталина, предприятия с их средствами производства и денежными фондами всё больше стали переходить в собственность отраслей, министерств и ведомств. Руководители предприятий получали всё большие права и экономическую самостоятельность в использовании финансовых ресурсов предприятий по своему усмотрению. Это неизбежно приводило и не могло не приводить к злоупотреблениям служебным положением в корыстных целях. В 1955 г. был введен фонд предприятия, 60% которого администрация совместно с профсоюзным комитетом имели право расходовать на культурно-бытовые нужды работников, путевки, единовременную помощь и жилищное строительство. Затем этот общий фонд был разбит на три целевых фонда той же направленности.

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 90. Д. 1. Л. 21.

Для усиления материальной заинтересованности работников в улучшении работы предприятий за счет отчислений от прибыли, наряду с другими фондами материального поощрения, был образован фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Средства этого фонда шли на жилищное строительство, на строительство и содержание детских учреждений, пионерлагерей, домов отдыха. Это значило, что чем лучше работало предприятие, тем большая часть прибыли направлялась и на жилищное строительство, что в свою очередь давало возможность систематически улучшать жилищно-бытовые условия рабочих и служащих. Наличие у предприятий жилого фонда создавало наиболее благоприятные условия для привлечения квалифицированных кадров и снижения текучести рабочей силы.

На совещании работников жилищного хозяйства г. Москвы 29 мая 1956 г. выступил секретарь Партбюро Краснопресненского РЖУ Квашнин: «У нас уже 40 лет Советской власти и мне кажется, что настала пора иметь в Москве единого хозяина жилфонда. Не всё ли равно, что этот дом Моссовета или ведомственный, все дома надо подчинить единому хозяину и тогда будет больше порядка»². Через некоторое время на заседании Бюро МГК КПСС выступила Е.А. Фурцева: «Здесь говорили о ведомственной системе распределения жилплощади. Мы в ближайшее время всё заберем в Моссовет, кроме МВД, Военвезда — Министерство обороны и специализированных закрытых учреждений. В основном площадь будет распределяться нашими местными советами»³.

Возникла централизованная система распределения жилья. Распределением квартир занялся Мосгорисполком. Начиная с 1959 г. обязанности заказчика по жилищному строительству в г. Москве должны были выполняться Мосгорисполкомом, за исключением 11 министерств и ведомств, в том числе Министерства путей сообщений, Министерства транспортного строительства, МВД, МО,

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 99. Д. 10. Л. 89.

³ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 102. Д. 3. Л. 262.

Министерства связи, Министерства среднего машиностроения, КГБ, Главного управления гражданского воздушного флота, Главного управления газовой промышленности, Главного управления по строительству автомобильных и шоссейных дорог, Главного управления материальных резервов, а также общественных организаций, осуществляющих жилищное строительство хозяйственным способом¹.

Даже в Москве, где имелись наиболее благоприятные условия по укрупнению ведомственного жилого фонда, на 1 января 1966 г. этот фонд, составляющий 11015 тыс. кв.м. эксплуатационной площади, находился в ведении 632 различных организаций, предприятий и ведомств. В среднем на одно жилищное хозяйство приходилось 17,4 тыс. кв.м. с 2,5 тыс. населения, причем отдельные из них эксплуатировали всего несколько сот кв.м. жилой площади².

За 7 лет (1959-1966 гг.) 15670 семей завода им. Лихачева справили новоселье, большинство из них в отдельных квартирах. Жилые дома автозаводцев составляли целые улицы, например, гордость всего района Автозаводская ул., с примыкающими: Машиностроения, Велозаводской, Симоновым Валом, Коломенским поселком ЗИЛ³. В.В. Гришин в речи на АЗЛК 7 мая 1976 г. хвалил завод: «Заслуживает всяческой поддержки то большое внимание, которое уделяется на АЗЛК вопросам социального развития, улучшению быта работающих. Улучшены жилищные условия 5 тысячам семей автозаводцев» [4, с. 324].

Исполкомы принимали решения, в соответствии с которыми строительство жилья градообразующими предприятиями разрешалось при условии «рубль на рубль». Другими словами, на один рубль, вложенный в строительство жилья, требовалось вложить столько же средств в сооружение объектов социальной сферы. Ведомственные застройщики, возводя жилые дома, относили зачастую на неопределенное далёкое время

объекты торговли и культурно-бытового назначения. В итоге прокладка коммуникаций и благоустройство территории микрорайонов происходили со значительным отставанием от жилищного строительства.

Административный подход к принятию градостроительных решений и распределению участков привели к неэффективному использованию территорий. Влиятельные предприятия получали наиболее выгодно расположенные участки, как правило, излишне большой площади, чтобы иметь резерв для дальнейшего развития. Известно, что только в Москве из-за нерационального использования ведомственных территорий терялось несколько тысяч гектаров, т. е. территория, достаточная для размещения большого жилого микрорайона.

В Москве находилось около 150 министерств и центральных ведомств, большое количество различных учреждений [4, с. 214]. Вроде бы это и неплохо — если предприятие имело средства на социальное развитие, улучшало условия жизни своим работникам. Но в таких ситуациях был целый ряд минусов. Во-первых, далеко не все предприятия имели возможность выделять средства на эти цели (например, низкорентабельные, мелкие, непромышленной сферы). И дело часто было не в трудовых условиях коллективов, а в ценах на продукцию, в устаревшем оборудовании и т. п. Особенно ярко это искусственное неравенство, совершенно не зависящее от «трудового вклада», было видно при сопоставлении положения работников в отраслях военно-промышленного комплекса и группы «Б». Во-вторых, неравенство в обеспеченности жильем и прочими социальными благами между предприятиями и отраслями резко девальвировало стимулирующую роль собственно денежной оплаты труда, ставящее на первое место именно заработную плату (подряд, аренда и пр.). В-третьих, ведомственная чересполосица в социальной сфере часто приводила к тому, что советская власть в лице местных Советов («полновластных хозяев своей территории») не имела возможности обеспечить действительно комплексное,

¹ ЦАОПИМ. Ф.4. Оп. 119. Д. 16. Л. 41.

² ЦАОПИМ. Ф.4. Оп. 142. Д. 12. Л. 56.

³ ЦАОПИМ. Ф.433. Оп. 12. Д. 5. Л. 25.

равномерное по всему региону социальное развитие. И дело здесь не столько в отсутствии желания у местных властей, сколько в их очень ограниченных возможностях.

К лицам, которым могли быть предоставлены служебные жилые помещения, относились: 1) слесари, дворники, техники-смотрители [5]; 2) почтальоны [6]; 3) рабочие и служащие, занятые на работе по эксплуатации газовых систем; 4) персонал жилищно-эксплуатационных организаций, принявший на обслуживание фонд жилищно-строительного кооператива [7]; 5) сотрудники милиции [2]. Только большой реальный стимул типа жилья мог заставить молодежь выбрать непопулярные профессии.

Решение июньского 1983 г. Пленума ЦК КПСС и постановление Совмина СССР «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины» предлагало полнее учитывать результаты труда рабочих, служащих, колхозников при распределении квартир. Многие блага становились доступны в зависимости от стажа работника и, прежде всего, от стажа работы на данном предприятии.

Самое удивительное, что власть и не скрывала этого. В своей речи 14 января 1977 г. хозяин города В.В. Гришин так объяснял, как «обстоит дело с прикреплением граждан к месту жительства. Нормой здесь является то, что получение жилья и улучшение жизненных условий зависит от коллективов и от властей. Здесь государство и коллективы распоряжаются жилым фондом, а это становится сильнейшим средством контролировать людей и держать их в узде» [4, с. 363]. Как следствие, закреплялась полукрепостная зависимость работника от начальства и места работы.

Каким образом распределялось жильё на предприятии? Как известно, право на первоочередное получение жилья законодательно было предусмотрено для кадровых работников, многодетных семей, больных, страдающих определенными заболеваниями, семей, в которых рождались близнецы, и т. д. Такое же право имели инвалиды войны, семьи погибших военнослужащих и приравненных к ним лиц, участники войны, воины-интернационалисты и др.

В отношении других категорий первоочередников Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 апреля 1986 г. право решать эти вопросы было предоставлено непосредственно трудовым коллективам [1]. При этом не требовалось даже согласования этих вопросов с Советом народных депутатов. Более того, теперь трудовой коллектив вправе был устанавливать, помимо закрепленных законодательством, категории работников (например, передовиков и новаторов производства) для первоочередного обеспечения жильем и определять также объём выделяемой на эти цели жилплощади. Кроме того, для постановки первоочередников на учет трудовой коллектив мог руководствоваться не только теми нормативными основаниями, которые были предусмотрены жилищными правилами [1].

Государство пошло на расширение права коллективов снабжать жильем своих работников на заработанные средства. В апреле 1986 г. вышло постановление ЦК КПСС «Об основных направлениях ускорения решения жилищной проблемы в стране». В нем содержался перечень мер, стимулирующих жилищное строительство силами предприятий: обеспечивать предприятия и организации, строящие жильё для своих сотрудников, материально-техническими ресурсами, за счёт поощрительных фондов предприятий, оказывать помощь работникам, участвующим в строительстве жилья. В Постановлении отмечалась необходимость всемерного развития хозяйственного способа в жилищном строительстве [8].

Сложившийся порядок распределения жилищ отличался крупными недочетами. Не до конца было выяснено, из чего исходить при предоставлении жилой площади — из принципа нуждаемости или из трудового принципа. Распределение по трудовому принципу было в прямой зависимости от стажа работы на данном предприятии, от качества работы, от участия в рационализации производства и т. д. Здесь учитывались непосредственные интересы социалистического производства: материальное поощрение передовых

работников, закрепление кадров, содействие борьбе с нарушениями трудовой дисциплины и т. д. Отсутствием единого четкого законодательства в значительной мере объяснялись многочисленные злоупотребления в ходе распределения жилплощади. Наиболее типичным было распределение жилой площади администрацией предприятий без участия местного профсоюзного комитета или вопреки его мнению.

Анализ писем наглядно свидетельствует, что особенно остро несправедливость в распределении жилья ощущалась там, где оно предоставлялось предприятиями и ведомствами. «Аргументы и факты» опубликовали письмо одного рабочего: «Я считаю себя обиженным. 40 лет проработал на заводе, а нормальное жилье не предоставляют, предлагают только ЖСК, в то же время наше руководство имеет по 2-3 квартиры на семью»¹. В 1948 г. отделом городского хозяйства МГК ВКП (б) было рассмотрено свыше 7 тысяч заявлений, главным образом, о бытовых нуждах трудящихся¹. Следует отметить, что большинство поступивших заявлений по своему содержанию были настолько серьезными, что рассмотрение их требовало вмешательства бюро МГК (б) и исполкома Моссовета. В основном жалобы трудящихся поступали на неправильное распределение жилой площади, особенно в министерствах и ведомствах, где рядовые работники получали всего лишь около 5% из общего количества распределенной жилплощади. Проверкой было установлено, что в Министерствах вооружения, электропромышленности, путей сообщения, авиационной промышленности и некоторых других жилую площадь получали главным образом руководящие работники. Кроме того, допускались злоупотребления рядом ответственных работников по занятию нескольких квартир и излишеству в отделке их².

Особенность советской системы была в том, что производство было неразрывно переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей. По-

мимо бюджетного финансирования, большое значение приобретало строительство жилья за счет фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. В целом население высоко оценивало деятельность предприятий по обеспечению жильем. Соединение, кооперация производства с жильем являлось источником очень большой экономии. Когда предприятия предоставляли квартиры, то это хорошо влияло на производство. Своевременное обеспечение населения более качественным жилищем было важной формой закрепления кадров на предприятиях, снижало уровень нежелательной миграции, сокращало нерациональные затраты рабочего и свободного времени граждан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аргументы и факты. — 1988. — № 38.
2. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 16. — Ст. 503.
3. Гольдберг. Основные вопросы организации финансов социалистического жилищного хозяйства. — М., 1950. — 319 с.
4. Гришин В.В. Избранные речи и статьи. — М., 1979. — 654 с.
5. Собрание Постановлений Совета Министров (Правительства) РСФСР. — 1962. — № 20. — Ст. 102.
6. Собрание Постановлений Совета Министров (Правительства) РСФСР. — 1968. — № 23. — Ст. 113.
7. Собрание Постановлений Совета Министров (Правительства) РСФСР. — 1982. — № 23. — Ст. 161.
8. Собрание Постановлений Совета Министров СССР. — 1986. — № 19. — Ст. 100.

¹ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 37. Л. 18.

² ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 37. Л. 18.

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.23

Шахновский А.А.

Московский государственный областной университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

A. Shakhnovsky

Moscow State Regional University

POLITICAL ADVERTISING AS A COMPONENT OF POLITICAL TECHNOLOGIES: TERMINOLOGICAL ASPECT

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы политической рекламы как составной части политических технологий. В центре внимания автора — терминологический аспект феномена политической рекламы.

Рассматриваются вопросы дефиниции политической рекламы в трудах современных отечественных авторов — политологов. Анализируется прямая зависимость между теоретическими, терминологическими проблемами политической рекламы и её практическим применением как в избирательных кампаниях, так и в иных формах общественно-политической жизни.

В статье предлагается обобщённо-интегрированное определение политической рекламы на основе комплексного подхода к реалиям российского политического процесса.

Ключевые слова: политическая реклама, политические технологии, дефиниции, терминология, политический консалтинг, избирательный процесс.

Abstract. The article considers the problems of political advertising as a component of political technologies. The author focuses on the terminological aspect of the phenomenon of political advertising.

The issues of political advertising definition are considered in the works of contemporary local authors — political scientists. The author analyzes the direct correlation between the theoretical and the terminological problems of the political advertising and its practical application in election campaigns and in the other forms of social and political life. The article proposes the generalized and integrated definition of political advertising which is based on the complex approach to the Russian political process realities.

Key words: political advertising, political technologies, definitions, terminology, political consulting, the electoral process.

Политические технологии в целом — это широкая сфера социальной практики и соответственно немаловажная сфера изучения. Внимание автора привлекает достаточно узкая, но тем не менее достойная отдельного осмысления область политических технологий — политическая реклама.

Этот тип политической коммуникации (хоть и под иными «псевдонимами») существовал издавна; во всяком случае, если обратиться к истории Советского государства и к его идео-

логической практике, то в них он имел широчайшее применение. Однако именно в наше время и в нашем постсоветском обществе политическая реклама по ряду причин (главная из которых — смена общественно-политического устройства) вышла на принципиально новый уровень.

Происшедшие в России социально-политические, экономические перемены — появление ориентированной на рыночные отношения экономики и последствия этого, принципиальная направленность на демократизацию общественно-политического бытия, противоречивые и трудные процессы реализации такой направленности — все это создало совершенно новую социально-экономическую, политическую и культурную среду. Существенное обновление произошло в политической сфере, где новые, непривычные для населения реалии потребовали развития новых технологий влияния на общественное мнение. Возникла необходимость не просто грамотного, но профессионального подхода политических сил к пропаганде и распространению своих установок.

В этой связи вопрос о том, что же представляет собой политическая реклама, вопрос научных дефиниций этого явления, осмысления его терминологического аппарата приобретает не только методологическое, но и чисто практическое значение. Тем более, что использование политической рекламы содержит в себе множество аспектов, выходящих за рамки чисто технологических — в том числе серьезную этическую составляющую.

Надо сказать, что определенная научно-методическая и практическая опора для изучения феномена политической рекламы у нас есть. Существует ряд переводных работ, осмысливающих теоретические начала и опыт политической рекламы на Западе. В то же время в силу того, что практика применения политической рекламы в России 1990-х и начала 2000-х г. обладает существенными — и во многом определяющими — специфическими особенностями, чрезвычайно востребованными являются труды отечественных авторов (как правило, практиков политических

технологий), опубликованные главным образом в 1990-х гг. Это работы В.А.Евстафьева и Е.Э. Пасютина [2], Е. В. Егоровой-Гантман и К.В. Плешакова [3], С.Ф. Лисовского [5], Г.Г. Почепцова [5], Е.Г. Морозовой [6] и ряда других исследователей, анализирующие методологию и эмпирические особенности применения политической рекламы — прежде всего в избирательных кампаниях.

Существенно помогает разобраться в проблемах политической рекламы — и в ее теоретическом обосновании, и в современной практике — опыт специалистов известных политконсалтинговых и политологических центров, таких, как «Никколо М», фонд «Индем», фонд «Политика», «Центр политических исследований «Экспертиза», «Фонд эффективной политики» и других, отразившийся в их публикациях в специализированных и общих средствах массовой информации.

Поскольку политическая реклама стала и продолжает оставаться неотъемлемой частью и весомой составляющей избирательного процесса и в целом общественно-политической жизни в постсоветской России, осмысление и обобщение ее практики является по-прежнему актуальным.

Очевидно, что каждый из практиков и исследователей по-своему оценивает существенные свойства политической рекламы. В качестве определяющих качеств те или иные исследователи выделяют далеко не одни и те же — в зависимости от практики, с которой им довелось столкнуться, в соответствии с их теоретическими и методическими установками. С учетом того, что политическая реклама неоднородна и достаточно многолика и под этим названием приводятся порой весьма далекие друг от друга явления, трудно подыскать единое определение, которое устроило бы всех. Попробуем проанализировать имеющиеся в разных источниках определения.

«Политическую рекламу можно рассматривать в различных плоскостях. Прежде всего, она представляет собой одну из сфер рекламной деятельности наряду с экономической, социальной, юридической, конфессиональной, личностной рекламой, рекламой

услуг, межличностных отношений и т. д.», — пишет С.Ф. Лисовский [5, с. 4].

Таким образом, один из самых авторитетных исследователей (и практиков) политической рекламы изначально считает ее составной и естественной частью рекламной деятельности. В этом свете логичны и его дальнейшие рассуждения. В современных теориях циркулирует не один десяток определений рекламы. Наиболее совершенным на сегодня Лисовскому представляется определение рекламы, предлагаемое А. Дейяном (его можно распространить и на политическую рекламу, замечает Лисовский): «Реклама — это платное однонаправленное и неличное обращение, осуществляемое через средства массовой информации и другие виды связи, агитирующие в пользу какого-либо товара, марки, фирмы, какого-либо предприятия, кандидата, правительства» [5, с. 4].

Отметим еще, что, по Лисовскому, политическую рекламу следует рассматривать не только как одну из разновидностей рекламной деятельности, но и как элемент системы маркетинга, как составляющую комплекса маркетинговых коммуникаций. В политической сфере используется, соответственно, политический маркетинг. То есть на вооружение принимается рыночно-экономический терминологический инструментарий. Правда, позже Лисовский добавит извиняющую оговорку: «И все же, разумеется, избирательный процесс нельзя сводить просто к купле-продаже кандидатов и партий» [5, с. 5].

Непрямое, но достаточно конкретное определение дает политической рекламе Е.М. Генерозова: «Конструктивным элементом политического маркетинга выступает политическая реклама, которая призвана обеспечить в доступной эмоционально-смысловой форме представление о сути конкурирующих политических идей, платформ и программ, а также настроить избирателей на поддержку одной из них» [1, с. 2].

Крайне важным представляется вопрос о соотношении таких явлений, как «политическая коммуникация», «связи с общественностью» («паблик рилейшнз»), а также таких,

как отчасти подзабытые, а отчасти не принимаемые исследователями явления (и соответственно понятия) пропаганды и агитации. И, разумеется, вопрос о том, как соотносятся эти явления политической жизни с политической рекламой.

Как пишет известный в мире российского консалтинга исследователь и практик Е. Егорова-Гантман, «оказалось весьма непросто найти соотношение между такими понятиями, как политическая реклама, PR, пропаганда». Е. Егорова-Гантман утверждает, что «в отличие от политической рекламы, политические PR являются бесплатными, а следовательно, вызывают большее доверие, чем платное восхваление кандидата или дискредитация оппонента» [3, с. 13]. Таким образом, в число существенных характеристик политической рекламы попадает ее оплаченность. Можно усомниться в справедливости такого утверждения.

Общим и существенным во взглядах самых разных исследователей служит утверждение, что политическая реклама является составной частью, одним из инструментальных приемов политических технологий, их жанровой разновидностью. То же можно утверждать об отношениях политической рекламы и «паблик рилейшнз» (применительно к работам тех авторов, которые склонны использовать этот термин).

В остальных отношениях общее во взглядах на политическую рекламу у различных авторов определить непросто, что, конечно, не умаляет достоинства их трудов, но лишь раз подтверждает непростой характер предмета данной работы.

По мнению исследователя С.П. Седовой, «сущность политической рекламы состоит в том, что она представляет адресное воздействие на электоральные группы в лаконичной, оригинальной, легко запоминающейся форме... Особенность политической рекламы как формы коммуникации заключается в том, что это платное, однонаправленное и неличное обращение, осуществляемое через СМИ и другие виды связи, агитирующие в пользу какого-либо кандидата (партии) с целью по-

буждать избирателей отдать свои голоса на выборах в пользу данного кандидата (партии)» [10, с. 12].

Политическая реклама, считает политолог Е.Б. Шабарова, имеет различные определения, наиболее адекватным среди которых представляется следующее: «...реклама политическая — разновидность агитационно-пропагандистской деятельности, направленная на формирование благожелательного отношения общественности к образу кандидата и его политической платформе...

Политическая реклама поставляет информацию (нередко — проводя ее первичную селекцию), формирует имидж людей, партий, властных структур, программ, идей, политических взглядов.

Специфической чертой политической (и в том числе избирательной) рекламы является ее лапидарность, образность и нацеленность на эмоциональную сферу — умение выделить и эффективно подать ограниченное число главных и выигрышных качеств «товара», а также обращенность (через создаваемую имиджевую систему) не столько к рациональному в восприятии личности, социальной группы или социума в целом, сколько к индивидуальному или коллективному бессознательному. А также — высокая образность» [13, с. 22].

В такого вида определении обращает на себя внимание то, что исследователь прямо относит политическую рекламу к агитационно-пропагандистской деятельности, что, во всяком случае, способствует восстановлению методико-терминологической «связи времен». Отметим также выразительную оговорку: «специфической чертой политической (и в том числе избирательной) рекламы...». Следовательно, Шабарова предполагает, что политическая реклама не обязательно служит инструментом исключительно избирательных задач — ведь политика не сводится только к выборным кампаниям.

Возможно определение политической рекламы через ее взаимоотношения с рекламой рыночной, с одной стороны, и с избирательными процессами, с другой. При этом будем

апеллировать к юридическим нормативам и документам. Как известно, Закон «О рекламе» [11] на политическую рекламу не распространяется. Тем не менее в Законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [12] упоминается политическая реклама как одна из форм предвыборной агитации, а агитация выступает важнейшим этапом избирательной кампании. В «Положении об информационных гарантиях в предвыборной агитации», утвержденном 29 октября 1993 г. Указом Президента Российской Федерации № 172 «Об информационных гарантиях для участников избирательной кампании 1993 года» [8], политическая реклама определяется как «оплачиваемые кандидатом, избирательным объединением либо иным лицом, действующим в интересах кандидата, избирательного объединения, — сообщения, материалы, побуждающие, призывающие граждан совершить предлагаемые действия».

В «Инструкции о порядке предоставления эфирного времени на каналах государственных телерадиокомпаний кандидатам на должность Президента Российской Федерации, избирательным объединениям, инициативным группам избирателей и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях», утвержденной постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации № 86/716-11 от 5 апреля 1996 г., понятие политической рекламы трактуется иначе: «распространяемая участниками избирательного процесса через СМИ информация о кандидатах на должность Президента Российской Федерации с использованием средств и приемов, отличающих рекламные материалы от других видов и жанров информации (преобладание эмоционального воздействия над смысловым, броскость, лаконизм, повторяемость), с целью формирования общественного мнения как за, так и против тех или иных кандидатов» [4].

Сложность однозначно-четкого определения политической рекламы признают многие авторы.

Как пишет Т.И. Никитина, «отсутствие в существующих нормативно-правовых документах дефиниции понятия политической рекламы привело к «войнам» на политическом информационном поле, к использованию так называемых «грязных технологий» во время предвыборной борьбы, особенно проявившихся на парламентских и президентских выборах в России 1999 — 2000 годов, а также во время выборов, проходивших после 2000 года» [7, с. 4].

Множественность определений, их известная расплывчатость позволяет нам, не посягая на авторитет цитируемых авторов, попытаться поискать как инструментальное средство наиболее обобщенные, но и в то же время наиболее точные характеристики, и на их основе — и более или менее приемлемое определение политической рекламы.

Политическая реклама — это прежде всего один из жанров политических технологий. Это активное средство влияния на формирование общественного мнения. Проблематика, в рамках которой используется политическая реклама, может иметь стратегический масштаб (выборы президента) или, чаще, масштаб оперативно-тактический (к примеру, поддержка социальной политики местного отделения той или иной партии).

Что же касается собственно инструментария политической рекламы, то он по определению не может иметь «стратегического характера»: это искусство «малых форм». Наличие, как правило, эмоционального воздействия (при небольшом участии рационального), связанная с этим образность и даже художественная выразительность, оперативность, быстрая сменяемость, броскость, точность, лаконичность изобразительных и смысловых решений, их запоминаемость — все это должно быть присуще политической рекламе.

Автор полагает, что среди основных свойств политической рекламы отнюдь не обязательно должна присутствовать проплаченность заинтересованными силами.

Итак, попробуем определить политическую рекламу как частный случай политических технологий, как специфическую форму

продвижения тех или иных политических представлений, как правило, оперативно-частного (агитационного) масштаба (в противоположность мировоззренчески-пропагандистскому масштабу), часто основанную не столько на рациональном, сколько на эмоционально-образном, художественном воздействии. Цель продвижения — текущая (то есть опять-таки оперативно-агитационная) политическая ориентация объектов рекламы в направлении, задаваемом субъектом (источником) рекламного действия.

Конечно, приведенные здесь дефиниции не могут претендовать на завершенность. По мере усложнения общественно-политических реалий усложняется и расширяется сфера применения политической рекламы, ее направленность, меняются и совершенствуются ее структурные элементы.

Происходит и коррекция понятийного, терминологического аппарата этой важной составной части политических технологий, что, как неоднократно отмечалось, имеет не столько отвлеченно-методологическое, сколько практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Генерозова Е.М. Особенности современной политической рекламы в России: автореф. дис ... канд. полит. наук. — Уфа, 2000. 21 с.
2. Евстафьев В.А., Пасютина Е.Э. История российской рекламы. - М.: ИМА-пресс, 2002. — 392 с.
3. Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Политическая реклама. - М.: Никколо М, 1999. — 240 с.
4. «Инструкция о порядке предоставления эфирного времени на каналах государственных телерадиокомпаний кандидатам на должность Президента Российской Федерации, избирательным объединениям, инициативным группам избирателей и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях», утвержденная Постановлением Центральной Избирательной комиссии Российской Федерации от 05.04.96 № 86/716-11. // Российская газета. 1996. 17 апр.
5. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. - М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. — 256 с.
6. Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. - М.: РОССПЭН, 1999. — 247 с.

7. Никитина Т.И. Роль рекламы в российском политическом маркетинге: автореф. дис ... канд. полит. наук. Казань, 2009. 24 с.
8. «Положение об информационных гарантиях в предвыборной агитации», утвержденное 29 октября 1993 года Указом Президента Российской Федерации от 29.10.1993 № 172 «Об информационных гарантиях для участников избирательной кампании 1993 года» // Российская газета. 1993. 30 окт.
9. Почепцов Г.Г. Профессия — имиджмейкер. Киев: Рефл-Бук, 1998. — 256 с.
10. Седова С.П. Политическая реклама в современном российском обществе: институциональные аспекты: дис ... канд. полит. наук. — М., 2006. — 174 с.
11. Федеральный Закон от 13.03. 2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета. 2006. 15 марта.
12. Федеральный закон Российской Федерации от 18.05. 2005 N 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 24 мая
13. Шабарова Е.Б. Политическая реклама в России конца XX — начала XXI века: структура и проблемы эффективности: дис ... канд. полит. наук. — М., 2005. — 237 с.

УДК 061.213;329.728

Мосоликов С.А.

Московский государственный областной университет

ПРОКРЕМЛЕВСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ ИЛИ ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА?

S. Mosolikov

Moscow State Regional University

PRO-KREMLIN YOUTH GROUPS: STRUCTURES OF STATE POWER OR CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS?

Аннотация. В статье анализируется деятельность современных прокремлевских молодежных общественно-политических объединений и их место в российской политической системе. Подробно описывается деятельность провластных молодежных движений и организаций в качестве институтов гражданского общества. Раскрывается проблема взаимодействия прокремлевских молодежных объединений со структурами власти, что позволяет выявить степень их независимости. Доказывается ключевая роль молодежных объединений в реализации государственной молодежной политики в России.

Ключевые слова: гражданское общество, лоббирование, молодежь, молодежная политика, общественные объединения, структуры власти.

Abstract. This article analyzes the activities of the modern pro-Kremlin youth socio-political organizations and their place in the Russian political system. The activities of pro-government youth movements and organizations are described in detail as civil society institutions. The article reveals the problem of interaction between pro-Kremlin youth organizations and the structures of power. Such interaction reveals the degree of their independence as independent actors in the Russian political process. The dominant influence of youth organizations on the implementation of state youth policy in Russia is proved.

Key words: civil society, lobbying, young people, youth policy, public associations, the structures of state power.

Современное развитое демократическое государство не может существовать без гражданского общества, понимаемого как совокупность нравственных, религиозных, национальных, социально-экономических, семейных отношений, объединений и институтов, с помощью которых удовлетворяются интересы индивидов и их групп [19, с. 61].

В России созданные «сверху» демократические институты могут нормально функционировать только при тесном взаимодействии с обществом. Этот факт настолько очевиден, что потребность в сильном гражданском обществе осознают даже представители власти. По мнению Президента России В.В. Путина, «Качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать. Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным. Нам надо обновить механизмы нашей демократии. Они должны «вместить» возросшую общественную активность» [23].

В демократическом государстве институты власти всегда подстраиваются под нужды гражданского общества, и ключевую роль в этом процессе играют общественные объединения, выполняющие функцию посредников между обществом и государством. Независимые общественные организации политической, социальной, духовной и другой направленности вносят решающий вклад в развитие и нормальное функционирование гражданского общества, привнося в публичную сферу новые темы для обсуждения [6, с. 242].

Как правило, различают объединения двух типов: организации и движения. Главным отличием их друг от друга является отсутствие у движения устава и фиксированного членства. Такая свобода движений имеет свои плюсы и минусы. Широкая автономия и независимость членов движений, с одной стороны, отсутствие дисциплины, долгосрочности участия и должной организованности, с другой. Но решающим фактором, который определяет характер любого общественного объединения, является не формальный принцип ее строения, а социальный состав.

Поскольку наиболее активной социальной группой любого общества является молодежь, рассмотрение ее взаимодействия с обществом и государством в рамках общественных объединений представляется весьма актуальной проблемой современной политической науки. В России, по оценкам Росстата на 2009 г., проживало 33 миллиона молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет или 23,3 % от всего населения России [15, с. 11]. Работа с таким значительным числом молодых граждан является одним из важнейших направлений деятельности со стороны государства и гражданского общества. Молодежь, участвуя в политической жизни своего государства, очень часто объединяется в консолидированные группы по интересам, через которые пытается оказать воздействие на политическую власть. Наиболее масштабные и целеустремленные молодые люди из таких групп обычно образуют общественные объединения, становясь полноправной частью российской политической системы.

По данным Министерства юстиции, на январь 2011 г. в России государственную регистрацию имело 114392 общественных объединений, из них 52626 организаций и 1749 движений, остальные объединения имеют иную форму (фонды, учреждения и т. д.) [26, с. 64]. Столь малое количество движений объясняется тем, что большинство из них не имеют государственной регистрации. Поэтому, по оценкам министерства образования и науки РФ, число молодежных и детских общественных объединений на 2010 г. составляло

более 427 тысяч [5]. Разумеется, некоторые из них существуют только виртуально, но часть играет заметную роль в функционировании российского гражданского общества.

Сегодня самыми многочисленными молодежными объединениями являются так называемые «прокремлевские» или «провластные» [2]. Они не только превосходят численностью оппозиционные движения, но и создают по всей стране сети первичных организаций, становясь мощными общенациональными объединениями, в то время как оппозиция стремится, в основном, осуществлять свою деятельность в столичном регионе и крупных городах [18].

Провластные молодежные общественно-политические объединения принято характеризовать как организации и движения, прямо поддерживающие общественно-политический режим и созданные при участии, административной и финансовой поддержке власти [10]. Кроме того, эти объединения понимаются как совокупность молодежных общественных организаций и движений, которые поддерживают официальный политический курс и относятся лояльно к действующей российской власти, сохраняя при этом формальную независимость [20]. На вопрос о степени самостоятельности этих объединений у большинства экспертов нет точного ответа. Кроме того, остаётся без ответа и ещё один вопрос: прокремлевские молодежные движения и организации — это структуры власти или институты гражданского общества?

Традиционными провластными молодежными объединениями, действовавшими на начало 2012 г., являются: «Наши» (проекты «Наши 2.0», «Сталь» и др.), «Молодая гвардия Единой России», «Местные», «Россия молодая», «Новые люди» [20]. Большинство из них были созданы не силами самой молодежи и не их волеизъявлением снизу. Как правило, создателями провластных объединений являются люди старшего поколения. Даже лидеры большинства прокремлевских объединений, на момент их создания, сложно было отнести к категории «молодежь», так как, по

своему возрасту они были старше 29 лет: В.Г. Якеменко («Наши») — 33, С.А. Фатеев («Местные») — 35, В.А. Васин («Новые люди») — 30, И.И. Демидов («Молодая гвардия») — 42 [14, с. 114-147]. Исходя из вышеперечисленных фактов, есть все основания предполагать, что для данных лидеров главная цель создания молодежных движений и организаций заключалась в решении конкретных политических задач силами активных молодежных масс. Не случайно у активистов провластных объединений наблюдается высокая степень индифферентности по отношению к самим организациям (движениям) и их деятельности [16, с. 58]. Похожая проблема существует и у оппозиционных молодежных объединений, которые часто выступают молодежными отделениями политических партий и протестных общественных организаций.

С 2012 г. вопросами российской молодежи занимается Министерство образования и науки РФ. Ранее эти вопросы решало Министерство спорта, туризма и молодежной политики, а вернее, — его структурного компонента в виде Федерального агентства по делам молодежи «Росмолодежь». Главой агентства с самого основания до 2012 г. являлся Василий Якеменко — экс-лидер молодежного движения «Наши», который все это время сохранял должность комиссара в этом объединении. Сегодня агентством «Росмолодежь» руководит С. Белоконев, друг и соратник В. Якеменко. Эти факты являются основанием для утверждений о том, что движение «Наши» было не только создано центральной властью, но и продолжает ею контролироваться.

Тот факт, что В. Якименко, а затем и С. Белоконев, стали официальными руководителями главной государственной структуры по делам молодежи и при этом остались неформальными лидерами крупнейшего молодежного движения, позволил политическим оппонентам и некоторым СМИ сделать предположение о прямом контроле движения «Наши» со стороны правительства («Росмолодежи») вообще и ФСБ в частности [22]. В вину «Нашим» инкриминируют чрезмерную зависимость от «Росмолодежи» и также

получение через эту структуру бюджетных средств [31].

С другой стороны, влияние движения «Наши» на данное агентство имеет и положительную сторону для гражданского общества: государственная структура при общественной поддержке выглядит более независимой от центральной власти, чем многие другие структуры правительства, но такое положение вещей сопряжено с рисками, связанными со злоупотреблением должностными лицами своими полномочиями, что противоречит российскому законодательству о государственных служащих: «Запрещается использовать должностные полномочия в интересах политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений и иных организаций, а также публично выражать отношение к указанным объединениям и организациям в качестве гражданского служащего, если это не входит в его должностные обязанности» [30].

Федеральное агентство по делам молодежи было создано в 2008 г. и его руководителем стал лидер «Наших» Василий Якименко, который позже покинул руководство движения. Датой образования «Наших» является 2005 г.; это фактически означает, что вектор влияния скорее, исходит, от общественного движения к государственному органу, а не наоборот. Такое мнение подтверждают и оппоненты «Наших» из партии «Яблоко» [17, с. 48]. Многие проекты новоиспеченного агентства были прямо заимствованы из движения «Наши», например, форум «Селигер», который в 2009 г. из компетенции «Наших» перешел в ведение «Росмолодежи».

Представляет интерес тот факт, что бывший руководитель Комитета по делам молодежи в Государственной думе П. Тараканов также связан с движением «Наши». Руководителем думского комитета П. Тараканов стал в 2007 г., пройдя в парламент по спискам ЛДПР. Кроме П. Тараканова, в Госдуму прошли другие комиссары «Наших», но уже по спискам «Единой России».

Как видим, речь здесь идет о лоббировании общественным объединением своих ин-

тересов через государственные структуры и партии, но не наоборот. Никто не запрещает гражданскому обществу взаимодействовать с государственной властью, в том числе и участвовать в консультациях, проводимых Администрацией Президента.

Движение «Наши» к настоящему времени претерпело значительные изменения в структурном плане. После 2008 г. оно было разбито на несколько полунезависимых проектов, а затем вновь возрождено в лице движений «Наши 2.0» и «Сталь», которые, с одной стороны, были представлены как независимые друг от друга движения; а с другой стороны, движение «Сталь» выступает в качестве проекта «Наших». На официальном сайте молодежного движения «Наши» в разделе «проекты» (их всего 7) присутствует и «Сталь» [21]. Именно поэтому, на наш взгляд, целесообразно движения «Наши 2.0» и «Сталь» рассматривать в рамках одного общего молодежного объединения «Наши».

При всей неоднозначности отношения общества к движению «Наши» отметим, что по многим критериям оно может быть отнесено к элементам гражданского общества, которые зависимы от государственной власти, но не контролируются ею прямо.

Первое место по численности актива и значению в молодежной политике, вместе с движением «Наши», делит молодежное крыло партии власти — всероссийская общественная организация «Молодая гвардия Единой России». Формально это молодежное объединение возникло в 2005 г., но в действительности эта организация появилась в начале 2000 г., что делает ее одним из старейших прокремлевских молодежных объединений в современной России [11, с. 126].

Попытаемся разобраться в специфике этой организации. Во-первых, это партийная организация, то есть является «дочерним объединением» партии «Единая Россия». Во-вторых, «Молодая гвардия» сотрудничает из всех российских партий только с «Единой Россией» и соперничает, в первую очередь, с другими партийными организациями. В-третьих, принадлежность к этой организа-

ции основана на членстве, что отличает ее от большинства других прокремлевских объединений. В-четвертых, это объединение является старейшим из провластных движений и организаций, у него своя специфика и собственная 12-летняя история.

Самым ярким эпизодом вмешательства «Единой России» во внутренние дела «Молодой гвардии» является смена руководства в 2010 г. Тогда, по словам оппонентов и самих «младогвардейцев», были освобождены от занимаемых должностей почти все старые руководители. Новым лидером организации стал Т. Прокопенко — пресс-секретарь Б. Грызлова, который раньше не имел отношения к «Молодой гвардии» [9]. Омоложение кадров, без сомнения, является прогрессом и дает новый толчок для развития этой организации, но также показывает и сильную зависимость «Молодой гвардии» от партийного руководства.

По причине того, что «МГЕР» позиционируется как «молодежное крыло» определенной партии, то сравнивать ее, в первую очередь, надо не с прокремлевскими объединениями, а с другими молодежными движениями и организациями других российских политических партий.

Если взять, к примеру, молодежную организацию КПРФ — «Ленинский коммунистический союз молодежи» (ранее СКМ), то можно увидеть, что это объединение существует с 1999 г. Его устав запрещает членам ЛКСМ состоять в какой-либо другой партии, кроме КПРФ. Нынешний лидер «комсомола» Ю. Афонин, который руководит организацией с 2004 г. и входит в центральное руководство партии, являются, при этом секретарем ЦК КПРФ [27, с. 157-158]. Следовательно, ЛКСМ сложно назвать независимой организацией.

Похожую ситуацию можно наблюдать и в молодежном крыле РОДП «Яблоко». Там влияние партийной власти ощущается гораздо сильнее, чем в ЛКСМ и МГЕР. Созданное в 1995 г. «Молодежное Яблоко» дважды в результате партийного вмешательства меняло руководство: Андрея Шаромова [29] и Илью Яшина [4]. В обоих случаях руководство пар-

тии исключило лидеров из молодежного движения.

«Молодую гвардию», как и другие молодежные отделения, нельзя рассматривать отдельно от партии «Единая Россия». Политическая партия не считается властной структурой, а является одним из главных институтов гражданского общества. В этом случае «Единая Россия» — крупнейшая партия в Российской Федерации, которая представляет интересы значительной части населения. Вместе с тем «Единая Россия» — правящая партия, имеющая большинство в Государственной думе и осуществляющая законодательную власть в России. Таким образом, партия «Единая Россия» одновременно включена и в государственную власть и в гражданское общество. В соответствии с этим и «Молодая гвардия Единой России», как составная часть партии «Единая Россия», также является «службой двух господ».

Особую группу прокремлевских движений и организаций составляют «региональные молодежные объединения». Считается, что к этой категории на сегодняшний день относятся движения «Местные» (Московская область) и «Россия молодая» (Москва), а также организация «Новые люди» (Волгоград).

Связь этих объединений подтвердилась, когда 22 декабря 2011 г. они образовали союз под названием «Штаб единых действий» [1]. Эта «конфедерация» формально была создана на период предвыборной компании-2012 для поддержки молодежными силами кандидатуры В.В. Путина. К текущему «Штабу единых действий» не присоединились ни «Наши», ни «Молодая гвардия», которые в предвыборный период решили действовать самостоятельно. Этот факт говорит о близости между «Местными», «России молодой» и «Новыми людьми» и отличии этих движений от других прокремлевских объединений.

Кураторами «региональных молодежных объединений», помимо Администрации Президента, называют обычно и региональные власти. Например, «Местные» считаются «прогубернаторским движением» [11, с. 116], ориентированным на главу Московской об-

ласти. Похожая ситуация у «Новых людей» и «России молодой».

Впрочем, более тщательный анализ деятельности трех вышеназванных объединений опровергает утверждение об их контроле со стороны региональных властей. Во-первых, «Новые люди» [24] и «Россия молодая» [3] взяли курс на преобразование в общероссийские организации; а движение «Местные» с основным проектом «Экологическая экспедиция» охватили всю Россию [12]. Во-вторых, у объединений нет официальных связей с законодательной и исполнительной властями. В-третьих, выборы глав субъектов федерации были отменены до появления региональных молодежных объединений. В связи с этим отпадает и «уличная функция» молодежных объединений в предвыборное время.

Очевидно, функция данных молодежных объединений заключается не в лояльности к региональной власти, а в общественном контроле над ней. По мнению бывшего идеолога движения «Местные» А. Казакова, «молодежные организации с государственнической идеологией могли бы «посмотреть изнутри», как власти — особенно на нижнем и среднем уровне — справляются со своими задачами и соответствуют конституционному понятию социальное государство» [7]. Иллюстрацией данного тезиса является деятельность подмосковных «Местных»: закрытие нелегальных свалок и запрещенных игорных клубов по всему Подмоскovie, иногда при сопротивлении муниципальных властей [13]. Иначе говоря, прокремлевские молодежные региональные объединения выполняют классические функции общественного контроля со стороны гражданского общества. В связи с этим отнесение региональных прокремлевских молодежных объединений к институтам гражданского общества является вполне оправданным.

Проблема самостоятельности прокремлевских молодежных движений и организаций зависит от степени влияния государственных и партийных структур, которые выступают в качестве их негласных «кураторов». Как было показано выше, прокремлевские объедине-

ния не являются государственными структурами. Вместе с тем государство оказывает существенное влияние на деятельность того или иного молодежного объединения. Но противоречит ли этот факт концепции гражданского общества?

Вся история современного российского государства говорит о том, что его демократические институты и конституция были созданы «сверху» властью имущими, а не возникли в результате волеизъявления граждан, которых, в первую очередь, интересовали экономические проблемы. В этих условиях российская власть вынуждена была принимать меры по повышению политической культуры россиян, принимать законы и создавать институты гражданского общества в его классическом, западном, понимании [8].

Существует основанное на опыте европейских стран мнение, что гражданское общество невозможно создать «сверху» [25, с. 257-258]. Однако процесс формирования гражданского общества уникален и неповторим для каждого народа и государства. Многовековая история России показывает, что страна существовала в качестве государства с сильной центральной властью, которая самостоятельно проводила реформы и модернизацию, часто не принимая во внимание мнения народа. В связи с этим и ведущая роль органов государственной власти в процессе построения гражданского общества в России является закономерной, соответствующей российскому опыту реформирования общественной жизни.

Что же касается прокремлевских молодежных объединений, то никто не оспаривает ведущую роль государственной власти в их создании, но этот факт не дает нам оснований сомневаться в принадлежности этих объединений к гражданскому обществу. Они являются такими же элементами российского социума, как, например, созданная «сверху» Общественная палата. Ныне прокремлевские объединения существуют как самостоятельные силы. Присутствие власти сохранилось на консультативной основе — в виде «курирования». Однако не следует преувеличивать роль кураторов, которые лишь следят за про-

ектами объединений, давая последним возможность самостоятельно развиваться.

Создание проправительственных молодежных организаций и движений, в конечном итоге, сыграло положительную роль в деле формирования российского гражданского общества. В ряды этих объединений удалось привлечь наиболее активную часть молодых людей, сформировать модель социально одобряемого поведения у остальной части молодежи, а также снизить популярность экстремистских идей в молодежной среде. Такие процессы привели к относительной стабилизации российского общества и явились важным шагом на пути к достижению общественной консолидации [28].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Груздева Л., Козенко А. Идущие V / Сторонники Владимира Путина создали штаб в его поддержку // Коммерсантъ. — 2011. — 23 дек.
2. Данилин П. Даешь молодежь! [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «ВЗГЛЯД.РУ»: [сайт]. [21.06.2010]. URL: <http://vz.ru/columns/2010/6/21/412110.html> (дата обращения: 20.10.2012).
3. Движение «Россия молодая» станет общероссийской организацией // Независимая газета. — 2010. — 30 авг.
4. Илья Яшин исключен из партии «Яблоко» // Новая газета. — 2008. — 19 дек.
5. Информационно-аналитические материалы о деятельности общественных объединений по патриотическому воспитанию молодежи / сост. З.Н. Калинина и др.; под общ. ред. Н.А. Шайденко. — М., 2010. — 134 с. [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Центра исследования проблем воспитания, формирования здорового образа жизни, профилактики наркомании, социально-педагогической поддержки детей и молодежи»: [сайт]. [2011]. URL: <http://cipv.ru/pages.php?pageid=4887> (дата обращения: 10.10.2012).
6. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: учеб. пособие. — СПб.: Питер, 2008. — 395 с.
7. Казаков А. Прокремлевские молодёжки перед лицом кризиса [Электронный ресурс] // «Кремль.ORG». Политическая экспертная сеть: [сайт]. [13.11.2008]. URL: <http://kreml.org/opinions/197073661> (дата обращения: 15.10.2012).

8. Канунников А. Особенности становления гражданского общества в России [Электронный ресурс] // ИА журнал «Политическое образование»: [сайт]. [01.06.2011]. URL: <http://politobraz.ru/blogs/anatolii-kanunnikov/2011/06/01/osobennosti-stanovleniya-grazhdanskogo-obshchestva-v-rossii> (дата обращения: 20.10.2012).
9. Козенко А. Тимур и его команда // Коммерсантъ. — 2010. — 23 дек.
10. Кудрявцев М. М. Роль молодежных организаций и движений современной России в формировании военно-патриотического сознания граждан [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации: [сайт]. [2011]. URL: <http://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10507465@cmsArticle> (дата обращения: 21.10.2012).
11. Лоскутова. Е. Юная политика. История молодежных политических организаций современной России. — М.: Центр «Панорама», 2008. — 424 с.
12. Манифест проекта «Экологическая экспедиция» [Электронный ресурс] // Движение молодых политических экологов «Местные»: [сайт]. [2005 — 2011]. URL: <http://mestnye.ru/projects/ekologicheskaya-ekspediciya/manifest> (дата обращения: 15.10.2012).
13. «Местные» подадут в суд на главу Красково [Электронный ресурс] // Движение молодых политических экологов «Местные»: [сайт]. [29.07.2011]. URL: <http://mestnye.ru/node/5672> (дата обращения: 18.10.2012).
14. Молодежные политические организации: Программы и люди / И. Яковлев и др. — М.: РОО Центр «Панорама», 2007. — 150 с.
15. Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», — 2010. — 166 с.
16. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты / ИНАБ № 4-2007. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — 95 с.
17. Молодежь России. Какое будущее у нашей страны?: аналитический доклад / И. В. Большаков и др.; под ред. И.В. Большакова. — М.: РОДП «Яблоко», — 2011. — 76 с.
18. Москалев А.Е. Провластные и оппозиционные молодежные общественные объединения: критерии эффективности влияния на современную российскую молодежь [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», 2011. № 4 (июль — август): [сайт]. [2011]. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2011/4/Moskalev_Youth_Public_Associations/ (дата обращения: 18.10.2012).
19. Правоведение: учебник / А.В. Малько и др.; под ред. А.В. Малько. 4-е изд., стер. — М.: КНОРУС, 2008. — 400 с.
20. Провластные молодежные движения России [Электронный ресурс] // Memoid: [сайт]. [2011-2012]. URL: http://memoid.ru/node/Provlastnye_molodjzhnye_dvizheniya_Rossii (дата обращения: 13.10.2012).
21. Проекты [Электронный ресурс] // Молодежное демократическое антифашистское движение «Наши»: [сайт]. URL: <http://nashi.su/projects> (дата обращения: 10.10.2012).
22. Прокремлевская молодежь: связи, пароли, явки... // Новое время. — 2011. — 04 апр.
23. Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. — 2012. — 06 фев.
24. Региональные отделения [Электронный ресурс] // Межрегиональная молодежная общественная организация «Новые люди»: [сайт]. [2006-2010]. URL: http://newpeople.ru/svd/cnt/contacts/cnt_113694447 (дата обращения: 13.10.2012).
25. Рожнева С.С. Политико-культурные традиции гражданского общества, влияющие на процесс модернизации современной России // Современные общественно-политические системы в условиях модернизации: состояние и перспективы развития: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием / Под общ. ред. О.С. Городниной. — Орел, 2011. — С. 250-260.
26. Россия в цифрах. 2011: Крат. стат. сб. / Росстат. — М.: Госкомстат РФ, 2011. — 581 с.
27. Савельев В.А. Горячая молодежь России. Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты. — М.: ООО «Кванта», 2006. — 288 с.
28. Свертков И.А. Особенности партийной социализации молодежи в современной России [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 3 — Социология: [сайт]. [2009]. URL: <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/3/Svertkov/> (дата обращения: 17.10.2012).
29. Тихомиров В. Явлинский — опасный для страны человек // Независимая газета. — 2001. — 11 сен.
30. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. — 2004. — 31 июл.
31. Шлейнов М. Деньги «Наших» // Ведомости. — 2010. — 29 ноя.

УДК 272(477)

Козьякова Н.С.

Московский государственный областной университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВАТИКАНА В СТРАНАХ СНГ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

N. Kozyakova

Moscow State Regional University

THE VATICAN POLITICAL ACTIVITIES IN THE CIS (UKRAINE AS AN EXAMPLE)

Аннотация. В данной статье рассмотрены потенциальные перспективы участия России в мировой политике в рамках СНГ и в аспекте межконфессиональных отношений. Автор уделяет внимание проблемам религиозно-духовного выбора, которые на сегодняшний день являются одной из самых актуальных в политическом процессе стран СНГ. В статье рассматривается деятельность Украинской Греко-Католической Церкви, которая вышла за свои традиционные границы и распространяется на южные и восточные регионы Украины.

Ключевые слова: Россия, Украина, римско-католическая церковь, Святой Престол, политический процесс, страны СНГ, Ватикан.

Abstract. This article is supposed to consider the potential prospects of Russia's participation in the world political process both as a member of CIS and as a country having lots different religions closely interrelated. The author pays attention to the problems of religious — spiritual choice, which today have become one of the most vital problems in the political process of the CIS countries. The article examines the Ukrainian Greek — Catholic Church activities, which extend its traditional boundaries and reached the southern and eastern regions of Ukraine.

Key words: Russia, Ukraine, Roman Catholic Church, the Holy Apostolic See, political process, CIS countries, the Vatican.

Мировая конкуренция больших держав на сегодняшний день представляет не только гонку вооружений и баланс сил, но и конкуренцию идеологий, моделей и символов развития. В данной конкуренции участвуют прямо, а иногда и косвенно, церкви, а отношения римско-католической церкви и русской православной церкви являются отражением этой конкуренции [1, с. 52].

Возникший после распада СССР идеологический вакуум и кризис идентичности, этнонациональные и политические конфликты, социально-экономические проблемы способствуют повышению значимости религии в странах СНГ. В условиях непростого процесса становления самостоятельных постсоветских государств и формирования идентичности фактор религии играет большую роль. Проблема религиозно-духовного выбора является одной из самых актуальных в политическом процессе стран СНГ. Следовательно, политика, как внешняя, так и внутренняя, на постсоветском пространстве приобретают определённый религиозный оттенок, а межконфессиональные отношения — политический контекст [3, с. 76]. В большей мере этому способствуют внешние силы, представленные государственными и негосударственными структурами Запада и Востока и желающие навязать свои ценности странам и народам бывшего Советского Союза.

Миссионерская деятельность Ватикана, римско-католической церкви и украинской греко-католической церкви вписываются в формат современной политики Запада; выражается это в продвижении НАТО и ЕС на Восток и в прозелитической политике Ватикана и римско-католической церкви. Булатова А.Ю. считает, что одним из проявлений данной деятельности стала политика Ватикана на постсоветском пространстве, которая является фактически продолжением восточной политики римско-католической церкви по отношению к странам

Восточной Европы и исторической России [2, с. 95]. Руководство Святого Престола декларирует в своей деятельности цели экуменического и гуманитарного характера, но устремляется к повышению общественного статуса и роли римско-католической Церкви в бывших советских республиках.

В «новой» восточной политике Святого Престола особое внимание уделяется тем территориям постсоветского пространства, где традиционно католическое вероисповедание, а Украина занимает особый статус. Также Ватиканом предпринимаются меры по распространению католической религии в таких странах, где католицизм был традиционно чужд. В постсоветском пространстве на первом месте это Россия.

Миссионерская деятельность Ватикана и католической церкви в постсоветских республиках сегодня принимает активный характер. За данной деятельностью видна традиционная стратегия, которая наиболее эффективно обеспечивает сохранение позиций римско-католической церкви в мире и воздействие Ватикана на международные процессы. Более того, восточная политика Ватикана соотносится с политикой «расширения на Восток» политических и военно-политических структур Запада и фактически сопровождает её. Миссионерской деятельности римско-католической церкви помогают политические элиты в ряде государств СНГ, главной целью которых является получение поддержки Ватикана в политике сближения с Западом.

Современная политика Ватикана и римско-католической церкви приводит, в конечном итоге, к нарушению сложившегося за века цивилизационного баланса между религиозными системами Западной и Восточной Европы, что отражается на политических и международных процессах на постсоветском пространстве.

Действуя на постсоветском пространстве, Ватикан естественным образом вовлекается в политический процесс; это видно из новостных сюжетов на Украине, а также в развитии российско-украинских отношений.

В региональных процессах Европы Украина всегда являлась таким геополитическим

пространством, которое в каждую эпоху обретало своё особое место в международных отношениях. На этом пространстве в прошлом и сегодня происходит встреча Запада и Востока Европы и синтез двух культур. Здесь происходит синергия западно-католического и восточно-православного христианства, и ищут пути взаимодействия две христианские Церкви.

С конца 80-х гг. прошлого века Украина стала объектом наблюдений Ватикана, что объясняется экзегезой восточной политики, проводимой папой Иоанном Павлом II, и тех политических процессов, которые были в то время в СССР, когда противоречия внутри украинского социума усугублялись конфликтом двух церквей — православной и греко-католической [4, с. 120].

Независимость Украины и поддержка Ватикана способствуют легализации Украинской Греко-Католической Церкви, которая пытается не только восстановить свои позиции на Западной Украине, но претендует на роль активного актора общеукраинского политического процесса. Сегодня деятельность Украинской Греко — Католической Церкви вышла за границы Западной Украины и распространяется на южные и восточные регионы страны [5, с. 147].

Также происходит активизация миссионерской деятельности римско-католической церкви и Ватикана на Украине. Подобная политика прозелитизма, на наш взгляд, имеет свои отличия, которые выделяют деятельность католической церкви в Центральной Европе от иных стран СНГ. При исследовании этих отличий можно сделать следующие выводы.

1. Миссионерская деятельность Ватикана имеет чёткий геополитический ареал, расценивающийся в контексте «расширения Запада на Восток» и усиливающийся прозападной ориентации официальной политики Киева.

2. Римско-католическая церковь оценивает свою деятельность на Украине как возвращение утраченного пространства и усиление воздействия римско-католической церкви и католической религии среди украинского народа. Сегодня Украина рассматривает-

ся Ватиканом как наиболее благоприятный плацдарм для католической миссионерской деятельности на всем постсоветском пространстве.

3. Легализация Украинской Греко-Католической Церкви и её активность на национально-религиозном поле страны усиливают эффект пребывания римско-католической церкви и её воздействие на межцерковные отношения и политический процесс на Украине и, тем самым, препятствуют интеграции украинского социума.

4. Поддержка Ватиканом деятельности Украинской Греко-Католической Церкви является неявной формой распространения католичества на канонические земли русского православия, где оно располагалось исторически. Актуализация и пропаганда идеи церковной «унии» её союзниками способствует вынужденному подчинению украинского православия католической церкви.

5. Униатская модель интеграции Церковью Украины предусматривает разрыв связей украинского православия с русской православной церковью и, тем самым, способствует дальнейшему продвижению Украины на Запад и отчуждению её от России.

6. Политика межрелигиозных отношений на Украине имеет определённое воздействие на отношения с иными государствами и прежде всего на российско-украинские и российско-ватиканские отношения.

7. Особый статус Русской Православной Церкви в системе российской самоидентификации и стратегии государственного национального восстановления определяет внешнеполитическую позицию России в российско-ватиканских отношениях.

8. Прозелитическая деятельность католических и греко-католических миссионеров на Украине является главным препятствием в деле восстановления отношений между русской православной церковью и римско-католической церковью.

9. В России данная деятельность Ватикана рассматривается как вызов Западу единству Русской Православной Церкви, русско-украинским связям и историческим отношениям

двух славянских государств, а также вызов всему тому, за что боролась русская православная церковь на протяжении нескольких столетий.

На наш взгляд, для того, чтобы выйти из данного положения, необходимо выполнить следующие условия. Прежде всего, всем участникам конфликта необходимо признать, что данные противоречия являются следствием массового искоренения христианской культуры в СССР. Следовательно, деятельность Церковью по восстановлению целостного христианского сознания и воспитанию обоюдного уважения и взаимопонимания к культуре друг друга — необходимое условие улучшения отношений как между самими Церквями, так и между Россией и Украиной в целом. Также обоим христианским Церквям следует пересмотреть свои концепции безопасности и найти такие модели взаимодействия, которые исключают восприятие друг друга в качестве угрозы [6, с. 3] И для того, чтобы потенциальные положительные изменения могли реализоваться, они обязаны отвечать интересам каждой из сторон и, прежде всего, — интересам русского и украинского народов.

Стремление Русской Православной Церкви сохранить свои исторические позиции на Украине не имеют ничего с непризнанием специфики развития украинского православия, а стратегия соучастия и признания права выбора может помочь в отстаивании интересов русского и ориентированного на Москву православного украинского социума, не привязывая их к прошлым концепциям геополитической интеграции. В свою очередь, продуктивность общения русской православной церкви и римско-католической церкви будет становиться явной по мере того, как в международном сообществе будет утверждаться осознание принадлежности всех государств и народов к одной общечеловеческой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. — М., 2000. — 280 с.

2. Булатова А.Ю. Восточная политика Ватикана на примере Украины: Дисс. ...канд. ист. наук. — М., 2008. — 162 с.
3. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. — М., 1997. — 235 с.
4. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. — М., 1972. — 190 с.
5. Карлов Ю.Е. Миссия в Ватикан. — М., 2004. — 232 с.
6. Суслов Д.В. Не потерять партнёра. Независимая газета, Дипкурьер. — 2006. — С. 15.

УДК 329.05:323.325

Малоземов С.И.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

S. Malozemov

Mordvinian State University named after N.P. Ogarev, Saransk

THE INFLUENCE OF PEASANTS' ELECTORAL BEHAVIOR ON POLITICAL PARTIES ACTIVITIES IN THE POST-SOVIET RUSSIA

Аннотация. В статье аргументируется важность диалога между политическими партиями и российским крестьянством, который в кризисных условиях обусловлен ростом влияния политических ценностей крестьянства на процесс политического строительства в России. Подчеркивается, что игнорирование политическими партиями патерналистских представлений крестьянства о государстве, а также неспособность выполнять функции посредника во взаимоотношениях крестьян с институтами государства, приводит не только к корректировке их программных установок, но и к снижению интереса в обществе к партийному строительству.

Ключевые слова: политическая партия, крестьянство, аграрная программа, рыночная трансформация, политические ценности, государственное регулирование.

Abstract. The article gives grounds for the importance of a dialogue between the political parties and the Russian peasantry, which is due to the growing influence of the political values of the peasantry on the process of political development in Russia in the crisis period. The author emphasizes that if political parties ignore the peasantry's paternalistic views on the state and fail to act as a mediator in peasants' relations with state institutions, it will lead not only to an adjustment of their program settings, but also to a decrease an interest to a party building.

Key words: political party, the peasantry, the agrarian program, market transformation, political values, state regulation.

Объективная необходимость аграрных реформ в конце 1980-х — начале 1990-х гг. признавалась всеми политическими силами. Однако тогда на политической арене у крестьянства не было сильной и влиятельной политической организации, заинтересованной в развитии отечественного сельского хозяйства. С переходом к радикальным рыночным преобразованиям российскому крестьянству была уготована совершенно другая альтернатива.

Как справедливо заметил Г.Г. Дилигенский, реформаторские идеи того времени были выражены лишь в формах предельно абстрактных лозунгов — ценностей (рынок, демократия, правовое государство), а также макроэкономических и теоретических рассуждений, непонятных большинству населения [4, с. 52]. Смысл всех преобразований воспринимался крестьянством на уровне их обыденного сознания. Пожалуй, этим и объясняется то обстоятельство, что команда Б. Н. Ельцина в ходе предвыборной агитации намеренно заостряла внимание избирателей не на кардинальных изменениях, а на имидже борца с привилегиями, бюрократией, коррупцией, защитника справедливости и порядка, что в значительной степени коррелировало с ментальными архетипами политического сознания крестьянства.

Правые партии в своих политических программах основной акцент делали на общих принципах либерализма, а собственно аграрные проблемы в качестве самостоятельных не выделяли. К примеру, программа ЛДПР, принятая в марте 1990 г., констатировала, что конституцион-

ные гарантии имеют все виды собственности, а земля на первом этапе должна остаться во владении государства [5, с. 52-53]. Блок «Выбор России» в области аграрной политики выступал за освобождение государства от не свойственных ему при рыночной экономике функций [8]. В политической платформе умеренно-либеральной Партии российского единства и согласия (ПРЕС), а также правого блока «Яблоко» и вовсе содержались общие декларации о необходимости глубокого анализа мирового и отечественного опыта ведения сельского хозяйства, всестороннего учета потребностей жителей села и соблюдения принципа добровольности в выборе крестьянами организационных форм сельскохозяйственного производства, сокращения и отказа от централизованных закупок зерна [12].

На этом фоне контрастировала программа Социалистической партии трудящихся, выступавшая за признание земли общенародным достоянием, не подлежащим передаче в частную собственность, за многоукладную экономику на основе добровольного выбора трудовыми коллективами форм собственности и хозяйствования, а также за сохранение сильного государственного сектора экономики [8].

В целом анализ программных документов основных общественно-политических объединений периода 1990 — 1993 гг. свидетельствует о том, что стратегия преобразований была направлена на разгосударствление, приватизацию, либерализацию, децентрализацию, что, естественно, шло вразрез с патерналистскими настроениями крестьянства. Для абсолютного его большинства надежды на улучшение жизни связывались не с возможностью открытия фермерского хозяйства, а с совершенствованием социальной роли государства. Крестьянство категорически отказалось предоставлять поддержку таким партиям, как «Выбор России», «Яблоко», «ПРЕС» и ДПР, подтвердившими свою приверженность либерально-демократическим ценностям, а потому выглядевшими виновниками кризиса в сельском хозяйстве. При этом была сделана отчетливая заявка на появление политичес-

кого ориентира в будущем: отдав 13% голосов за левоцентристскую Аграрную партию России, выступавшую от имени крестьянства, оно выразило надежду, что именно эта партия сможет лучше, чем любая другая защитить их интересы. Результаты же НДР (10%) скорее стали следствием присущей крестьянству ориентации на власть.

Отсутствие реальной поддержки правых партий на селе свидетельствовало о том, что их государственно-политическая деятельность все более подчинялась узким политическим целям. Неудача либеральных проектов заставила внести определенные коррективы в партийные программы в период парламентских выборов 1995 г. Так, «ПРЕС» в своей предвыборной аграрной программе акцент делала на бюджетном обеспечении сельского хозяйства, таможенной защите отечественного товаропроизводителя [13, с. 94-95]. Однако партийный проект федерального закона «О земле», составленный в интересах городских владельцев дач и огородов, поспособствовал провалу партии на выборах и прекращению ее существования.

В программе движения «Демократический выбор России», председателем которого являлся Е. Т. Гайдар (1995 г.) прозвучал отказ от необходимости форсирования реорганизации колхозов и совхозов насильственными методами [3, с. 18-19].

Наибольшие изменения в этот период претерпевают программные положения ЛДПР, которые учитывали особенности политического сознания крестьянства: отказ от насильственной ликвидации системы коллективных хозяйств, крупномасштабной приватизации земельных ресурсов, способной обращать земельные ресурсы в предмет спекуляции. Одновременно в ранг идеалов возводились такие ценностные доминанты, отвечавшие интересам крестьянства, как «справедливость», «правопорядок», «патриотизм» [10, с. 244].

Примечательным является и то, что появившаяся на политической арене проправительственная правоцентристская политическая сила «Наш дом — Россия», отстаивавшая

либерально-демократические реформы, провозглашала крестьянство хранителем национальных традиций, нравственности и генетического фонда всего народа [14].

В предвыборной программе КПРФ подчеркивалась необходимость государственной поддержки крестьянства, обеспечения равных условий для всех форм хозяйствования на селе [15, с. 8]. Основным лейтмотивом программы явилась необходимость учета специфики аграрного сектора России, опиравшегося на традиции общинности и коллективизма.

Предвыборная платформа АПР на выборах 1995 г. была созвучна программе КПРФ в области государственного регулирования агропромышленного производства, защиты интересов крестьянства. Казалось, АПР, укрепив связи с министерством сельского хозяйства (в 1994 г. министром сельского хозяйства был назначен один из ее лидеров — А. Назарчук), фактически стала политическим связующим звеном между государственной властью и сельскохозяйственным сектором экономики. Однако нечеткая идеологическая ориентация, усилившееся давление со стороны партии власти и как следствие — частая поддержка предложений Правительства РФ, неизбежно вели к падению престижа АПР в глазах общественного мнения и провалу уже на следующих думских выборах.

Корректировка программных установок политических партий была обусловлена соответствующим электоральным поведением российского крестьянства. Так, материалы социологического исследования Фонда «Общественное мнение» 1993 г. [7, с. 65], Центра социологических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова в 1995 и 1996 гг. свидетельствуют о том, что крестьянство связывало уровень своего благосостояния не со степенью проявления личной инициативы, а с соответствующей политикой государства [11, с. 49]. Ярko выраженные патерналистские представления о государстве сохранились и в дальнейшем.

Начиная со второй половины 90-х гг. XX в., тезис о наведении порядка становится одним из ключевых в политической жизни россий-

ского государства, приобретая статус общенациональной идеи. Однако, если в вопросе о необходимости наведения порядка в среде крестьянства наблюдалось устойчивое единодушие, то в вопросе о методах и средствах его наведения идея введения в государстве режима «жесткой руки» в среде фермерства и представителей остальных слоев крестьянства постоянно набирала популярность. Действительно, с одной стороны, агитация власти на селе с целью создания и развития фермерского хозяйства привела к росту популярности демократических органов власти в среде фермерства. А с другой, — отсутствие интереса со стороны власти к судьбе членов бывших колхозов и совхозов стало причиной появления негативного отношения остальной части крестьянства как к демократическим политическим силам, так и к нарождающемуся фермерству.

Примечательно, что тезис о наведении в государстве порядка занимал в рассматриваемый период центральное место в программном документе именно АПР: «укрепление российской государственности и восстановление авторитета власти — вот главная задача руководства» [1, с. 27]. Следовательно, гарантом обеспечения порядка в сознании крестьян выступала сильная центральная власть.

Воздействие политических ценностей крестьянства на процесс партийного строительства с новой силой проявилось в 1999 г. О своей поддержке традиционной модели политических ценностей заявили практически все политические силы страны, хотя необходимо отметить важность сохранения общественного единства после дефолта 1998 г.

Так, «Единая Россия», сменившая в 1999 г. НДР на посту проправительственной общественно-политической организации, открыто заявила о своей ориентации в практической деятельности на традиционные российские духовно-нравственные ценности, отвечавшие интересам крестьянства: сильная президентская власть, сильное и единое государство, порядок, стабильность, законность, мир, безопасность. Примечательно также, что на

смягчение своих радикальных программных положений тогда же пошло и «Яблоко», до этого последовательно защищавшее идеи либерализма.

Что касается восприятия крестьянством идеи демократии, то в условиях кризиса оно проецировалось на отношение к демократическим институтам власти. Так, неуклонно сокращалось доверие к президенту, правительству, парламенту и органам власти субъектов федерации. Представляется, что важнейшими причинами неудовлетворенности крестьянства процессами демократизации выступали такие факторы, как сохранявшееся падение уровня жизни и отчуждение подавляющей его части от существующих политических институтов.

С приходом В.В. Путина к власти доверие крестьянства к демократическим политическим институтам оставалось на прежнем низком уровне, лишь доверие президенту значительно выросло. Однако это свидетельствовало о доверии крестьян не институту президентства, а лично В.В. Путину, в патерналистском духе связывавших с ним надежды на усиление государства и восстановление в стране порядка.

Приходится признать, что крестьянство по-прежнему не оказывало значимого влияния на государственные институты, т. к. не выступало в качестве существенной политической и экономической силы. Это подтверждается как низкими объемами финансирования сельского хозяйства, так и нежеланием политических партий признать приоритетность развития отечественного сельского хозяйства.

В целом же политические ценности крестьянства оказывали непосредственное поступательное воздействие на программные положения уже существующих партий и процесс формирования новых политических, общественных организаций, отражающих интересы различных слоев крестьянства. Однако та легкость, с которой политические партии склонны менять свои взгляды, свидетельствует о том, что их программная определенность отходила на второй план, уступая место идеологической. Исключение состав-

ляли лишь КПРФ, «Яблоко» и СПС. Поэтому значительное колебание электората, начиная с периода электорального цикла 1995 г., объясняется не столько стремлением вернуться к социалистическому прошлому, сколько протестом против деятельности властей и неприятием негативных результатов их практической политики в те годы. В ходе выборов Государственной думы третьего созыва в 1999 г. крестьянство вновь подтвердило свою приверженность коммунистической идеологии.

Убедительная победа В.В. Путина в ходе выборов Президента РФ в 2000 г. объясняется тем, что его команда сделала основную ставку на то, что преодоление надвигающегося хаоса под силу лишь надежному, уверенному, жесткому молодому политику, готовому дать стране порядок и стабильность. Победа же «Единой России» в ходе выборов депутатов Государственной думы четвертого созыва в 2003 г. объясняется направленностью ее лозунгов на обеспечение в государстве порядка и стабильности, не связывая их достижение с проведением в стране либерального курса реформ. Кстати, этими обстоятельствами и обусловлены значительные потери электорального потенциала коммунистов.

В последующее время электоральное поведение крестьянства было связано с продолжением курса, направленного на усиление роли федерального центра, власти президента, применение жестких мер с целью наведения порядка и стабильности в государстве, чем и воспользовалась «партия власти». В 2008 г. «Единая Россия» предпринимает грамотный стратегический ход по слиянию с АПР, подчинив себе не только традиционных сторонников АПР, но и фермеров, примкнувших к Аграрной партии и требовавших корректировки аграрной политики. Остальные же партии, в чем-то идеологически близкие к аграриям, образовавшийся вакуум восполнить не смогли. Так, в программных документах КПРФ аграрная тема представлена широко. Однако партия не приемлет частной собственности, озвучивает необходимость восстановления колхозов и совхозов. Требования «Справедливой России», как и ЛДПР,

носят исключительно декларативный и далекий от практической реализации характер.

Можно, однако, согласиться с мнением В.С. Иноземцева, который утверждает, что в настоящее время завершён очередной виток исторического цикла, исчерпаны те общественные парадигмы, которые во многом позитивно воспринимались обществом в «эпоху нулевых». Эффективность этой системы тает потому, что в ней предпринята попытка соединить несоединимое: реальный авторитаризм и признаки демократии; государственный подход и разнузданный экономический либерализм; размен свободы на благосостояние и примитивную политическую демагогию» [6, с. 3]. Все это привело к появлению новой социальной реальности, которая характеризуется нарастанием социальных и экономических диспропорций, ростом протестных настроений.

Действительно, ощущение переходности переживаемой эпохи все сильнее овладевает различными слоями общества. Потеря динамизма, отличавшего социально-экономическую жизнь, особенно в первой половине «нулевых», отчетливо фиксируется массовым сознанием. В результате население становится менее восприимчивым к популистскому стилю политического взаимодействия.

Современные российские партии не способны выполнять функции посредника во взаимоотношениях россиян с институтами государства, ибо носят сугубо элитарный характер и формируются как специальный механизм для движения в верхние эшелоны власти, для защиты узкогрупповых интересов. В этом и заключается главная причина снижения интереса россиян к партийному строительству, когда партийно-политическая система России перестает отражать интересы различных групп и слоев общества. В этой связи неудивительны выводы экспертов Межрегионального общественного движения «Крестьянский фронт» по проблеме масштабной поддержки села со стороны государства: «Сельский житель привык к испытаниям и более устойчив к потрясениям, почти на «генетическом» уровне. Его испытывают на

прочность столетиями. Поэтому он в большей степени привык надеяться на свои силы, нежели на помощь государства или дяди в белом воротничке. Ошибочно называть селян оптимистами — как жили не богато, так и будут жить!» [2].

Кроме того, эффективность диалога крестьянства и политических партий снижается в связи с реализацией в современной России, по сути, элитистской модели, при которой формированием интересов и принятием решений ведают сами политические партии, тогда как функция голосования состоит лишь в выборе одной из претендующих на власть политических элит и принятии ее лидерства. Голосующие выступают в качестве потребителей, а партии — в качестве предпринимателей, предлагающих на выбор альтернативные пакеты решений и менеджмент [9, с. 26]. Этим обусловлен колоссальный разрыв между «Единой Россией» и всеми другими партиями, которым, например аграриям, и предложить практически нечего.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости повышения роли партий не только в политической системе, но и в социально-экономической жизни страны. Политическим партиям в современных условиях в своем стремлении к стабильности, порядку, умеренному прагматизму в государственном управлении придется активнее заниматься поиском массового консенсуса как между собой, так и с крестьянством по ключевым вопросам аграрной политики, что, несомненно, будет способствовать выявлению и своевременному устранению проблем в сельском хозяйстве страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аграрная партия России // Абрамов Ю.К., Головина Т.Ю. Политические партии и движения России. Ежегодник. — М.: Пресс ЛТД, 1996. — С. 5-31.
2. ВЦИОМ: 38 % россиян уверены, что в кризис их материальное положение не изменится? 23.03.2009 [Электронный ресурс] // Межрегиональное общественное движение «Крестьянский фронт» [Сайт]. — URL: <http://www.krfr.ru/news/651/> (Дата обращения: 19.11.2012).

3. Гайдар Е. Сделай разумный выбор: Записки из зала. — М.: Евразия, 1995. — 79 с.
4. Дилигенский Г. Г. Российские архетипы и современность // Вестник Фонда «Российский общественный политический центр». — 1996. — № 2. — С. 45-52.
5. Жириновский В.В. О судьбах России: в 3 ч. — Ч. 3. С моей точки зрения... — М.: б. и., 1993. — 64 с.
6. Иноземцев В.С. Вертикаль власти — это хорошо // Московский комсомолец. — 2011. — 6 июня. — С. 3.
7. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. — 1994. — № 2. — С. 39-76.
8. Коргунюк Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность [Электронный ресурс] // Партиформ [Сайт]. — URL: [http:// www.partinform.ru/ros_mn.htm](http://www.partinform.ru/ros_mn.htm) (Дата обращения: 19.11.2012).
9. Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. — М.: Изд-во «Весь мир», 2003. — 784 с.
10. Либерально-демократическая партия России // Абрамов Ю.К., Головина Т.Ю. Политические партии и движения России. Ежегодник. — М.: Пресс ЛТД, 1996. — С. 229-259.
11. Орлов Г.М., Уваров В.И. Село и российские реформы // Социс. — 1997. — № 5. — 43-53.
12. Партия российского единства и согласия // Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность [Электронный ресурс] // Партиформ [Сайт]. — URL: [http:// www.partinform.ru/ros_mn.htm](http://www.partinform.ru/ros_mn.htm) (Дата обращения: 19.11.2012); Предвыборная платформа (ноябрь 1993 года) [Электронный ресурс] // Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» [Сайт]. — URL: [http:// www.yabloko.ru/Union/Program/prog-93.html](http://www.yabloko.ru/Union/Program/prog-93.html) (Дата обращения: 19.11.2012).
13. Политические партии России. Выборы — 95 г.: в 2 ч. — Ч. 1 / под ред. Г.П. Касарова, Г.И. Тафаева. — Чебоксары: Чувашский гос. ун-т, 1996. — 344 с.
14. Программа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия» [Электронный ресурс] // Панорама [Сайт]. — URL: <http://www.panorama.ru/partie/book6049.shtml> (Дата обращения: 19.11.2012).
15. Россия, родина, народ: предвыборная платформа кандидата на пост Президента Российской Федерации Зюганова Геннадия Андреевича [Электронный ресурс] // Пермский государственный архив новейшей истории [Сайт]. — URL: <http://www.permgani.ru/politads/files/1250.pdf> (Дата обращения: 19.11.2012).

УДК 323:330.15

Тищенко И.В.

Московский государственный областной университет

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЛИЯНИЯ
СЫРЬЕВОЙ ЗАВИСИМОСТИ ГОСУДАРСТВА
НА СОСТОЯНИЕ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ**

I. Tischenko

Moscow State Region University

**THEORETICAL BASIS OF THE INFLUENCE
OF STATE RAW MATERIALS DEPENDENCE
ON ITS POLITICAL INSTITUTIONS**

Аннотация. В статье поднимается проблема развития государства, богатого природными ресурсами, рассматриваются теоретические подходы к изучению феномена «ресурсного проклятия», приводятся мнения ученых о возможностях развития государств с сырьевой ориентацией, а также механизмы и последствия влияния ресурсоориентированной экономики на степень демократизации политического режима. Приводятся полярные мнения об эффективности государственной власти, не обремененной недостатком сырьевых ресурсов. В завершение статьи делается вывод, основанный на статистических данных по множеству стран, о том, что существует прямая зависимость между объемом природных богатств и темпами экономического роста.

Ключевые слова: экономическая политика, социально-экономическое развитие, теория «ресурсного проклятия», природно-ресурсный потенциал, сырьевой сектор экономики, национальное богатство.

Abstract. The article raises the problem of the development of a state, rich in natural resources; examines the theoretical approaches to the study of the phenomenon of the “resource curse”; reflects the views of scientists on the possibilities of development of countries oriented on raw materials. Besides, the mechanisms and aftereffects of natural resource based economy’s influence on the degree of democratization of the political regime. The author presents polar opinions about the effectiveness of the state power which is not suffering from the lack of raw materials. There is a conclusion, based on statistical data from lots of countries, that there is a direct correlation between the amount of natural resources and the economic growth.

Key words: economic policy, social and economic development, the theory of the «resource curse» of natural-resource potential, resource sector of the economy, the national wealth.

Изучение темы рентоориентированной экономики и влияния сырьевой зависимости государства на состояние его политических институтов является одним из наиболее популярных сюжетов в современной литературе, посвященной проблемам развития и роста. В основе данного направления исследований лежит эмпирическое наблюдение о том, что страны, более богатые природными ресурсами, растут более медленными темпами, чем страны, обладающие меньшими запасами природных ресурсов. Было предложено множество объяснений, почему природные ресурсы могут вредить экономическому росту [4, с. 27-30, 62]. К основным каналам «ресурсного проклятия» относят так называемую голландскую болезнь, высокую волатильность мировых цен на ресурсы, подрывающую стимулы к долгосрочным инвестициям, дефицит инвестиций в человеческий капитал, а также рентоориентированное поведение и снижение качества институтов.

Проблема рентоориентированной экономики превратилась в одну из ключевых проблем российского государства. Правительство России, получая огромные финансовые средства от

продажи углеводородов западным партнёрам, может не проводить объявленную модернизацию и диверсификацию экономики и благодаря ренте поддерживать непрочную стабильность режима. В своей статье мы сосредоточим внимание на изучении основных теоретических подходов к проблеме влияния рентоориентированной экономики на внутреннюю политику государства.

В современной экономической и политической науке существует довольно широкий спектр исследований, посвященных изучению влияния ресурсообеспеченности государства на состояние его политических институтов. Проблему данного исследования можно разделить на две составляющие. Первая — это проблематика экономического развития государства, а вторая — соответственно, вопрос качества институтов и демократичность политического режима.

Проблема эффективного развития экономики приобретает всё большее значение. Но изначально внимание к влиянию объёмов экспорта энергоресурсов на характер политического режима страны экспортёра, обратил английский экономист Р. Аути [5, с. 22]. Термин «ресурсное проклятие» был введён данным исследователем для объяснения парадоксального явления падения уровня жизни в странах-экспортерах нефти в 1970-1980-е годы. Р. Аути, проведя сопоставления объёмов экспорта энергетических ресурсов и показателей ВВП на душу населения, пришёл к выводу, что показатель ВВП на душу населения в странах-членах ОПЕК снижался в среднем на 1, 3% в год, тогда как в остальных развивающихся странах он рос в среднем более чем на 2% в год. Впоследствии факт существенно замедленного развития стран, богатых ресурсами, был выявлен в междисциплинарном исследовании Дж. Сакса и Э. Уорнера [11, с. 15]. Они отмечали, что данный вывод вполне согласуется и с результатами исторического анализа экономического роста: в XVII в., когда бедные ресурсами Нидерланды обогнали богатую драгоценными металлами Испанию, а в конце XIX — начале XX в. Япония обогнала обильную природными ресурсами Россию.

В отличие от широко распространенного мнения, результаты данных исследований не доказывают, что страны, богатые ресурсами, жили бы лучше, если бы избавились от них. По мнению российских исследователей К. Сониной и С. Гуриева, «ресурсное проклятие» — это отрицательное влияние структуры экономики на темпы экономического роста, а не на уровень развития. Чтобы развиваться быстрее, нужно не уничтожить природные ресурсы, а заменить их другой продукцией. «Ресурсное проклятие» свидетельствует об отрицательном влиянии не самого наличия природных ресурсов, а их доминирования в национальном хозяйстве» [2, с. 9]. В качестве примера они приводят США — государство, которое является одним из крупнейших производителей нефти в мире, но это производство играет в их экономике небольшую роль, не покрывая и половины потребностей.

Помимо этого, существуют государства, которые, обладая большими запасами нефти и газа, имеют более высокие показатели ВВП на душу населения, чем те государства, у которых недостаточно энергоресурсов. При этом наличие большого количества природных ресурсов не является залогом быстрого экономического роста. Исследованиями в данном направлении занимался политолог М. Росс [9, с. 325-361].

В современной политэкономической литературе существует несколько взглядов о характере влияния «ресурсного проклятия» на экономическую политику государства и состояние его политического режима. Строго говоря, невозможно сделать однозначный вывод — большое количество энергоресурсов вызывает изменения в политическом курсе страны, которые ведут к появлению авторитарного режима, или не вызывает. Поэтому считаю необходимым представить некоторые основные теории, раскрывающие механизмы «ресурсного проклятия».

Одну из первых теорий экспортноориентированного роста предложили исследователи Аути и Кииски [6, с. 19-35]. Согласно их теории «ловушки сырьевой специализации», государство, опирающееся на главные экс-

портные продукты, формировались вокруг главных экспортных сырьевых отраслей. Развитие экономики происходило после смены одних экспортных продуктов другими. Например, в Канаде этими продуктами были: пушнина — зерно — древесина — минералы и топливо. Учёные, занимаясь исследованием влияния сырьевого экспорта на степень модернизации экономики развитых и развивающихся государств, пришли к выводу, что влияние может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Если благодаря развитию экспортного сектора получали стимулы к росту производственные отрасли, связанные с энергетическим комплексом, эти отрасли не стагнировали, имея дополнительные импульсы к росту от сырьевого сектора экономики. Но возможен вариант, когда производственные ресурсы для сырьевого комплекса ввозились из-за рубежа, тогда связи между секторами экономики государства становились всё слабее, что и приводило к отрыву сырьевого сектора от всех остальных. Вследствие этого государство попадало в ловушку сырьевой специализации.

Другое направление в современной литературе о «ресурсном проклятье» заключается в исследовании политэкономических последствий ресурсного бума. Сутью данного направления исследований является то, что доходы, получаемые от добычи и продажи энергоресурсов, настолько велики, что государству становится выгоднее вкладывать средства в дежурную ренту, а не в производственную деятельность. В таких государствах коррупция, лоббирование, нечестная конкуренция расцветают, что оказывает пагубное воздействие на развитие экономики в целом. Исследованиями данного механизма «ресурсного проклятья» занимались Е. Балт и Р. Дамания [7, с. 8-10]. По мнению исследователей, в условиях расцвета коррупции государственные усилия по перераспределению ресурсной ренты в виде госинвестиции и субсидии для развития нересурсного сектора могут оказаться неэффективными из-за плохого инвестиционного климата, роста неравенства, ухудшения человеческого капитала.

Таким образом, как считают выше указанные учёные, если «ресурсное проклятье» и существует, то не вследствие изобилия природных ресурсов, а скорее из-за неправильного использования доходов от добычи. Неэффективное расходование ренты может выражаться в низком качестве государственных институтов, недостаточном инвестировании в модернизацию производственных средств.

Кроме теорий, выступающих за существование негативной связи природных ресурсов и политического режима, существует целая группа учёных, подвергающих сомнению наличие «проклятья природных ресурсов». М. Алексеев и Р. Конрад, считают, что предложенное Дж. Саксом и Э. Уорнером измерение доли экспорта природных ресурсов в ВВП плохо подходит для роли индикатора «ресурсного проклятья» [3, с. 12]. Следовательно, выводы, сделанные первооткрывателями «ресурсного проклятья», — неверные. Алексеев и Конрад предлагают измерять зависимость экономики от природных ресурсов показателями объёмов добычи в целом и количеством доказанных ресурсов, залегающих в недрах. По мнению авторов, если негативная взаимосвязь между природными ресурсами и демократичностью политического режима и существует, то не вследствие изобилия углеводородов самих по себе, а вследствие неэффективного расходования финансовых средств, получаемых от продажи нефти и газа, т. е. главная роль отводится политическим институтам. Группа норвежских экономистов [9, с. 1-20] предположила, что существует определённый уровень институционального развития государственных институтов, ниже которого богатство природными ресурсами негативно сказывается на качестве институтов, а выше — не имеет существенного негативного влияния.

Таким образом, «сырьевого проклятья» как такового не существует: статистика по множеству стран выявляет прямую зависимость между объемом природных богатств и темпами экономического роста [1, с. 45-64]. По сравнению с развитыми сырьевыми державами — Канадой, Австралией, Новой

Зеландией и Норвегией — природный капитал России велик, но недостаточно вовлечён в экономическую политику государства. С другой стороны, экономика нашей страны в большей степени зависит от экспорта сырья (в особенности, углеводородов), нежели экономики этих стран. Мировой опыт должен помочь России понять, как лучше распорядиться сырьевыми богатствами и доходами от них. Сами по себе сырьевые отрасли ничуть не хуже любых других: они точно так же способствуют развитию смежных секторов и при улучшении эффективности и качества приносят более высокий доход. Доходность сырьевых отраслей в целом выше, чем промышленных и сервисных, и это может приводить к «голландской болезни». Цены на сырьё очень изменчивы, и поскольку бюджет России больше чем наполовину состоит из доходов от торговли природными ресурсами, важно «изолировать» расходную часть от колебаний. Этой цели служат разные инструменты: стабилизационный фонд и диверсификация экспорта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. — 440 с.
2. Сонин К., Гуриев С. Экономика «Ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. — 2010. — №3. — С.4-22.
3. Alexeev M, Conrad R. The Elusive Curse of Oil: SAN Working Paper. — 2005. — N 7. — P. 12-32.
4. Auty R. Resource Abundance and Economic Development. Oxford: OUP, 2001. — Режим доступа: <http://ukcatalogue.oup.com/product/9780199246885.do> (дата обращения: 20.04.2012).
5. Auty R. Resource Abundance and Economic Development. Oxford: OUP, 1995. — Режим доступа: <http://ukcatalogue.oup.com/product/9780199246885.do> (дата обращения: 20.04.2012).
6. Auty R.M., Kiiski S. Natural Resources, Capital Accumulation, Structural Change, and Welfare // Resource Abundance and Economic Development / Oxford University Press, 2001. — P. 19-35.
7. Bulte E., Damania R, Deacon R. Resource Abundance, Poverty and Development. 2003. — Режим доступа: <http://www.econ.ucsb.edu/papers/wp21-03.pdf> (дата обращения: 28.04.2012).
8. Mehlum H., Moene K., Torvik R Institutions and the Resource Curse // Economic Journal. — 2005. — Vol. 116. — No 508. — P. 1-20.
9. Ross M. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics. — 2001. — Vol. 53. — No3. — P. 325-361.
10. Sachs J., Warner A. Natural Resource Abundance and Economic Growth NBER, 1997. — Режим доступа: http://www.cid.harvard.edu/ciddata/warner_files/natresf5.pdf (дата обращения: 03.05.2012).

УДК 32.001

Рудакова Е.Н.

Российская таможенная академия (г. Люберцы)

СУЩНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

E. Rudakova

Russian Customs Academy, Lyubertsy

ESSENCE OF EDUCATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности образовательного процесса с учетом условий, способствующих эффективной деятельности в сфере образования, и условий, влияющих на данную сферу отрицательным образом, определяются внешние и внутренние факторы детерминации современной образовательной политики, приводятся возможные направления формирования перспективной системы образования в условиях глобализации. Первейшей задачей образовательной политики в условиях глобализации автор считает достижение современного качества образования, его соответствие актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства, органичное вхождение в фарватер международной системы образования.

Ключевые слова: образовательная политика, образовательный процесс, глобализация, реформирование, перспективная система образования.

Abstract. This article examines the peculiarities of educational process which proves conditions for effective activities in educational sphere. Besides, the conditions having negative impact on education are considered; external and internal factors of determination of modern educational policy are defined; and the possible directions of formation of a perspective education system in the conditions of globalization are given. The author considers the quality of education to be the foremost problem of educational policy in the conditions of globalization at the present stage. It is stated that to make the quality of education corresponding with the acute and perspective requirements of the personality, society and the state is one of the most important tasks. Its organic entry into the international education system is also very important.

Key words: educational policy, educational process, globalization, reforming, perspective system of education.

Российское общество переживает период глубоких структурных изменений, происходящих как в нем самом в целом, так и в образовании. Смысл и значение этих изменений обусловлены поиском новых приоритетных направлений, технологий и механизмов их реализации в образовательной сфере, соответствующих современным тенденциям развития нашего общества. Образовательный процесс — это не просто передача знаний, а воспроизводство, трансляция и освоение в жизнедеятельности новых поколений устойчивых элементов культуры — традиций и опыта основных системных элементов [3, с. 25].

Современные условия жизни общества связаны с не существовавшими или не имевшими ранее большого значения трудностями в организации образовательной деятельности. Условия могут либо повышать эффективность образования, либо воздействовать на данную сферу отрицательным образом. Возможна классификация факторов, влияющих на образование по двум основным признакам: направленность их влияния на образование, а также их внешний или внутренний характер, определяющий способы воздействия общества и его отдельных сфер (таких, как политика, экономика, государство и его институты) на образование. Группа внутренних факторов — это факторы, находящиеся в сфере воздействия различных социальных институтов при учете конкретно-исторических условий и, по нашему мнению,

имеющие наибольшее значение для усиления деятельности государства в сфере образования. Группа внешних факторов — это факторы, пребывающие вне сферы влияния социальных объектов.

Специфическим фактором, детерминирующим образование, является политика, которая, как инструмент сознательного саморегулирования общества, может распространяться на самые различные общественные явления: на те, которые требуют постоянного властного регулирования, и на те, которые лишь временно приобретают политическую значимость [3, с. 26]. Политика, распространяющаяся на социальные, экономические, духовные и иные явления, не замещает их, делая объектами воздействия государственной власти.

Образовательная политика — общая политика государства в сфере образования, включающая: цели и задачи стратегии образовательной деятельности; комплекс мер, осуществляемых государством и его органами в отношении образования как социального института; социальное, правовое, экономическое, культурное и др. направления внутренней российской политики.

Наиболее значимым внешним фактором детерминации образовательной политики в современных условиях выступает глобализация общественного развития и наличие цивилизационных различий народов и государств [4, с. 16]. Глобализация — это эпохальный процесс, протянувшийся сквозь череду столетий и не имеющий пока завершения, суть которого состоит во внезапном возрастании и усложнении взаимосвязей и взаимозависимостей как государств, так и людей в процессах становления мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы, планетарного информационного пространства, в интернационализации проблем техногенного воздействия на природную среду, межэтнических и межконфессиональных конфликтов и безопасности. Приоритетная роль в процессе глобализации, обусловленная развитием научно-технического прогресса и всеобъемлющей технологизацией передовых

стран мирового сообщества, принадлежит образованию.

Ведущими проявлениями глобализации в образовании являются:

1. возникновение транснациональных образовательных корпораций;
2. наличие не только традиционного глобального рынка образования, но и виртуального;
3. интегрированность общественных и образовательных систем;
4. привнесение в управленческий ресурс и в технологию обучения информатизации образования;
5. унификация образовательных систем и культурных ценностей.

Условия, влияющие на политику в сфере образования на внутригосударственном уровне, соотносятся с претворением демократического типа политического режима, отстаиванием национального своеобразия, культурной самобытности и ментальности народов, проживающих на территории государства, потребностью в обеспечении его национальной безопасности [1].

На основании вышеперечисленных условий детерминации современной образовательной политики, национальная доктрина образования, следующая из нее государственная политика и конкретные программы развития образования должны основываться на таких первостепенных подходах, как:

- образование в сочетании с общественно-политическими институтами и средствами массовой информации — это определяющее средство установления демократического государства;
- образование во взаимозависимости с культурой, с опорой на исторические и национальные традиции, при учете мирового опыта — это ключевой фактор моделирования высоконравственной, интеллектуальной, духовной и физически развитой личности;
- образование во взаимосвязи с наукой — это важнейший фактор организации в нашей стране высокоэффективной экономики на новопостроенной производственно-технологической основе, в рамках производственно-

рыночных отношений и перехода России в информационную фазу развития.

Таким образом, основной целью образовательной политики современной России должно стать преобразование образовательной системы из второразрядной, «ресурсозатратной» сферы в приоритетную, как ведущую часть государственного строительства и политики.

Важнейшими направлениям формирования перспективной системы образования в условиях глобализации, по нашему мнению, являются:

- наращивание качества образования путем внедрения подходов, основанных на использовании новых информационных технологий в разрезе фундаментализации;
- разработка методов и приемов обучения с учетом прогнозируемых проблем будущей цивилизации;
- расширение доступности образования для всех возрастных категорий населения страны посредством использования возможностей дистанционного обучения и самообразования на основе применения информационных и телекоммуникационных технологий;
- осуществление перехода от массово-репродуктивной к активно-деятельностной системе образования, позволяющей создать необходимые условия для выявления и формирования творческой индивидуальности будущего специалиста.

Однако реформирование и модернизация российского образования часто осуществляется посредством переноса различных образцов западных образовательных моделей в российскую образовательную систему. Учитывать западный опыт, безусловно, важно и нужно, но простой перенос в Россию моделей образования и способов его реформирования представляется малоэффективным и не во всем полезным: во-первых, репродуцирование западных моделей нецелесообразно потому, что в основу разных образовательных систем заложены свои национальные традиции, принципы, методы и приемы обучения, формирующие определенные социально-по-

литические воззрения и ценности; во-вторых, объектом и субъектом образовательной деятельности является человек, изучающий и преобразующий самого себя, который «образовывается» в смысловом поле определенных нравов, ценностей, идеалов, присущих данному социуму, поэтому образование призвано быть национальным по содержанию и характеру и лишь по форме — интернациональным.

Преобразившаяся роль знаний в современном обществе, повсеместное внедрение информационных технологий, как одного из факторов глобализации, позволяет утверждать, что образование занимает ведущую роль в структуре современного общества, определяя темпы и качество его развития, принимая вид общественного прогресса и важнейшего источника установления интеллектуальной среды переходного общества, а также формирования общих и профессиональных компетенций нового поколения специалистов, которые будут принимать решения по всем ключевым вопросам политики, экономики, образования и воспитания, культуры, информации и коммуникации, строя общество будущего. Базовые цели и направления отечественной образовательной реформы предусматривают максимально возможное развитие всех способностей и талантов человека. Человек — самоценность образования [2, с. 128].

Конкретными выражениями усиления роли государства в образовательной сфере являются политические установки государства и законодательная обусловленность образования, введение государственных образовательных стандартов, расширение государственного финансирования образовательных учреждений, составление социально-профессиональных рекомендаций для государственных органов разного уровня, укрепление государственного контроля за деятельностью образовательных структур.

Первостепенная задача образовательной политики в условиях глобализации на современном этапе — внедрение высококачественного образования, основанного на

актуальных и перспективных потребностях личности, общества и государства, органичное вхождение в фарватер международной системы образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Национальная доктрина образования в Российской Федерации. — М., 2000.
2. Пещеров В.Г. Политическая составляющая вхождения Российской системы образования в Общеввропейское образовательное пространство // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». — 2010. — № 2. — С. 126-129.
3. Усова Л.В. Государство и образование: политические аспекты взаимодействия: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2005.
4. Феофанов К.А. Влияние глобализации на цивилизационное развитие России // Социально-гуманитарные знания. — М., 2006. — № 2. С. 16 — 31.

НАШИ АВТОРЫ

Багдасарян Сусанна Джамиловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского государственного университета; e-mail: bsd73@mail.ru

Белов Алексей Викторович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (г. Москва); e-mail: belovavhist@mail.ru

Горлов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

Козьякова Наталья Сергеевна — кандидат политических наук, доцент, старший преподаватель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: nat5985@yandex.ru

Лукьянов Кирилл Александрович — аспирант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета; e-mail: Kir.A.L@Yandex.ru

Малоземов Сергей Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск); e-mail: semalozemov@yandex.ru

Мосоликов Сергей Александрович — аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: mosolikov@yandex.ru

Предигер Берта Иосифовна — соискатель кафедры отечественной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: berta.prediger@ya.ru

Рудакова Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (г. Люберцы Московской области); e-mail: elena_nikolaevna_rf@mail.ru

Тищенко Иван Вячеславович — аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: tischenko_i@mail.ru

Федорова Екатерина Юрьевна — преподаватель кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва); e-mail: nadis2003@bk.ru

Чекалин Алексей Евгеньевич — соискатель кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист-эксперт Территориального управления Росимущества в городе Москве; e-mail: ale-chekalin@mail.ru

Черник Мария Владимировна — ассистент кафедры истории и архивоведения Астраханского государственного университета; e-mail: chernik-max@mail.ru

Шахновский Андрей Львович — аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: shakhnovsky@gmail.com

Шелудченко Николай Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: facul-ipp@mgou.ru

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «История и политические науки» 2013. № 1

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*
литературный редактор *О.О. Волобуев*
переводчик *Е.В. Приказчикова*
корректор *Н.Л. Борисова*
компьютерная верстка *К.Ю. Клебанова*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 450 экз. Уч.-изд. л. 7,18, усл. п.л. 11,25.
Подписано в печать 20.02.2013. Заказ № 13.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть издательские расходы «Вестника МГОУ» на ее публикацию. В журнале не будут публиковаться статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой подписки на «Вестник МГОУ».

Для публикации научной статьи в определенной серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации, автор, предоставивший свою статью в определенную серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Одновременно автор дает согласие на доступ своих персональных данных неограниченному кругу лиц.

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik-mgou.ru>), пункт «Информация для авторов».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Потаповой Ирине Александровне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru